МЭРИ СВИ

КАТАРСИС

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Мэри Сви

Катарсис

«Автор»
2026

Сви М.

Катарсис / М. Сви — «Автор», 2026

Трисс — беглая преступница, осуждённая за использование запрещённой магии. У неё нет ни имени, ни документов, ни права распоряжаться собственной силой. Зато есть любимый мужчина, ради спасения которого она готова на всё. Даже на сомнительную сделку с врагом.Ярослава — принцесса, чья судьба определена ещё до её рождения. Она должна подчиниться воле отца и вступить в политический брак. Но встреча с загадочным бастардом и заключённое с ним соглашение заставляют её пойти против правил.Януш — правитель втянутого в кровопролитную войну княжества, где нет магии. Ради благополучия своей страны Князь давно отказался от собственных целей и желаний. Но женщина, в которой он не видит угрозы, заставит его усомниться в правильности собственных решений. И впервые задаться вопросом: сколько человечности можно принести в жертву долгу, прежде чем потерять себя?Что их объединяет? Никто из них не свободен.В этом мире любовь не спасает. А даже самая большая жертва может оказаться напрасной.

© Сви М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
Глава 1 ПОВ Трисс 6
Глава 2 ПОВ Император Георгий 10
Глава 3 ПОВ Трисс 14
Глава 4 ПОВ Януш 19
Глава 5 ПОВ Трисс 26
Глава 6 ПОВ Димитр 29
Глава 7 ПОВ Яра 34
Глава 8 ПОВ Трисс 38
Глава 9 ПОВ Яра 44
Глава 10 ПОВ Димитр 47
Глава 11 ПОВ Яра 49
Глава 12 ПОВ Трисс 53
Глава 13 ПОВ Трисс 56
Глава 14 ПОВ Яра 59
Глава 15 ПОВ Рейн 63
Глава 16 ПОВ Трисс 67
Глава 17 ПОВ Рейн/Димитр 71
Глава 18 ПОВ Яра 76
Глава 19 ПОВ Димитр/Трисс 82
Глава 20 ПОВ Яра 87
Глава 21 ПОВ Яра 90
Глава 22 ПОВ Трисс 95
Глава 23 ПОВ Трисс 98
Конец ознакомительного фрагмента. 101

Мэри Сви
Катарсис

Предисловие

Дорогой читатель!

Прежде, чем ты увидишь эту историю, знай.

ПОВ (Point of View) — это точка зрения персонажа. А значит, всё, что ты узнаёшь в соответствующей главе, проходит через его личное восприятие.

Персонажи этой истории не обязаны быть объективными. Они могут ошибаться в людях, неверно понимать чужие намерения и находить оправдания собственным поступкам.

Автор не всегда согласен с рассказчиком.

И тебе тоже необязательно.

Глава 1 ПОВ Трисс

«В отношении лиц, осуждённых за особо тяжкие преступления с применением магии, допускается принудительное ограничение доступа к магическому резерву посредством блокирующих артефактов».

—Из Императорского уложения о применении магии

Ты не можешь умереть так глупо. Иначе зачем было столько сопротивляться?

Ежевика — коварное растение. Сначала появляется один небольшой кустик с тонкими ветками и бледными цветами. Уже в первый год он даёт тёмные, кроваво-фиолетовые ягоды, и птицы разносят семена дальше по лесу. Но ежевике этого мало, и длинные побеги вгрызаются в рыхлую почву, чтобы новые ростки появились всё дальше от первого куста. Через несколько лет на его месте уже стоит плотная колючая чаща.

В этой части леса ежевика росла не один десяток лет.

Девушка с трудом пробиралась через заросли — дорогой ей служила едва заметная звериная тропа. Хищные ветки цеплялись за штанины, обвивали ноги, иногда добираясь до беззащитной кожи и оставляя саднящие царапины.

Пару дней назад случилась оттепель, потом снова ударил мороз, и ледяной наст на снегу лопался от каждого шага. Солнце спускалось к горизонту по-зимнему быстро — до заката оставалось чуть больше часа. Ночью температура упадёт ещё больше, а видимость снизится почти до нуля — тонкий полумесяц уже выплыл на небо, обещая яркие звёзды и кромешную темноту под ногами.

Неужели это всё?

Короткая примитивная мысль раз за разом возвращалась в голову. Пережить суд, восемь месяцев заключения — и замёрзнуть насмерть под деревом в первый же день после побега? Это могло быть иронично, если бы не было так страшно.

Морозный воздух щипал в носу, а мышцы ощутимо ломило. Непослушными пальцами она нащупала в кармане стеклянный пузырёк и очень осторожно достала — поверхность была гладкой и скользкой, а жидкость внутри почти бесценной.

Последняя порция.

Израненная спина постоянно давала о себе знать — кожа горела огнём от солёного пота. Рубаха пропиталась им насквозь, противно прилипнув, и даже тёплый меховой кожух не спасал от дрожи.

Слишком рано, чтобы раны воспалились, разве нет? Сколько прошло часов?

Мысли путались, не задерживаясь на одном месте. Девушка запрокинула голову, через силу глотая содержимое пузырька в надежде, что зелья хватит, чтобы снять жар и придать сил слишком быстро слабеющему телу.

Проклятый ежевичник наконец закончился.

Нужно передохнуть. Нужно понять, куда идти дальше.

Нет. Нужно… просто остановиться. Хоть на секунду.

В корнях необхватного дуба почти не было снега, и она села на землю, осторожно оперевшись на шероховатый ствол.

Магии в обессиленном теле было немного — прошло меньше суток, как с шеи сняли тяжёлый металлический ошейник, испещрённый грубыми насечками рун.

Он не просто блокировал магию — он высасывал её, оставляя пустую, бесполезную оболочку из кожи и костей, называемую человеческим телом.

Ну же. Хотя бы немного…

Зелье действовало быстро — в голове прояснилось ровно настолько, чтобы суметь сконцентрироваться. Девушка медленно набрала в лёгкие воздуха и так же неспешно выдохнула,

пытаясь успокоить слишком быстрое сердцебиение. Магия не любит неуверенных. Магия не любит слабых.

К горлу поднялась волна тошноты — верный признак магического истощения. Но всё же импульс заскользил по телу, концентрируясь в потерявших чувствительность пальцах.

Ощущение искорок, скользящих под кожей, было приятным до остроты, словно замёрзшие конечности опустили в горячую воду, и от этого на губах появилась неуместная улыбка.

Она подняла глаза, всматриваясь в безмолвный, заснеженный лес. Слова были произнесены тихо, но от этого магия не стала менее эффективной, уносясь вперёд стремительными бликами света. Девушка прикрыла глаза, прислушиваясь к окружающему миру.

Лес только на вид казался бесконечным. Впереди, в низине между холмами обнаружилась деревня с узкими улицами и прижатыми друг к другу домами.

Слегка плывущее сознание успело нарисовать перед глазами комнату с натопленной печкой и миску горячей похлёбки на столе.

Как мало человеку нужно для счастья. Жаль только, что чаще всего понимается это в момент, когда даже такие простые вещи становятся недостижимыми.

Она не сомневалась, что крестьяне сразу же выдадут её — подневольные люди всегда на многое готовы, чтобы выслужиться перед господином. Тем более что скоро в замке заметят её отсутствие и охота по её душу начнётся незамедлительно.

А если пробраться тайком и украсть что-то из еды и одежды? Ещё один кожух, чтобы пережить ночь, и хотя бы пару кусков хлеба, чтобы были силы идти дальше, — голода она не чувствовала, но помнила, что не ела больше суток.

Нет.

Слишком рискованно и слишком опасно — любой вскрик поднимет на уши всю деревню. С почти пустым магическим резервом она не сможет сопротивляться — сначала крестьяне свяжут ей руки и запрут в сарае со скотиной, а потом люди барона отвезут её в замок.

Она медленно выдохнула через рот, не позволяя панике завладеть сознанием. Даже если её ищут, то вряд ли подумают, что она ушла в лес, да ещё и в противоположную сторону от ближайшего города.

Глаза распахнулись. Вот оно.

За деревней, глубже в лес и подальше от людей, располагался хутор. И магия подсказывала, что сейчас там находился только один человек. Это мог быть охотник, пасечник или монах — да какая разница? С одним человеком можно справиться даже голыми руками.

О моральной стороне вопроса думать не приходилось.

Солнце, казалось, опускалось за линию леса ещё быстрее, чем полчаса назад, а ясное небо краснело, предсказывая жестокую морозную ночь.

Даже такая несложная магия далась телу нелегко, выступив на лбу каплями испарины. Медленно поднявшись на ноги, она зашагала дальше.

Деревню пришлось огибать большим крюком — люди ещё были на улицах, спеша закончить дела при свете дня, а лай собак она слышала даже издали.

К хутору она дошла уже в сумерках.

Строений было несколько, но тусклый свет виднелся только в одном — сруб из потемневших брёвен был старым, но не выглядел заброшенным. Под навесом сушились пучки трав, аккуратно перевязанные бечёвкой, а у крыльца слегка криво был вбит деревянный столб. Впрочем, символы на нём были вырезаны с явным знанием дела.

Девушка прищурилась, пытаясь рассмотреть знаки. Часть их была тронута временем, часть нанесена совсем недавно. Сгущающаяся темнота скрадывала детали, но происхождение резьбы было очевидным.

Деревенский знахарь? Или даже маг?

Первый вполне мог быть неопасен, но вот против второго она была почти беззащитна.

Действие зелья заканчивалось подозрительно рано — плечи снова наливались тяжестью, отчего ноги подкашивались от слабости, вынуждая принимать решение без долгих размышлений.

Девушка незаметно прокралась к двери, прошептала под нос пару слов, а потом толкнула её со всей силы. Она шагнула внутрь, на ходу поднимая руки в защитной стойке. Человек, стоящий к ней спиной, резко развернулся на шум.

Они уставились друг на друга, изучая и оценивая.

Мужчина был высоким и худощавым, а руки не потянулись к оружию, хотя меч с ножнами лежал на лавке возле печи. На столе стояло множество стеклянных пузырьков — частично заполненных, частично пустых. Глаза смотрели пристально, но без особого страха.

Такое наглое вторжение в дом как будто его не удивило. Или он кого-то ждал?

Двое — это много. Двое — это почти без шансов.

— Можно было просто постучать, — не повышая голоса, сказал он.

Слишком спокойная реакция слегка сбила её с толку. Она сделала шаг вперёд.

— Кто ты? — почти неосознанно выдохнула она.

Мужчина медленно поставил на стол керамическую ступку, которую до этого держал в руках.

— Могу спросить то же самое.

Она сделала ещё один шаг, а в правой руке уже разгорался огонь. Всполохи отсвечивали противоестественно синим цветом — адское пламя было способно гореть даже в воде, пожирая металл и камень, как сухие щепки, а человеческое тело превращая в невесомый прах в считаные мгновения.

Эффектное оружие, говорящее само за себя, хоть и забирающее так много сил.

— Я спалю здесь всё к чёртовой матери, если ты не будешь отвечать на мои вопросы. — Её голос вышел хриплым, но не дрожащим.

— Я лекарь. — Он поднял безоружные руки. — Занимаюсь врачеванием в окрестных деревнях.

— Чьи символы на столбе?

— Мои.

Он ответил мгновенно, без уточняющих вопросов и с такой уверенностью, что всякие сомнения насчёт его способностей исчезли. Лекарь, обладающий магией, — редкая удача. В её случае — почти чудо.

А что, если он тоже один из людей барона? Хотя зачем барону ещё один лекарь, если в замке есть свой?

К чёрту.

Нужно переждать ночь, отлежаться и вернуться в лес на рассвете. Но что делать с ним?

Нужно было сразу же оглушить, а не надеяться, что он испугается, увидев перед собой боевого мага. Но момент был упущен.

— Не обязательно угрожать, если ты пришла за помощью. — Мужчина истолковал её молчание по-своему. — Просто скажи, что тебе нужно.

Робкая мысль забрезжила в мутнеющем сознании. Что, если удастся обойтись без насилия? В конце концов, она просит не так уж и много. А утром можно будет тихо улизнуть, сделав его сон чуть более глубоким, а пробуждение более поздним.

Она задумалась на секунду, убирая огонь и переводя глаза на стол:

— Зелья от жара. И обезболивающее.

Взгляд скользнул на широкие настенные полки, заваленные пучками трав, ветошью и разномастной глиняной посудой.

— Ещё чистые бинты и что-нибудь поесть, — чуть тише добавила она. — Я не задержусь надолго.

— Да ты еле стоишь на ногах, — цепко приметил мужчина.

Его замечание попало в точку, но она и не удивилась: хороший лекарь даже на расстоянии нескольких метров мог ставить диагнозы и оценивать состояние пациента.

— Дай мне, что я прошу, не глупи и останешься цел.

Почти возле самой двери стоял стул, и она медленно опустилась, пытаясь сохранять уверенность хотя бы внешне. Мужчина закопошился на полках с многочисленными склянками, повернувшись вполоборота.

В помещении было душно до одури. Или ей так казалось?

Кожух снялся с трудом, а вся подкладка оказалась в бурых разводах. Она сжала зубы и с отвращением бросила одежду на пол — ей не хотелось даже думать о том, в каком состоянии сейчас была её спина.

Потом. Всё потом.

Мужчина приблизился к ней, ступая по дощатому полу мягко, как кот.

— Выпей это, — прозвучал его спокойный голос.

Стакан в руке был стеклянный, гранёный и чистый — какая-то запредельная роскошь для такой глухомани. Откуда у него такая посуда? И зачем?

Потом. Она подумает об этом потом.

Девушка взяла стакан и осторожно принюхалась. Маслянистая жидкость пахла горькой полынью, ромашкой и перцем. И по цвету, и по запаху это было ровно то, что нужно.

Правда, обычно в такие зелья перец не добавляли.

Или добавляли?

Память отказывалась выдать нужное воспоминание.

— Ну пей же, или передумала?

Лекарь стоял в нескольких шагах от неё, скрестив руки на груди и не сводя с неё пристального взгляда.

Она выпила жидкость медленно, также не сводя с мужчины глаз. Жидкость растеклась по пищеводу, оставляя странное послевкусие. Она сразу посмотрела на просвет — на дне стакана остался мутный осадок.

Ей показалось, что она наяву услышала голос своего учителя по алхимии.

В подобные зелья никогда не добавляют перец.

Осознание было быстрым, но уже запоздалым — мир перед глазами качнулся, а судорожно дёрнувшаяся рука повисла плетью.

Нет. Нет. Нет!

— Я тебя убью, — прохрипела она, неуклюже оседая на пол. Перед глазами замелькали цветные мушки — падая, она ударилась о половые доски плечом.

Краем сознания она уловила его движение — мужчина шагнул к ней и присел на корточки. Она почувствовала, как её переворачивают. Спину словно облили кипятком.

Говорят, Бог любит троицу?

Может, и так. Только вот, видимо, на неё саму любви не хватило — это был третий по счёту побег.

И, наверное, станет последним.

Глава 2 ПОВ Император Георгий

«Привычка решать любой вопрос подбрасыванием монеты настолько характерна для красноградцев, что давно стала поводом для насмешек.

«Орёл» означает «да». Если сомнения всё же остались, монету можно подбросить снова. «Император» означает «нет». Его решение окончательно.

Говорят, монета не ошибается. А с Императором не спорят.

И лишь самые отчаянные пользуются правом перебросить монету, если она упала не той стороной.»

Через высокие окна Зала Малого совета открывалась невероятная панорама.

Красноград всегда в его глазах был не просто городом, а живым созданием — выстраданным потом и кровью. Люди внизу суетились, как муравьи, но он почти не различал их.

Высокие стены из красного кирпича, блестящие на солнце черепичные крыши, изящные арки и зубчатые парапеты — вот что было настоящим. В камне не было сомнений, скрытых намерений или переменчивости — однажды возведенное оставалось на своем месте и подчинялось понятным законам.

Запоминают не хороших правителей. Запоминают тех, кто оставил после себя напоминание о собственном величии.

Кашель нахлынул внезапно, как судорога.

Сначала короткий толчок, а потом второй — уже глубже и болезненнее. Его будто скручивало изнутри: грудь сжималась, рёбра отзывались тупой болью, дыхание превратилось в сухие, хриплые рывки. Он отвернулся от окна и прижал к губам платок, стараясь удержать приступ в тишине.

Когда спазм наконец отпустил, на белой ткани проступили алые пятна, многочисленные и пугающе отчётливые. Он посмотрел на них всего мгновение — без страха, но с холодным, почти брезгливым раздражением. Скомкав платок, он спрятал его в карман.

Раздались громкие шаги, двери распахнулись, и в зал вошли трое. Император повернул голову, скользя взглядом по фигурам вошедших.

Маркус шёл первым. Высокий, худой, в тёмном костюме без каких-либо украшательств — даже и не поймёшь с первого взгляда, что перед тобой наследный принц. Длинные волосы спадали волной до плеч согласно какой-то дурацкой моде.

За ним спешила Ярослава. Тёмно-зелёное платье на ней сидело безупречно, но волосы были перехвачены тонким золотым обручем явно наспех, делая причёску растрёпанной и легкомысленной. Каждый её шаг сопровождался громким стуком каблуков по мраморному полу, отдаваясь неприятным, вплоть до раздражения, звоном в голове.

Последним в комнату вошёл Эрик. Самый младший, он уже перерос всех в семье, а широкие плечи обтягивал военный мундир. Он был светловолосый и сероглазый, совершенно не похожий ни на брата, ни на сестру.

Зато он единственный был похож на отца.

— Сядьте, — сказал Георгий.

Его низкий голос заполнял всё пространство комнаты, добираясь до каждого угла.

Он снова скользнул взглядом по своим детям, сначала слегка рассеянно, потом внезапно нахмурившись.

Его глаза задержались на дочери.

— Ярослава, что ты здесь делаешь?

— Отец, ты вызвал Марка и Эрика, и я подумала… Я считаю, что я имею право присутствовать на подобных разговорах.

Она закончила фразу подчёркнуто уверенно.

— Тебе здесь делать нечего, — произнёс он безапелляционно.

— Отец, — девушка ещё больше выпрямила спину и задрала подбородок выше, чем было нужно, — если речь идёт о будущем нашей семьи, я такая же часть его, как и мои братья.

— Я сказал — выйди. Я непонятно выразился?

Принцесса сжала губы. На короткий миг зелёные глаза опустились вниз, потом поднялись и резко вспыхнули. Она перевела взгляд на Маркуса, потом на Эрика. Первый ответил ей сочувственным взглядом, второй широко улыбнулся. Но ни один и не подумал вмешаться.

Наконец Яра молча поднялась, даже не стараясь скрыть недовольство на лице, и направилась к дверям.

Георгий тяжело вдохнул и на мгновение прикрыл глаза, будто экономя силы. Общение с Ярой редко обходилось без перепалки, но если раньше он с лёгкостью задавливал дочь авторитетом, то с годами она стала куда более строптивой.

Двери хлопнули вызывающе громко, вынуждая обратить внимание на резкий звук.

— Я принял окончательное решение, — наконец произнёс Император. — И Конклав полностью поддерживает мой план военных действий.

Эрик подался вперёд, жадно втягивая воздух и улыбаясь ещё шире.

— Когда мы выступим? — спросил он с плохо скрываемой нетерпеливостью, бросая взгляд за спину Императора.

Там, растянутая почти на всю стену, располагалась подробная карта Империи — обширная территория с выходами к трём морям и целой кучей соседних государств, обозначенных разными цветами. Сейчас карта пестрела отметками — булавки громоздились друг на друга, с трудом удерживаясь в бумаге.

— В ближайшие дни я соберу Военный Совет. На всю подготовку ориентировочно уйдёт около шести месяцев, поэтому всё начнётся не раньше осени.

Эрик встал, не в силах усидеть. Маркус нахмурился, не сводя с него глаз. Между ними было всего четыре года разницы, но как же странно временами Маркус смотрел на младшего брата — словно на непослушного, почти неуправляемого ребёнка.

— Дай мне возглавить войско.

— Нет.

Стальные глаза Эрика вспыхнули возмущением.

— Отец, я готов! И я добуду тебе победу, ты же знаешь!

— Ты можешь сколько угодно считать, что готов, — отрезал Император. — Но ты молод и неопытен.

Младший принц сжал челюсти так, что на идеально выбритых щеках проступили желваки.

— Я выигрываю буквально каждый турнир последние четыре года, — его голос сочился обидой и злостью. — Я командую целым полком на границе. Я подавил мятеж в Ягличе!

— Это война, а не детские игры! — повысил голос Георгий. — Махать мечом на турнире много ума не надо.

— Детские игры? Хочу напомнить, что мятежников было больше пяти тысяч!

— Какой достойный противник — полуголодные крестьяне с серпами и косами, — протянул Император язвительно и почти сразу обрезал: — Ты устроил бойню, а не битву.

— И всё же я добился результата, — Эрик понизил голос. — Где же мне набираться опыта, если ты собираешься держать меня в тылу?

— Тебе как минимум следует научиться выдержке, прежде чем вести мои войска в бой.

Эрик шагнул в сторону Императора.

— Ты боишься за меня? Или просто считаешь неспособным?

Георгий на мгновение замолчал, всматриваясь в его лицо.

— Я не собираюсь терять сына в первой же кампании, — сказал он жёстко. — Ты пойдёшь. Но не главнокомандующим.

— Тогда кем?

— Тем, кем назначу.

Эрик резко выдохнул, однако грубость так и не вырвалась из его рта.

— Но что мне делать сейчас? — спросил он заметно тише.

— Ты вернёшься к службе на границе. Я пришлю тебе в помощь одного из опытных генералов, и вместе вы займётесь подготовкой войск. Но самое главное…

Император глухо закашлялся. Рука дёрнулась к карману с платком, но, к счастью, приступ закончился, так и не начавшись. Георгий сделал вид, что поправляет одежду, и продолжил говорить, обращаясь к Эрику.

— Я жду от тебя безукоризненного выполнения моих указаний. Никакой самодеятельности. Ничего, что может привлечь внимание. Никто не должен заподозрить, что мы готовимся к войне. Ты меня понял?

— Разве я давал поводы во мне усомниться?

— Я ставлю слишком многое на кон, чтобы позволить тебе испортить наши планы очередной выходкой. Ты меня понял?

На этот раз Эрик лишь быстро кивнул и отчеканил:

— Слушаюсь, отец.

— А теперь оставь нас с твоим братом наедине.

Принц поклонился, на мгновение прижимая руку к левой стороне груди, и направился к выходу. Дверь закрылась тише, чем когда вышла Яра, но вскоре из коридора раздались с трудом различимые ругательства — Эрик отчитывал кого-то из слуг.

Маркус дождался, пока шаги брата окончательно стихнут в коридоре.

— Сколько? — спросил он Императора, не скрывая тревоги в голосе.

Георгий нахмурился.

— Что сколько?

— Сколько обещают лекари?

Император медленно опустился в кресло. Даже такое простое движение далось ему нелегко — тело казалось бесформенным мешком с мукой, а не живой упругой плотью с мышцами и костями.

— Это тебя не касается, — отрезал он жёстко.

— Касается. — возразил принц, продолжая смотреть на отца исподлобья, — Я твой наследник. Я должен понимать, к чему готовиться. И… я должен понимать, в каком состоянии будет Империя, когда мне придётся надеть корону.

— Я ещё жив, — саркастично заметил Император.

— Да, — кивнул Маркус. — Именно поэтому я спрашиваю сейчас.

Император замолчал, обдумывая ответ. В лежащей на столе руке появилась монета — он медленно покрутил её между пальцами.

На одной стороне его профиль. На другой — чеканный орёл, пожирающий змею.

— Может быть, год. А может быть, пару лет. — наконец ответил Георгий, — Маги будут поддерживать моё здоровье всеми возможными способами, но точного прогноза никто не даёт.

— Это так мало… чудовищно мало! — голос Маркуса дрогнул. — Зачем нам война, отец?

Георгий смерил его долгим взглядом. Бледность кожи наследного принца сразу бросалась в глаза, неудачно контрастируя с тёмными волосами. Щёки под острыми скулами были впалыми, а шея слишком худой для молодого мужчины в расцвете сил.

— Потому что мой наследник — ты, а не Эрик.

Император произнёс фразу спокойным тоном, прекрасно осознавая, какой эффект она произведёт.

Выражение лица Маркуса было таким, словно ему залепили пощёчину. Он крепко сжал челюсть, но так и не опустил глаза, выдерживая тяжёлый отцовский взгляд.

Его голос прозвучал глухо, но упрямо.

— За Радонь вступится Приория. Не может не вступиться, ты же это понимаешь. Это тысячи солдат, прекрасно вооружённых и натренированных. В какую цену нам встанет победа? И будет ли она?

За подобные вопросы можно было легко получить обвинение в государственной измене. И всё же Император позволял ему задавать их.

— А ты думал, что будет вечный мир? Или ты взойдёшь на престол, а приорский Князь пришлёт тебе поздравления?

Маркус удивлённо сверкнул глазами.

— Так мы будем воевать с Радонью? Или с Князем?

Император в ответ иронично улыбнулся, впервые за весь разговор.

— Как пойдёт.

Маркус отвёл взгляд в окно. Его лицо, нахмуренное и напряжённое, как будто побледнело ещё больше. Император почувствовал в сыне молчаливое несогласие вкупе с осуждением, и это его разозлило.

— Мир ценят гораздо больше, если он наступает после войны, — произнёс он жёстко. — Ты поймёшь это со временем.

— Мир приходит не тогда, когда заканчиваются войны, а когда хватает мудрости их не начинать. — Всё-таки не сдержался Маркус.

Император усмехнулся почти с презрением, узнавая цитату из известного философского трактата.

— Тебе стоит поменьше читать книжек, чьи авторы так далеки от настоящей жизни. И уж точно это не поможет тебе удерживать власть, когда меня не станет.

Они снова пересеклись взглядами.

— Хочешь ты того или нет, но моё решение неизменно. До конца этого года начнётся война, и лучшее, что ты можешь сделать, — это быть к ней готовым.

— Ты поэтому решился на войну сейчас? — изогнулись в горькой смешке тонкие губы принца, — Потому что знаешь, что я бы этого не сделал?

— Маркус, я никогда не ошибался на твой счёт, — холодно протянул Император. — Ты не способен войну начать, но ты будешь обязан её закончить.

Принц потупил взгляд. Его плечи незаметно ссутулились, словно из позвоночника вытащили опору.

— У меня просто не будет другого выбора, — сказал он едва слышно.

— Верно. И я рад, что ты это понимаешь. Безвыходность сделает из тебя настоящего правителя — жестокого, решительного и даже мудрого, как ты и хочешь. Ты мой наследник, и у тебя нет права быть слабым.

В груди запекло. Император почувствовал очередной приближающийся приступ кашля и поспешил закончить разговор.

— А теперь иди. Впереди у нас слишком много работы.

На этот раз двери закрылись бесшумно.

Глава 3 ПОВ Трисс

«Раннее утро с неохотой отдавало свои права жаркому дню.

Камни мостовой кое-где ещё блестели от росы, но воздух уже наполнялся запахом пыли и нагретой черепицы — это лето в Красноградe выдалось рекордно сухим.

Её руки начинали ныть от тяжести книг, а болтающаяся на плече тканевая сумка так и норовила сползти вниз. В ней тихо звенели стеклянные пузырьки — сегодня нужно было сдать домашнюю работу по зельям, которую она, конечно же, делала в последнюю ночь. Она не сомневалась, что получит хорошую отметку, и не жалела, что пришлось пожертвовать сном. В конце концов, остался всего год до выпуска.

Интересно, куда её отправят. В Императорский магический корпус ? На службу к одному из губернаторов многочисленных территорий Империи ? Или как одной из лучших учениц курса ей предложат должность в самом Конклаве ?

Она повернула на перекрёстке и подняла глаза, обращая внимание на ритмичный шум впереди себя. По улице навстречу ей шагал взвод солдат в тёмно-зелёной форме, по всей видимости, возвращаясь в казармы после утреннего построения. Один из них, совсем молодой, поймал её взгляд и, не останавливаясь, быстро ей подмигнул.

Она, не задумываясь, широко улыбнулась в ответ.

Лёгкая ткань платья путалась в ногах, а спина окончательно взмокла от волос, заплетённых в тугую косу. Её кончик болтался где-то в районе поясницы, небрежно перехваченный кожаным шнурком — она, как обычно, не нашла дома подходящей ленты и завязала волосы первым, что попало под руку.

В конце улицы показались острые шпили высоких башен академии. »

Она открыла глаза, судорожно втягивая воздух в лёгкие.

Голую спину холодило едва заметным сквозняком, а шея затекла от долгого лежания на животе. Лёгкая простыня прикрывала ноги до поясницы, но в помещении было жарко от натопленной печи, и было понятно, почему она не проснулась ещё раньше от холода.

Девушка резко подорвалась с кровати, вставая на ноги и закрывая обнажённую грудь простынёй. От резкого подъёма её замутило, но всё же голова кружилась куда меньше, чем вчера.

— Будешь так дёргаться, разойдутся швы, — раздался спокойный голос откуда-то сбоку.

Он стоял на пороге комнаты, и она подтянула смятую простыню ещё выше, почти до самой шеи.

— Швы? — переспросила она совершенно растерянно.

— Одну из ран пришлось зашить — была слишком глубокая, и кровотечение не останавливалось.

Она уловила недовольство в его тоне, но не поняла причину. Прислушалась к себе — дёргающее ощущение в спине прошло, сменившись тупой болью, но конечности слушались плохо, а мысли текли слишком вяло.

Воспоминания вчерашнего дня постепенно возвращались, заставляя ладони вспотеть.

— Что ты мне подмешал?

— Всего лишь снотворное, — произнёс он без капли сожаления. — Лечить куда проще, если пациент не сопротивляется.

Это было похоже на правду — сейчас её сознание было относительно ясным, а мир не стремился перевернуться вверх ногами. Да и проспала она подозрительно долго — судя по дневному свету из окна, уже был как минимум полдень.

Непозволительно долго.

— Дай мне зелья, и я уйду, — сказала девушка твёрдо, а он посмотрел на неё так, будто она сморозила какую-то несусветную глупость.

— Мне нужно уйти, — уже тише повторила она.

— Я не собираюсь удерживать тебя здесь силой. Но без надлежащего лечения примерно через сутки в ранах начнёт развиваться инфекция.

Входная дверь маячила за его плечами. Одновременно слишком близко и слишком далеко.

— Если не упадёшь от слабости и не замёрзнешь насмерть, ещё через несколько дней начнётся сепсис. И тогда только промысел Божий спасёт тебя от смерти, но я бы и на это не рассчитывал.

Очень хотелось возразить ему, но сказать было нечего — она и так чувствовала, как силы утекают сквозь пальцы, будто вода. Спина ощутимо ныла, но если сейчас это было почти терпимо, то пот и трение одежды сделают боль почти невыносимой.

— Тебе нечего бояться. Отлежишься и иди на все четыре стороны.

Деревянный пол в комнате был холодным, и она зябко переступила с ноги на ногу. Солнечные лучи проникали в комнату — скорее всего, мороз не уменьшился ни на градус.

— Я мог отвезти тебя в деревню ещё утром, но, как видишь, ты ещё здесь, — добавил он, словно понимая ее сомнения. — С чего мне делать это потом, если не сделал сейчас?

Это звучало вполне логично, но никак не объясняло, почему он вообще ей помогал. Она искала подвох и не находила, и это было ещё более подозрительно.

— Мне нечем тебе заплатить, — наконец произнесла она. — У меня ничего с собой нет.

Он еле заметно усмехнулся, скрещивая руки на груди.

— Помогай немощным и обездоленным и не ищи награды в глазах людских, ибо воздастся тебе за благодеяния твои, — процитировал он по памяти. — Или учение Креста тебе не знакомо?

Она наклонила голову, всматриваясь в его лицо.

Если бы боги существовали, хоть один из них, она бы здесь не оказалась.

— Знакомо. Только магов не сильно жалуют в храмах.

Он лишь пожал плечами.

— Для лекарей люди одинаково больны и смертны.

Девушка вздохнула и резко сменила тему.

— Я могу что-нибудь надеть?

— Давай сначала промоем раны и наложим повязки. Могу дать что-нибудь из своего, твоя рубаха пригодна теперь разве что на половую тряпку.

— Если можно. И как мне тебя звать?

— Димитр. А тебя?

На мгновение она замялась, но всё-таки ответила честно:

— Трисс.

Раздался скрип дверцы шкафа, лекарь склонился, перебирая на полках немногочисленные вещи. Только сейчас Трисс поняла, насколько молодым он был — максимум лет на пять старше ее самой.

— Вот, возьми, потом наденешь, — протянул он аккуратно сложенную льняную рубаху. — А теперь, Трисс, мне нужно, чтобы ты села и постаралась не дёргаться.

— Подожди. У тебя есть зеркало?

Мужчина заметно нахмурился.

— Хочешь следить за тем, что я буду делать?

Она медленно покачала головой:

— Нет. Хочу увидеть, насколько всё плохо.

Мужчина выдохнул, не спеша с ответом.

— Тебе не стоит это делать, — сказал он мягко. — Поверь мне на слово, картина… не самая приятная.

— Я должна увидеть, — повторила она упрямо. — Крови я не боюсь.

— Ладно, иди за мной, — смирился Димитр, явно не согласный с её решением, но и не желающий спорить дальше.

Он развернулся и вышел из комнаты. Трисс послушно зашагала следом, прикрывая обнажённую грудь его рубашкой. Это было немного глупо, ведь ночью он снимал с её тела окровавленную одежду и, очевидно, видел её голой, но она ничего не могла с собой поделать.

Сбоку от уже знакомых ей полок с зельями оказался примитивный рукомойник с зеркалом — серебряное напыление местами стёрлось, и изображение было пятнистым и нечётким. Но это было лучше, чем ничего.

Трисс сначала встала к зеркалу спиной и только потом решительно повернула голову.

Дыхание сбилось.

Полосы ран шли беспорядочно, местами накладываясь друг на друга, словно били снова и снова по уже разорванным тканям. Кожа вокруг вздулась и потемнела, синяки расползлись широкими пятнами, переходя в багрово-чёрные разводы.

В самых глубоких местах раны оставались открытыми, влажными от сукровицы, и только в одном месте виднелись белые стежки ниток, местами пропитавшиеся кровью. Кое-где свежие корки были сорваны движением, потом и трением, из-за чего тело выглядело не заживающим, а словно избитым заново.

Волна спазма прокатилась от желудка к горлу, и девушка зажала себе рот рукой, борясь с приступом тошноты.

Лекарь сориентировался молниеносно, поднося к её лицу что-то тёмное и остро пахнущее.

— Ну я же говорил, — сказал он тихо, — лучше не смотреть.

Она заставила себя снова посмотреть в зеркало. Некоторые полосы заходили на плечи и даже тянулись к груди, пересекая выступающие рёбра.

Ком в горле сделал голос хриплым.

— Ты можешь это зашить?

— Нельзя. Будет только хуже, такие раны должны заживать открытыми.

— Как долго? — прошептала она с плохо скрываемым отчаянием.

— Две недели. Если очень постараться, то на ногах будешь через неделю, но существует большой риск, что останутся рубцы.

Что ж, шрамы — не такая уж большая цена, если она выберется отсюда живой и относительно невредимой.

Она повернулась и шагнула к нему чуть ближе, поднимая голову и заглядывая мужчине в глаза.

— Помоги мне. Пожалуйста. Это вопрос жизни и смерти…

— А то я не понял, — бросил он саркастично. — Пойдём, пора начинать.

Он отодвинул от стены грубо сколоченную лавку, и Трисс осторожно села поперёк неё, перекинув ногу на другую сторону. Волосы пришлось закрутить в пучок на макушке — заколоть их было нечем, но спутанные пряди держались и так.

Послышался тихий звон стекла, потом в нос ударил резкий запах. От прикосновения мягкой тряпицы, смоченной в едкой жидкости, спину обожгло, и она бесконтрольно дёрнулась. Рука лекаря замерла, давая ей передышку.

— Не надо. Легче, если сразу.

Рука лекаря снова коснулась кожи, но на этот раз Трисс заранее стиснула зубы и вцепилась пальцами в деревянную поверхность.

В тишине комнаты её тяжёлое дыхание слышалось особенно отчётливо. Она попыталась отвлечься, подняв глаза на полки и начав считать пузырьки с зельями, но всё время сбивалась, пытаясь не застонать в голос.

— Чем били? — коротко и по делу спросил Димитр.

Трисс молчала. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем она ответила сквозь сжатые зубы.

— Хлыстом.

Димитр ничего не сказал.

Руки едва ощутимо коснулись лопаток, и она почувствовала магию, растекающуюся по коже тёплым молоком. Магия лекарей всегда была другой — мягкой, ласковой, почти нежной. Она так разительно отличалась от того, на что была способна сама Трисс, что на мгновение ей стало даже завидно.

Лекарей уважали. Ценили. И почти никогда не отдавали под суд.

Медленные касания его рук успокаивали, уменьшая боль и отёк, и постепенно она расслабила напряжённые плечи.

Может ли человек с такими удивительными руками быть способен на подлость? Может.

Станет ли он это делать? Кто знает.

— Подними руки, буду бинтовать.

Она выполнила указание, поднимая локти в воздух. Аккуратные пальцы принялись накладывать бинты слой за слоем, иногда едва заметно касаясь кожи. В движениях лекаря не было ни жалости, ни неловкости — только холодный, почти отчуждённый профессионализм.

— Магов за преступления обычно казнят как аристократов, а не секут, как беглых крестьян, — заметил он будто невзначай.

— Это в столице так, — ответила она бесстрастно. — А в глуши никому нет дела до буквы закона.

— Самосуд?

— Можно и так сказать.

Повязка, положенная крест-накрест через плечи и грудь, прилегала к коже достаточно плотно, но при этом не стесняла движения. Трисс медленно выдохнула — бинты не вызывали дополнительного дискомфорта.

— Тебя будут искать?

— Не здесь, — ответила она коротко и чуть быстрее, чем следовало.

Димитр замолчал, наверняка раздумывая над её словами.

— Ну вот и всё, — наконец произнёс он, подоткнув под повязку свободный конец бинта.

Трисс натянула льняную домотканую рубаху медленным, чуть скованным движением. Рукава пришлось закатать почти до локтей, а подол оканчивался где-то в середине бедра, но зато одежда была чистая и сухая.

— Сейчас я помою руки, и будем обедать, — сказал Димитр таким тоном, будто они были старыми знакомыми.

Трисс ничего не ответила. Её подозрительность никуда не делась, но тело предательски размякло в тепле и заботе, словно почувствовав возможность передышки.

Может, это не такая плохая идея? Отлежаться, скопить силы и только потом дальше пуститься в бега? Только сейчас начинало доходить осознание — она действительно была в бегах. И вне закона.

У неё не было ни документов, ни денег, ни даже права на магию.

Димитр накрывал на стол молча и с педантичной аккуратностью. Две глубокие миски с похлёбкой — простой, но наваристой, тёмный хлеб, нарезанный крупными кусками, и небольшая деревянная дощечка с салом.

Возле её миски стоял знакомый стакан с зельем. На этот раз она сразу проверила осадок — дно было чистым.

— Ну, право слово, я не стал бы тратиться на бинты, если бы хотел тебя отравить, — немного невнятно сказал Димитр, уже занятый едой.

Вздохнув, Трисс всё же выпила зелье. Вкус действительно был другим, отличным от вчерашнего.

— Спасибо, — немного невпопад произнесла она.

Слегка подгоревший хлеб был горьковат, но пах просто восхитительно, а похлёбка приятной теплотой растеклась по животу. Трисс заклонило в сон, да так сильно, что глаза отказывались фокусироваться перед собой.

Глава 4 ПОВ Януш

« Приорское Княжество остаётся диким, почти варварским краем, где институты закона существуют лишь формально, а человеческая жизнь не имеет ценности. Даже Учение Креста, достаточно широко распространившееся на этих землях, не сумело изменить нравы народа, культурное развитие которого остаётся крайне низким, а склонность к жестокости и подчинению примитивным инстинктам проявляется во всех слоях общества».

— Из лекции профессора истории Императорской Академии

Погружённый в свои мысли, Князь неспешно подошёл к окну своего кабинета.

Снегом было укрыто всё — крыши домов деревни, замёрзшая поверхность озера, тёмный еловый лес, тянущийся до самого подножия гор. Заснеженные пики сливались с небом, очертания расплывались, и даже само понятие расстояния теряло смысл, будто мир за окном существовал не как пространство, а как плоская картина художника, в чьём арсенале были только две краски — белая и чёрная.

По горам проходила граница с Радоньским Княжеством.

Он стоял неподвижно, положив ладонь на плиты подоконника, и камень ощутимо холодил пальцы. В какой-то степени это было приятно — физический дискомфорт бодрил, помогая мыслям упорядочиться.

Раздался стук, негромкий, но отчётливый, потом дверь едва слышно скрипнула. Князь отвернулся от окна не сразу, с ощутимой задержкой — без разрешения входить в его кабинет было позволено только одному человеку.

— Я слушаю, Михал.

— Княже, — обратился к нему вошедший спокойным, ровным тоном, — есть новости.

Януш прошёл к столу, опустился в кресло и только потом, моргнув, сфокусировал свой взгляд на Советнике.

— Что удалось узнать?

— Я думаю, что уже могу назвать имя человека, который находится здесь, в замке, и является информатором Империи.

Князь слегка нахмурился. Его правая рука лежала на столе, и на мгновение пальцы приподнялись над поверхностью, а потом опустились по одному, медленно и беззвучно, будто что-то отсчитывая.

— Ты уверен?

— Не до конца, — ответил Михал, хотя сомнений в его голосе не было, — но совпадений слишком много, чтобы считать их случайными.

— И кто же? — спросил Князь сухо.

— Его имя вряд ли о чём-то скажет, но этот человек служит в гарнизоне замка, а также имеет прямой доступ к документации. Хотя предполагаю, что это не единственная информация, которую он передавал в Империю.

Михал замолчал, давая время на осмысление.

— Шпион почти под нашим носом, — сказал Князь с холодным спокойствием. — Что ж, не могу не заметить, Михал, иногда ты превосходишь сам себя.

Советник наклонил голову, принимая похвалу.

— Отрадно слышать, Княже.

— Когда планируешь арест?

— Думаю, что тянуть не стоит, — ответил Михал, пересекаясь с Князем взглядом, — на случай, если кто-то из слуг проболтается о моих расспросах или у изменщика есть сообщники.

— Разумно. Займись этим немедленно и дай мне знать, когда закончишь свою часть допроса.

— Слушаюсь.

Советник развернулся и вышел за дверь.

Привычная тишина вернулась в кабинет, и Князь скользнул взглядом по бумагам, разложенным на столе. Таблицы с расчётами, нераспечатанные конверты, военные рапорты — документы лежали вперемежку, создавая раздражающий беспорядок.

Каждый из этих документов требовал решения. Безотлагательно.

Пальцы медленно потянулись к тяжёлому хрустальному кубку, стоящему на краю стола. Князь поднёс его к губам и сделал небольшой глоток — жидкость расплывалась на языке вязкой горечью.

Достаточно неприятно, чтобы сделать усилие над собой перед глотком, но вполне терпимо, если подумать об эффективности зелья.

Кубок был поставлен обратно точно в то же место. Князь взял ближайший конверт, разрезал его тонким лезвием ножа и развернул лист. Это было донесение с пограничного форпоста.

Он пробежался глазами по мелкому почерку, не задерживаясь ни на одной строке дольше необходимого. Комендант писал о группе радоньских крестьян, задержанных при попытке пересечения границы. Никаких документов при них не было и в помине — бумажные паспорта оставались для многих радоньцев недоступной роскошью.

Мысль не вызвала ни раздражения, ни сочувствия — лишь короткую фиксацию факта. Очередная группа. Очередной раз.

Это было вполне ожидаемо — зима в этой части континента выдалась тяжёлой. Морозы были куда более суровы, чем обычно, а снег выпал ещё в начале ноября. А учитывая прошлогоднее неурожайное лето, было вовсе неудивительно, что даже крестьяне, так привязанные к своему клочку земли, срывались с насиженных мест в поисках лучшей жизни.

Или места, где их хотя бы накормят.

Князь потянулся за механическим пером — новомодным приспособлением из Фалькенмарха, которое оказалось таким удобным, что он уже не представлял без него работу с бумагами. Деревянное основание удобно легло в ладонь, а стальной наконечник заскользил по бумаге чёткими, безупречно чистыми линиями.

Размашистыми движениями Януш набросал распоряжение внизу листа и отложил документ в одну из высоких стопок — по одной на каждую границу Приории с соседними государствами.

Как и всегда, меньше всего донесений было с северной границы — там, где горный хребет служил естественным барьером с Империей. Граница оставалась закрытой, дипломатические отношения были разорваны, и за годы это стало настолько привычным, что уже воспринималось как естественный порядок вещей.

Всё же восемнадцать лет — это большой срок.

Очередной конверт оказался в руках.

Время текло незаметно, растворяясь в повторяющихся движениях: открыть, прочитать, оценить, подписать, отложить.

Минутная стрелка часов успела совершить три полных круга, прежде чем за окном начали сгущаться сумерки и серый свет постепенно сменился более плотной темнотой.

Князь начинал чувствовать, как затекла спина. В висках сгустилась тупая, давящая боль, но он не менял позы, лишь иногда на мгновение прикрывал глаза — это помогало хотя бы немного снять напряжение.

Надо бы размяться.

Пока он размышлял, стоит ли позволить себе короткий перерыв или же ограничиться ещё одной порцией зелья, в дверь снова постучали.

Звук был другим — громче и неравномернее. В проёме показалась фигура стражника.

— Княже, господин Советник докладывает, что всё готово.

— Хорошо.

Что ж, к бумагам придётся вернуться позже.

Коридоры сменяли друг друга, ступени мелькали под быстрыми шагами. Встречные слуги заранее жались к стенам и опускали головы, замирая до тех пор, пока он не проходил мимо. Часовые же при его появлении вытягивались по стойке и одновременно прикладывали руку к виску, отдавая честь.

Князю не было никакого дела ни до первых, ни до вторых. Чем ниже он спускался, тем тяжелее и холоднее становился воздух, а сами подземелья встретили его сыростью и запахом чего-то застоявшегося.

Наконец он подошёл к тяжёлой двери, обитой железом. Стражник у входа отступил в сторону и распахнул её, не задавая вопросов.

Посреди тёмной камеры стояло деревянное кресло со спинкой и жёстким сиденьем, прикрученное к полу толстыми металлическими штырями. На подлокотниках виднелись широкие ремни — сейчас они плотно обхватывали локти человека средних лет.

На нём уже не было мундира, только тёмная форменная рубашка. Несмотря на холод подвального этажа, его лоб был густо покрыт испариной — мелкие капли стекали по вискам, задерживаясь на щетине и срываясь вниз, а рубашка на груди прилипла к телу, и при каждом вдохе ткань едва заметно натягивалась, выдавая учащённое, неровное дыхание.

Но стоило ему узнать вошедшего, как в выражении лица что-то изменилось.

Януш слегка сощурился, считывая эмоцию с лица пленника.

Надежда. Слабая, почти отчаянная, но всё же заметная — как если бы одно присутствие Князя могло что-то исправить.

Раздался голос пленника, просящий и заискивающий одновременно:

— Княже, я…

— Молчать, — безразлично оборвал его Князь и отвернулся к Михалу.

Советник сидел за столом, сложив руки перед собой. На поверхности лежала груда предметов — металлические безделицы, какие-то амулеты, куски бумаги, но внимание Князя привлекла раскрытая книга. Чернильные пометки располагались между строк, но не вразнобой, а строго над каждым словом.

Князь шагнул ближе и перелистнул страницу. Заметки продолжались и дальше, выстраиваясь в некую систему.

Михал ответил на невысказанный вслух вопрос:

— Это шифр. Такая же книга наверняка лежит у адресата его писем — в каждом новом послании шифр меняется в зависимости от разворота страниц.

— Нашли сами письма?

— Увы, ни одного. Но зато обнаружили несколько магических артефактов. Я предполагаю, что с их помощью послания отправлялись в Империю.

Князь едва заметно кивнул.

— А что говорит задержанный?

— Клянётся, что не виновен.

Князь повернулся к пленнику и сделал шаг в его сторону. Тот непроизвольно выпрямился, насколько позволяли ремни, словно пытаясь сохранить остатки достоинства.

— Подними голову и смотри мне в глаза, — приказал Князь. — Я задам тебе несколько вопросов, а ты будешь отвечать — утвердительно либо отрицательно.

Пленник заметно сглотнул, выдавая себя движением кадыка, но всё же поднял голову.

Его глаза выделялись на побледневшем лице — слишком живые, слишком напряжённые. Он старался держать взгляд, не моргая чаще, чем было нужно, будто понимал, что любое лишнее движение будет замечено.

Всегда есть шанс, что Михал ошибся. Или же офицеру подкинули улики, чтобы отвести подозрения.

— Итак, — начал Князь неспешным, бесстрастным тоном, — это твои вещи?

— Нет.

— Ты когда-нибудь видел раньше эту книгу?

— Нет.

— Ты шпионишь в пользу Империи?

— Нет.

Князь наклонился ближе, вторгаясь в его пространство и сокращая расстояние до предела, при котором невозможно было отвести взгляд, не нарушив приказ.

— Тебе сейчас страшно? — спросил он почти заинтересованно.

Пленник медленно качнул головой.

— Да.

— Занятно.

Его взгляд скользнул вниз — на руки пленника, зафиксированные ремнями. Конструкция удерживала локти, оставляя кисти свободно свисать, будто специально для того, чтобы они были доступны.

— Ты правша или левша?

Вопрос прозвучал так же спокойно, как и предыдущие, но выбил пленника из равновесия.

— Княже, я не понимаю…

— Значит, правша.

Пальцы Князя легли на левое запястье пленника, где, в отличие от потных ладоней, кожа была сухой и тёплой.

Он начал проворачивать руку медленно, почти лениво, будто проверяя механизм, а не причиняя боль.

— Ты солгал мне трижды.

Мужчина не выдержал и посмотрел вниз — запястье критично вывернулось, и кожа натягивалась, побелев от напряжения.

— Смотри мне в глаза, — снова приказал Князь.

В его голосе не было ни угрозы, ни раздражения — только требование, не допускающее отказа. Пленник подчинился. Его глаза выражали целую гамму эмоций — страх смешивался с болью, а надежда медленно угасала, сменяемая паникой.

Пальцы сдвинулись ещё немного.

Из горла пленника вырвался приглушённый стон, который он попытался подавить, сжав зубы.

— Хочешь мне что-то сказать?

— Я не виновен! Невиновен! — сорвался он, и голос надломился, превратившись почти в крик.

Князь на мгновение замер, вглядываясь в лицо пленника так, словно мог глазами пронизать его насквозь. Его рот искривился, выталкивая слова между губ:

— И снова ложь.

Движение последовало за словами почти без паузы. Послышался хруст костей. Пленник закричал — его голос, высокий и надрывный, отражался от узких стен камеры, становясь от этого ещё более громким. Князь выпрямился и отступил на шаг, не сводя глаз со своей жертвы.

Пленник начал покачиваться корпусом, насколько позволяли ремни, будто это могло унять боль, полыхающую в руке. Запястье стремительно опухало, а кожа темнела, наливаясь кровью. Крики стихли — издаваемые пленником звуки скорее напоминали скулёж.

— Ну, перестань стонать, — произнёс Януш мягко. — Это всего лишь рука, тем более не рабочая. Пару месяцев на восстановление — и сможешь сражаться как раньше.

Смысл не сразу дошёл до пленника. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем он медленно поднял глаза, в которых забрезжила тень надежды.

Князь снова наклонился, уперевшись ладонями в колени. Их взгляды пересеклись, на этот раз почти на одном уровне.

— Самое время начать говорить правду, — добавил Князь негромким, изменившимся тоном. Его голос звучал проникновенно, чуть глуховато, словно вползая в голову собеседника.

Зрачки пленника расширились. Он втянул в себя воздух, неглубоко и судорожно, будто само дыхание требовало слишком большого усилия, и произнёс, срываясь на едва различимый шёпот:

— Я… я буду говорить.

Князь повернул голову в сторону Михала.

Всё это время тот сидел за столом, не издав ни звука, и даже теперь его поза оставалась прежней — спина была прямой, а плечи неподвижными. Выражение лица было таким сосредоточенным, словно он наблюдал не за человеком, а за процессом, который должен быть зафиксирован максимально точно, без искажений и лишних интерпретаций.

Советник понял взгляд Князя без слов, пододвигая к себе лист бумаги и перехватывая перо в руке в удобное положение.

Князь снова посмотрел на пленника. Вопросы полетели с ошеломительной скоростью, не давая ни мгновения на передышку.

— Что интересует Империю в первую очередь?

— Состояние армии. Численность гарнизонов.

— Конкретнее?

— Перемещения войск. Слабые места в обороне приграничных районов.

— На границе с Империей?

— Нет, с Радонью. Только с Радонью.

— Что ещё?

— Мне было приказано передавать любые сведения касаемо… — пленник замялся, словно язык отказывался подчиняться.

— Меня?

— Да.

Князь не сделал даже малейшей паузы после этого ответа.

— Как передавал послания?

— Письма. И шифр.

— Как давно тебя завербовали?

— Пять месяцев назад.

— В замке кто-то тебе помогает?

— Нет. Только я.

Голос пленника с каждой фразой становился всё слабее, дыхание сбивалось, но он продолжал говорить. Боковым зрением Князь видел Михала. Всё это время Советник записывал каждое слово из их диалога, и перо скользило по бумаге почти без остановок.

Повисла пауза, и тишина, возникшая после стремительного потока вопросов, ощущалась неприятно и непредсказуемо.

— Во сколько ты оценил свою верность Приории?

Слова прозвучали почти безразлично. Однако было в этом вопросе что-то настолько тонкое, что его невозможно было бы выделить словами, но достаточно явное, чтобы тело пленника отреагировало раньше, чем разум.

Он вжался в спинку кресла всем телом, насколько позволяли ремни, и новая волна холодного пота выступила на коже.

— Пожалуйста, Княже, пощадите…

— Это последний вопрос, — перебил его Януш, — и я перестану тебя мучить. Так сколько?

Пленник зажмурился на мгновение, словно пытаясь собрать остатки воли.

— Они платили постоянно… Двести золотых империалов каждый месяц.

— Всего лишь? — уточнил Князь так, будто речь шла о незначительной сумме, не стоящей обсуждения. — Я бы заплатил тебе больше, если бы ты сразу признался, что тебя пытаются завербовать.

— Княже… прошу…

Но Князь уже отступил от пленника.

Не меняясь в лице, он вытащил из поясных петель своего мундира ремень с широкой стальной бляшкой, а потом пересёк камеру и оказался за спиной арестованного. Проворным движением он намотал концы ремня на ладони так, что костяшки побелели, перетянутые полосками чёрной кожи.

Он забросил ремень за голову пленника.

Мягкая, качественно выделанная кожа легла на горло, обхватывая плотно и без зазора, и в следующую секунду сжалась, пережимая трахею и лишая возможности вдохнуть. Мужчина сдавленно охнул, но почти сразу звук оборвался, превратившись в хрип.

Его голова запрокинулась, а глаза широко раскрылись.

Сначала в них мелькнуло удивление, короткое, почти детское, как если бы происходящее не укладывалось в ожидаемую последовательность событий.

Потом — понимание.

И сразу за ним — страх.

Такой глубинный, животный, заставляющий тело бороться за жизнь с удвоенной силой.

Взгляд пленника метнулся в сторону Михала — почти инстинктивно, как последняя попытка найти точку опоры, хоть какую-то реакцию, подтверждение того, что происходящее может быть остановлено.

Советник наблюдал за казнью, сжав зубы, но не отводя взгляда.

Его рука, лежащая на столе, чуть сильнее сжала край бумаги, а перо замерло в воздухе, оставив на странице тёмную кляксу, но мужчина не позволил себе ни одного лишнего движения.

Руки Князя сжимали ремень, не усиливая давления и не ослабляя его — удерживая ровно ту силу, которая была необходима.

Тело пленника дёрнулось, сначала резко, затем всё более беспорядочно. Опухшее, покрасневшее от прилива крови лицо исказилось, рот открылся в беззвучной попытке вдохнуть, а переломанная рука, уже не подчиняясь боли, всё же пыталась дёрнуться вверх, чтобы коснуться горла.

Наконец хрипы оборвались. Януш ещё какое-то время удерживал натяжение ремня, словно проверяя результат, и только потом медленно опустил руки, позволяя телу арестованного неуклюже распластаться в кресле.

Обращаясь в пустоту, он произнёс тихо, но отчётливо:

— Кто выносит приговор, тот его и исполняет.

Михал кашлянул и поспешно произнёс конец ритуальной фразы.

— И будут руки его чисты, а душа нетленна.

Даже в слабом свете камеры было видно, каким бледным стало лицо Советника, почти сливаясь со светлыми волосами и белоснежной тканью воротника рубашки. Его рот был сжат сильнее обычного, а дыхание — едва заметно учащённым.

Он неотрывно смотрел на тело казнённого.

Князь, не сказав больше ни слова, развернулся и вышел из камеры.

Глава 5 ПОВ Трисс

«Законы теории вероятности в жизни не работают — из двух вариантов всегда случается худший.»

—Трисс

Первые несколько дней пролетели почти незаметно — она спала большую часть дня.

Сонливость накатывала внезапно, тяжёлой волной, сопротивляться которой было почти бессмысленно — Трисс каждый раз убеждала себя, что закрывает глаза всего на пару минут, но проваливалась в глубокий сон, и минуты неизбежно растягивались в часы.

Причиной подобного состояния отчасти была слабость, отчасти бесконечные зелья Димитра — густые, вязкие, с неприятным послевкусием. Временами она ловила себя на том, что подолгу держала стакан в руках, оттягивая момент, когда придётся снова проглотить содержимое, заранее зная, как оно отзовётся в теле. Впрочем, зелья работали как надо, и девушка не смела жаловаться даже в своих мыслях — куда больше ее мучила собственная слабость и то, что она сдалась, откладывая бегство на определённое время.

Она с опаской ждала момента, когда придётся ложиться спать — мысль о тесном пространстве, о необходимости делить его с кем-то ещё, пусть даже и не напрямую, не давала ей покоя.

С первого взгляда Димитр не выглядел как человек, способный на насилие. Точнее, не так. Он был явно сильнее её физически, мог что-то подмешать ей в лекарства и явно осознавал её слабость и уязвимость. Но как будто бы он всем своим поведением показывал, что между ними существовала граница, нарушать которую он не планировал.

Кровать в доме была всего одна.

Однако эта проблема, к удивлению Трисс, решилась весьма просто.

Сперва ей показалось, что плотная занавеска с традиционным орнаментом, висящая над печью, служила только как украшение — почти неуместное в таком простом, почти крестьянском жилище. Но оказалось, что плотное полотно скрывало за собой небольшую лежанку с набитым соломой матрасом. Он был слегка продавленный, но чистый, а кирпичи медленно отдавали тепло, равномерно прогревая пространство до самого потолка.

— Будет жестковато, но зато не замёрзнешь, — сказал ей Димитр, протягивая тонкое шерстяное одеяло.

Его голос звучал сухо, и в этом было что-то странно успокаивающее — он не пытался выставить что-либо в лучшем свете.

— Всё нормально, я не принцесса, да и гороха тут не наблюдается, — заметила Трисс в ответ, позволяя себе едва заметную усмешку, которая тут же исчезла, как только она поймала себя на этом.

— Ну, а кто тебя знает? — развёл он руками. — Маги обычно народ разбалованный.

Она подняла на него взгляд, всматриваясь ещё более внимательно, чем прежде.

— Для провинциального лекаря ты знаешь подозрительно много, — не сдержала она удивления.

— Вообще-то я всю сознательную жизнь провёл в Красноградe, — пожал он плечами и отвернулся, словно сказал что-то несущественное.

Она посмотрела ему в спину, пытаясь уложить информацию в гудящую голову. Димитр не скрыл от неё этот несомненно важный факт своей биографии, но и не оставил возможности для дальнейших расспросов.

Красноград.

От одного названия у Трисс начинало щемить в груди. Красноград был городом, к которому вели все дороги. Он был местом, где принимались решения, от которых зависел весь континент. Он был старым, шумным и величественным.

Как можно было променять блеск огней столицы на затворничество в глухом лесу?

Этот вопрос не давал ей покоя, возвращаясь в голову снова и снова, но удобного случая для расспросов не наступало.

Обычно мужчина уходил из дома почти на целый день и возвращался уже по темноте. За ужином он молчал, потом менял её повязки и приступал к приготовлению зелий. Трисс сразу обратила внимание, каким сосредоточенным тогда становилось его лицо, и не смела лезть под руку с разговорами.

Если он первым начинал разговор, то темы в основном были примитивными, бытовыми. Было ли это сделано специально либо Димитр действительно не сильно интересовался её персоной — Трисс не понимала.

Магия возвращалась в её тело медленно, но верно.

Первым делом она обновила знаки на столбе и добавила свои, куда более замысловатые, вплетая в них дополнительный уровень защиты. Тонкая сеть заклинания расползлась далеко за пределы дома, незаметная для глаза, но ощутимая на уровне, где воздух начинал чуть вибрировать, реагируя на любое вторжение. Трисс дважды проверила границы, и, только убедившись, что всё работает так, как должно, позволила себе вернуться в тепло.

Изменению подвергся и сам дом. На окне появилась плотная занавеска, почти не пропускающая свет, а задвижку на двери девушка усилила магией, намертво запаяв металл и дерево в единое целое.

Всю свою одежду, кроме тёплого кожуха, она сожгла без сожаления, наблюдая, как ткань темнеет, скручивается и исчезает в огне — бурые пятна не отстирывались, да и сама мысль о том, что эти вещи могут остаться, была ей неприятна на уровне инстинкта.

Она не собиралась оставлять в доме Димитра никаких следов своего пребывания.

Лекарь не высказал ни малейшего недовольства, хотя явно замечал изменения в доме. Он вёл себя так, будто она имела полное право распоряжаться в его жилище, и именно это отсутствие реакции вызывало у Трисс куда большее напряжение, чем если бы он возразил или попытался установить границы.

Она использовала любую возможность, чтобы исподтишка наблюдать за ним, пытаясь уловить несоответствие во взгляде или действии. Иногда тревога доходила до такого уровня, что Трисс подрывалась посреди ночи в поту и с отчаянно бьющимся сердцем. Тогда она шла на улицу проверить магическую защиту вокруг дома, потом проверяла задвижку на двери и, наконец, заглядывала в соседнюю комнату.

Димитр спал сном человека с кристально чистой совестью и полным отсутствием страха. Меч с ножнами так и оставался лежать на лавке возле печи. Трисс не находила оправданий для подобной беспечности, стараясь быть ещё более бдительной.

И не зря.

Непрошенные гости явились среди дня, когда она мыла посуду после обеда. Димитр, сидя за столом, готовил очередную порцию зелий, и в воздухе уже висел знакомый горьковатый запах, от которого першило в горле.

Она почувствовала их ещё на расстоянии — граница защитного контура дрогнула, предупреждая о вторжении, и это ощущение отозвалось напряжением во всём её теле.

Трое людей верхом, да еще и в полной экипировке.

Дышать сразу стало тяжелее, и Трисс замерла на долю секунды, пытаясь понять, сколько у неё осталось времени. Жестяная миска выпала из рук, гулко ударившись о пол, и этот звук прозвучал слишком резко в привычной тишине дома.

— Ты чего? — удивлённо поднял голову Димитр.

— Рыцари, — выдохнула Трисс.

Глава 6 ПОВ Димитр

«Даже в самой тёмной комнате найдётся свеча, которую можно зажечь. Важно не столько найти её, сколько верить, что она там есть».

— Димитр

Она не сказала больше ничего.

Даже не вытерев от воды руки, схватила кожух и потянулась к обуви, стоящей у двери.

— Куда ты? — Димитр резко поднялся на ноги, и стул под ним скрипнул, отъезжая назад.

— Ухожу.

Он поразился, насколько быстрыми и четкими были ее движения — словно она точно знала, сколько времени оставалось в запасе.

— Трисс, спрячься в погребе. Ты не выдержишь ночь в лесу, а ближайший город в трёх днях пути. Это самоубийство!

Если раньше он пытался разговаривать с ней доводами разума, то сейчас настаивал, почти давил. Девушка на секунду бросила взгляд на его лицо — короткий и цепкий, как у зверя, оценивающего угрозу.

— Это люди барона, и они ищут меня, — бросила она, натягивая сапоги.

Всего через мгновение она без разрешения схватила со стола длинный нож для разделки мяса — единственное во всём доме, что могло сойти за оружие.

— Выпал свежий снег, твои следы будут как на ладони. — Он неосознанно повысил голос. — Это не выход!

— У меня нет выбора. — Глухо прозвучал ее голос.

Мужчина шагнул к ней ближе.

— Останься. Я не собираюсь тебя выдавать.

Она замерла на месте. Её взгляд метался от двери к его лицу и снова к двери, пропитанный нарастающей, но всё ещё контролируемой паникой.

Димитр поднял руки в успокаивающем жесте.

— Просто доверься мне, — произнёс он медленно, глядя ей в глаза.

Девушка лишь сжала зубы, но и не сдвинулась с места. Драгоценные секунды до прихода рыцарей ускользали сквозь пальцы.

Димитр не стал ждать.

— Помоги сдвинуть стол, быстро! — приказной тон прорезал пространство резко и чётко, и именно это вывело её из нерешительности.

Две пары рук легли на край столешницы. Толстые дубовые доски делали стол почти неподъёмным, но благодаря совместному усилию удалось достаточно быстро сдвинуть его вбок — раздался глухой скрежет дерева по дереву, и стал виден небольшой прямоугольный контур в полу.

Там, где ещё недавно стояла массивная ножка стола, обнаружилась металлическая дужка. Димитр встал на колени и с заметным напряжением открыл дверь в подвал.

Изнутри дохнуло холодом и сыростью. А ещё там было так темно, что создавалось ощущение, будто пространство поглощало свет, скрывая во тьме любые очертания чего-то физического и осязаемого.

— Прыгай, там невысоко! — сказал Димитр почти скороговоркой, и девушка снова послушалась, ныряя почти наобум в чёрную дыру.

Мышцы рук снова напряглись, и тяжёлая дверь опустилась на место.

Димитр окинул глазами комнату, проверяя, не осталось ли на виду чего-то подозрительного. Его взгляд двигался быстро, цепляясь за мелочи, которые в обычной ситуации могли бы ускользнуть из вида, а сейчас становились предательскими следами.

Нужные пузырьки сами собой появились в пальцах — ему не нужны были подписи, чтобы быть уверенным, какие жидкости были внутри. Димитр вылил содержимое первой склянки в широкую керамическую чашу, вытянул руки как можно дальше от лица и добавил вторую жидкость.

Послышалось шипение, и по комнате начал распространяться сизый дым, стелящийся по полу, как туман.

В воздухе неприятно запахло серой. Димитр закашлялся, и в этот момент в дверь гулко постучали.

— Открыто! — крикнул лекарь так, чтобы отчётливо услышали все: и внутри, и снаружи дома.

Дверь открылась, и в комнату вошли трое.

Это действительно были рыцари. Как на подбор рослые и плечистые, в тускло блестящих доспехах с гербом — златогривый лев на голубом фоне скалил зубы, стоя на задних лапах.

— Чем обязан? — первым спросил Димитр.

Предводитель рыцарей принюхался, переводя глаза на стол с зельями. Чаша всё ещё слегка шипела, и клубы дыма ползли по полу, обволакивая сапоги вошедших.

— Господин лекарь? — обратился он к Димитру.

— Да, заходите. Прошу прощения за запах — готовлю зелья.

Это как будто даже успокоило рыцаря — его плечи едва заметно расслабились, а взгляд стал менее цепким.

— Мы выполняем поручение барона Виктора Гидеона, — негромко начал он, — разыскиваем беглого преступника.

— Вот как? — слегка поднял брови Димитр. — А я думал, что в нашем захолустье вообще ничего не происходит.

На его лице появилась лёгкая усмешка, но рыцарь не поддержал шутливого тона.

— Прошу ознакомиться с этим.

Димитр взял в руки бумажный лист — на нём простым карандашом был набросан женский портрет, а внизу всего пара строчек описания.

Набросок был схематичным, сделанным явно на скорую руку. Но лицо Трисс было вполне узнаваемо. Димитр перевёл глаза вниз листа на витиеватые строчки и прочитал вслух.

— Женщина, около двадцати лет, волосы светлые, рост средний… — на секунду он замолчал. — И это всё описание?

Рыцарь слегка кашлянул, прежде чем ответить.

— Она ранена и, возможно, будет искать помощи в окрестных поселениях.

— Ко мне никто не приходил. — Развёл Димитр руками. — Может, стоит расспросить в деревне?

— Увы, никаких следов. Может быть, что-то пропало из дома? Оружие, зелья? — допытывал рыцарь, внимательно следя за его реакцией.

— Сюда редко кто-то приходит, всё-таки я живу отчуждённо, — будто между делом заметил лекарь, — да и добраться непросто, а уж зимой так тем более.

— В любом случае рекомендую быть начеку, — всё так же серьёзно ответил рыцарь. — Не стоит недооценивать ситуацию.

— По вашему описанию это двадцатилетняя девчонка, да ещё и раненая. Звучит не сильно… угрожающе?

Человек в тускло поблёскивающих доспехах пристально посмотрел на Димитра, слегка нахмурив кустистые брови:

— Повторюсь, не стоит недооценивать. Она действительно преступница, осуждена за убийство человека и официально признана душевнобольной. Такой человек способен на многое, согласитесь.

— Спорить не стану, — вежливо наклонил голову Димитр, — и спасибо за предупреждение.

— Мы осмотрим дом? — внезапно спросил рыцарь. — С вашего, конечно же, позволения.

Интересно, что бы было, если бы он ответил «нет»?

Остались бы вооружённые люди так же вежливы и миролюбивы?

— Если это необходимо.

Предводитель рыцарей так и остался на пороге, отправив на осмотр своих подчинённых. Он снял рукавицы и медленно провёл ладонью по задвижке на двери, то ли проверяя на прочность, то ли заметив что-то необычное.

Они открывали шкафы, осматривали полки с зельями, проверили вторую комнату. Один из рыцарей заглянул за занавеску над печью, задержав взгляд на лежанке. Второй остановился у стола.

Димитр скользнул взглядом по полу и почувствовал, как вспотели ладони. Под сизым дымом на потемневших от времени досках проглядывал след от ножки стола — царапина была глубокой и оттого вполне отчётливой.

Рыцарь шагнул вперёд, наклоняясь над зельями. Его лицо сморщилось от неприятного запаха, но глаза заскользили по склянкам с нескрываемым любопытством.

Но он так и не рискнул коснуться столешницы, видимо, опасаясь разбить что-то из стекла. Чаша в очередной раз испустила клуб дыма. Рыцарь закашлялся и отступил назад.

— Благодарим за содействие, — спокойно произнёс старший, возвращая перчатки на руки. — Если увидите или услышите что-то подозрительное, вы знаете, кому сообщить.

— Обязательно.

Наконец дверь закрылась. Димитр щёлкнул задвижкой.

Ладони были мокрыми, и он с заметным облегчением сполоснул их водой.

Он выждал ещё пару минут, прислушиваясь к звукам, и, только убедившись, что рыцари уехали, сдвинул стол, напрягаясь всем телом, — сейчас сделать это оказалось куда труднее.

— Там есть ступени, нащупай, — тихо сказал он в темноту.

Трисс не спешила выходить на поверхность — сначала показались её руки, вцепившиеся в края проёма для опоры, потом лицо — бледное почти до серости.

Поднимаясь, она оступилась на трухлявых ступеньках и чуть не полетела назад в темноту, неловко взмахнув руками. Димитру пришлось быстро податься вперёд и ухватить её за локоть, помогая удержать равновесие. С его помощью она неуклюже опёрлась коленом о дощатый пол и, наконец, полностью вылезла из подвала.

Мужчина осторожно опустил дверцу, стараясь сделать это как можно тише, но деревянная крышка всё равно стукнула с громким звуком, отзываясь неприятным эхом в небольшой комнате. Дым окончательно рассеялся, оставив после себя запах тухлых яиц.

Трисс даже не попыталась встать на ноги.

Она села прямо на грязный пол, оперевшись спиной на бревенчатую стену. Плечи безвольно опустились. Она явно пыталась что-то сказать, но пересохшие губы едва шевелились, и вместо звуков выходили только короткие, сбивчивые вздохи.

Димитр присел на корточки рядом с ней, вглядываясь в её лицо, — расширенные зрачки выглядели чёрными провалами на фоне голубых радужек. Её взгляд ничего не выражал — она слепо смотрела перед собой, почти не моргая.

Он позвал её по имени, стараясь придать голосу мягкости.

— Трисс?

Никакой реакции. Не говоря больше ни слова, он взял её за руку — пальцы оказались ледяными. Димитр аккуратно обхватил её запястье и приложил большой палец к вене, отсчи-

тывая пульс. Биение сердца чувствовалось слабо, но пульсация была быстрой, почти лихорадочной.

Одним движением он поднялся на ноги, скользнул глазами по полкам и безошибочно достал нужный пузырек. Пробка на нём оказалась такой тугой, что ему пришлось приложить силу, чтобы выдернуть её.

— Пей.

Девушка с трудом сконцентрировала взгляд на протянутой руке. Димитр не стал ждать и просто всунул пузырёк ей в ладонь. Пальцы сжали холодное стекло, и она медленно поднесла зелье к губам, не проверяя ни запаха, ни цвета.

Прошло несколько долгих минут, прежде чем её взгляд начал фокусироваться, переставая блуждать, а дыхание постепенно выровнялось, переходя из судорожного в более глубокое и медленное.

Всё это время Димитр сидел возле неё, оперевшись коленями о пол и пристально вглядываясь в постепенно розовеющее лицо — всё же зелье действовало не моментально.

Он сам не заметил, как начал её рассматривать, сравнивая в своей голове живой образ с карандашным наброском.

Ей и правда было не больше двадцати, хотя Димитр дал бы и того меньше. Бледная кожа и такие же светлые, пожалуй, даже блёклые глаза лишали какой-либо возможности догадаться о её происхождении — подобный типаж встречался в Империи повсеместно. Узкий, острый подбородок в сочетании со впалыми щеками добавлял ей болезненности, но черты лица были тонкими и в любой другой ситуации даже привлекательными.

Что там ещё было в описании?

Он скользнул глазами выше — под копной неестественно светлых, неряшливо выглядящих волос проглядывали тёмные корни. И всё же рыцарь не сказал самого главного — они искали не просто беглую преступницу, они искали магичку.

Зачем было скрывать такую явную примету?

Пока он размышлял, Трисс окончательно пришла в себя. Она подтянула колени к груди, и Димитр не понял, хотела ли она отодвинуться от него или просто пыталась вернуть контроль над телом.

— Почему? — полувздохом-полушёпотом спросила она.

— Что почему?

— Почему ты это делаешь?

Она посмотрела на него так, что ему стало неловко — не от вопроса, а от самого взгляда.

Поспешив разорвать зрительный контакт, он сел рядом, по её примеру привалившись спиной к стене, и на мгновение закрыл глаза, позволяя себе короткий выдох, который он сдерживал всё это время.

— Ну я же лекарь, — ответил он после долгой паузы, повернув голову в её сторону. — Жалко отдавать на казнь пациента, которого вытаскиваешь с того света.

Девушка хмыкнула, доцеживая последние капли зелья из пузырька. Рука опустилась на согнутое колено.

— В замке тоже есть лекарь. И ему было всё равно.

В её словах было больше усталости, чем обвинения. Димитр задумался, прежде чем снова ответить. Не то чтобы он особо анализировал, почему помогал ей, — просто делал так, как считал правильным.

— Наверное, я бы хотел, чтобы кто-то так же защищал моих сестёр, случись что плохое.

Трисс улыбнулась уголком рта, но усмешка вышла кривой и какой-то искусственной.

— Так в этом дело? Я напомнила тебе кого-то из них?

— Нет, вы абсолютно не похожи, если ты об этом, — ответил он, покачав головой.

— Тогда почему ты не с ними? Не защищаешь их?

Образы сестёр непроизвольно появились перед глазами. Воспоминания о них были такими живыми и тёплыми, что улыбка сама собой тронула его губы.

— Они не нуждаются в моей защите. Им ничего не грозит.

— Это заблуждение, — сказала Трисс категорично.

— Не думаю. Кто осмелится поднять руку на дочерей гетмана?

— Ты… сын гетмана? — медленно переспросила она, впервые за весь разговор поворачивая к нему голову.

— Ага.

Наверное, надо было сказать что-то ещё, но каждый раз при вопросе об отце он тушевался, чувствуя себя неловко и глупо.

Лицо Трисс исказилось. Она на секунду сжала губы, опуская глаза в пол.

— Так вот почему ты им не сказал, — её голос дрогнул. — Хочешь сдать меня сам? Чтобы вернуться из ссылки?

Ему понадобилось время, чтобы осознать сказанное.

— Да что с тобой не так? — впервые за все эти дни он сорвался, переходя на повышенный тон. — Не собираюсь я тебя сдавать, сказал же!

Они сидели близко, почти касаясь друг друга плечами, и её лицо было видно до малейших деталей. Девушка подняла глаза, и было в её взгляде что-то такое, что он поспешил добавить тише и спокойнее:

— Нет никакой ссылки. Я могу вернуться в Красноград в любой момент, как только захочу.

Она отвернулась и медленно моргнула.

В комнате стояла звенящая тишина, и только тихое потрескивание огня в печи слегка разряжало обстановку.

Мужчина перевёл глаза на её руки. Ладони были узкие, а пальцы слишком тонкие для человека, способного управляться с мечом.

Но ведь маги не нуждаются в оружии. Они сами — оружие.

— Трисс, я должен спросить, — осторожно произнёс Димитр, тщательно подбирая в голове следующую фразу.

— Я не умалишённая, — ответила Трисс резко, словно ожидая именно этот вопрос, — и не убийца.

— Тюрьмы Империи под завязку забиты осуждёнными, и каждый утверждает, что невиновен.

— Я не убивала, — упрямо повторила девушка, и в этот раз голос стал ещё твёрже. — Могу поклясться чем угодно, хотя вряд ли тебя это убедит.

— И тем не менее тебя ищут, — заметил Димитр.

— Да. Я не смогла доказать свою невиновность на суде.

Мужчина вздохнул, медленно и глубоко.

— По большому счёту, мне неважно. Ты в первую очередь моя пациентка.

— Тебе не стоит волноваться. Я уеду. Совсем скоро.

— Но куда?

— Туда, где всё началось, — сказала она спокойно. — В Красноград.

Слова прозвучали тихо, но со странной уверенностью, которая совершенно не вязалась с её нынешним состоянием.

Глава 7 ПОВ Яра

«На территории Империи существует множество языков и диалектов, однако государственным является один — всеобщий. Благодаря широкому распространению за пределами Империи знание всеобщего считается нормой для образованной иностранной знати, а особенности произношения и акцента часто указывают на происхождение говорящего».

— Из книги «Всеобщий язык и нормы светской речи».

Тренировочный зал для лучников располагался всего через две улицы от дворца. Здесь пахло смолой, пылью и старой соломой, а иссечённый неумело выпущенными стрелами пол заглушал звуки шагов.

Не было ни роскошного платья, ни золотого обруча в волосах, только тонкая льняная рубашка, штаны из плотной ткани и мягкие кожаные сапоги без каблуков. Волосы теснились в тугой косе, широким колоском обвивая голову, — причёска, подходящая скорее крестьянке, чем аристократке.

Но кто мог ей сделать замечание? Тем более в такую рань — пройдёт не меньше пары часов, прежде чем помещение наполнится шумом разговоров и шагов.

Яра подняла лук, привычно проверяя пальцами натяжение тетивы, и встала в стойку. Плечи медленно раскрылись, дыхание выровнялось, а древко стрелы легло на полку лука с тихим шорохом.

Она потянула тетиву назад — до знакомого напряжения в спине и тонкой дрожи в пальцах. На мгновение зал исчез, осталась только точка в центре соломенного круга и ровный стук собственного сердца. Тетива щёлкнула, и стрела ушла вперёд. От тюка с соломой разлетелась мелкая пыль — древко вошло точно в центр, оставив вокруг расходящиеся волокна.

Яра позволила себе довольную улыбку. Отличный результат для такого большого расстояния. Впрочем, можно и ещё лучше. Она отступила назад на добрую пару шагов. Новая стрела и новая стойка — на этот раз более сложная и закрытая.

Ноги встали в привычную позу, тетива натянулась… За плечами послышались шаги, совершенно неуместные в подобное время. Она не обернулась в сторону вошедшего, но дыхание сбилось. Яра сжала зубы и всё равно выстрелила.

Стрела не попала даже в край.

На язык уже легло неприличное ругательство, но она не успела ничего сказать — сзади послышался мужской голос.

— В этой стойке следует раздвинуть ноги шире. И не нужно так выгибать спину, в настоящем бою слишком быстро устанешь.

Девушка опустила лук и повернулась к говорившему, нарочно медленно переставляя ноги и упрямо задирая подбородок. Впрочем, это было даже уместно — мужчина был выше её минимум на полторы головы. За широкими плечами выглядывали сразу два колчана, а лук в его руках был поистине огромный.

Лучник был светловолосый и светлоглазый, а губы изогнулись в хитрой, но вполне доброжелательной улыбке. Девушка в ответ нахмурилась, даже не пытаясь скрыть раздражения.

Он без тени смущения смерил её долгим, изучающим взглядом. Присмотрелся к луку в её руках, потом оценил расстояние до мишени и снова скользнул глазами по лицу.

Широкая улыбка погасла от узнавания.

— Ваше Высочество, прошу меня извинить, я не узнал Вас…

Он поклонился, не сводя с неё встревоженного взгляда. Это было не по этикету, да и обратился он неверно, но Яра лишь хмыкнула.

— Ты всем незнакомым девушкам предлагаешь раздвинуть ноги? — с сарказмом уточнила она. — Как некультурно.

— Я… Не это имел в виду, — он явно смутился, но голос не растерял уверенности. — Вы стояли… неправильно.

На его щеках появился предательский румянец, и Яра улыбнулась с видом победителя, довольная его реакцией.

— Для подобных замечаний ты должен быть по меньшей мере лучником императорского полка, — заметила она. — Но я не вижу знаков отличия, да и лицо твоё мне незнакомо.

На самом деле появление незнакомца в тренировочном зале было подозрительным, и, наверное, стоило бы быть настороже, но почему-то Яра не ощущала ничего, кроме любопытства. Так резко вспыхнувшее раздражение улетучилось без следа.

Мягкая улыбка снова вернулась на его лицо.

— Разве принцесса должна знать каждого солдата из своего войска? — задал он риторический вопрос и сам же ответил: — Достаточно того, что все они готовы отдать за неё жизнь.

Он говорил на всеобщем, но голос звучал с акцентом, и Яра пристально вслушивалась, пытаясь выяснить, откуда он родом. Согласные звучали слишком твёрдо, а интонации — рублено. Яра скользнула по мужчине взглядом, словно ища подсказки.

— Начнём с того, что это войско отца. Но это не отменяет факта, что у меня хорошая память на лица, а тем более на те, которые я вижу каждый день.

Это было почти правдой — она действительно знала многих лучников. Только вот умолчала о постыдном факте подглядывания за их упражнениями.

Лучник наклонил светловолосую голову.

— Что ж, Вы правы. Я прибыл из Фалькенмарха меньше недели назад.

Вот как, значит. Государство, хранящее нейтралитет уже долгие годы и при этом торгующее чуть ли не со всем континентом. Что же забыл в Империи их подданный?

Он замолчал, так и не представившись. Яра тяжело вздохнула про себя — судя по всему, понятие о манерах и правилах разговора в обществе принцессы было ему незнакомо от слова совсем.

Тем не менее она безукоризненно вежливо произнесла:

— Не изволите ли представиться?

— Моё имя Рейн.

Яра едва сдержалась, чтобы не закатить глаза: ну кто в любом приличном обществе будет представляться только коротким именем?

— Рейн, и всё? — переспросила она с тенью насмешки. — Как река?

— Рейнхольд Уно Дитрих, — сказал он слегка неразборчиво. — И да, как река.

На мгновение девушка замерла, осмысливая сказанное.

— У барона фон Дитриха две дочери, — сказала она, сдвинув брови к переносице. — И ни одного сына. Меня обманывает моя память или ты?

— У барона фон Дитриха действительно нет сына, — произнёс он, не опуская взгляда.

И прежде чем Яра успела что-то сказать, добавил:

— Законнорождённого.

Её лицо разгладилось от понимания. Конечно, кто станет заниматься образованием человека, которому всё равно заказан путь в высшее общество?

Она ещё внимательнее прошлась по нему глазами и обронила:

— Для бастарда ты слишком самоуверенный.

— Для принцессы вы слишком… лучница.

Яра рассмеялась. Вся ситуация была до комичности странной, но ей это даже нравилось — хоть что-то новое в череде бесконечно одинаковых дней.

И одинаковых лиц, знакомых ей с детства.

— Покажи мне, — коротко приказала она. — Что я делала не так.

Он снова улыбнулся, на этот раз широко обнажив ровные белые зубы.

— Ваше Высочество, зачем вам лук? Стреляйте глазами, и это выйдет у вас куда лучше.

Его шуточный тон прозвучал для неё как насмешка.

— Вообще-то это был приказ, — холодно произнесла она, в упор глядя в его лицо.

Мужчина слегка наклонил голову вбок, и не подумав опустить взгляд.

— Хочу напомнить, что я не ваш подданный и не обязан Вам подчиняться.

Чёткая, хоть и на грани грубости, формулировка, против которой ей было нечего возразить. Яра ещё крепче сжала пальцами дерево лука, размышляя.

Широкоплечий лучник не стал дожидаться её ответа. Он направился к мишеням, аккуратно обойдя девушку и на ходу снимая колчаны с плеч.

— Думаешь, я здесь первый раз? — громко крикнула она ему в спину. — Спорим, что я попаду в дальнюю мишень, стоя на этом месте?

Он не замедлил шаг. Вообще никак не отреагировал на её слова.

— Или боишься, что снова покраснеешь от одного моего присутствия? — издевательски протянула она. — Обещаю держать себя в руках!

Шаги прекратились. Яра закусила губу.

Рейн повернулся, и девушка почти видела, как сверкнули его глаза.

— Это невозможно, — сказал он категорично. — Этот лук слишком маленький, а расстояние слишком большое.

— Тогда что ты теряешь? Или уделить принцессе пару минут своего времени ниже твоего достоинства?

Он вернулся, подходя к девушке ближе. Яра натянула свою самую очаровательную улыбку.

— И что же будет, — прищурился он, — если ты попадёшь в мишень?

— О, ничего особенного, — просияло её лицо. — Урока по стрельбе будет достаточно.

— У меня нет на это времени, — отрезал лучник внезапно серьёзным тоном. — Да и не уверен, что этикет позволяет… такое времяпрепровождение с дочерью Императора.

Яра иронично хмыкнула.

— Ты уже нарушил с десяток правил этикета. Одним больше, одним меньше, какая разница?

— А если ты не попадёшь?

Она легкомысленно пожала плечами.

— В таком случае обещаю не докучать ни глупыми просьбами, ни своим присутствием.

Лучник бросил короткий взгляд на мишень. Потом снова посмотрел на Яру со смесью подозрения и любопытства, слегка нахмуривая густые брови.

— У тебя одна попытка.

Яра кивнула, вставая в стойку. Нарочно медленно подняла лук, словно смакуя сам момент, и только потом растянула тетиву до предела. Она бросила мимолетный взгляд на Рейна — он смотрел с неподдельным интересом, слегка наклонившись вперёд всем корпусом.

Звук тетивы раздался коротким щелчком, после которого зал на мгновение снова погрузился в напряжённую тишину.

На секунду Яре показалось, что она не попала. Что стрела ударилась выше или вообще не долетела. Но раскрашенный хвостовик стрелы торчал в соломенном тюке ярким пятном, стирая все сомнения.

Только сейчас девушка почувствовала своё учащённое сердцебиение. Лук в руках показался непривычно тяжёлым и неудобным, и она опустила его, прежде чем повернуть голову. Губы растянулись в торжествующей улыбке, а глаза впились в удивлённое лицо лучника.

— Завтра в шесть на этом же месте.

Не дожидаясь ответа, она быстрым шагом покинула тренировочный зал.

Глава 8 ПОВ Трисс

«Клянусь ставить жизнь больного выше страха, выгоды и приказа; хранить доверенное мне как тайну и не отказывать в помощи тому, кто в ней нуждается, независимо от его имени, происхождения и положения».

— Из клятвы выпускника лекарского факультета Императорской Академии.

В этот день Димитр вернулся домой позже обычного, напряжённый и уставший. Он молча отдал Трисс тяжёлые сумки и снова вышел на улицу.

Внутри сумок оказалась ощипанная куриная тушка, свёрток с мукой, яйца и бутылка домашнего вина — почти роскошный набор для его аскетичных условий жизни. Девушка ничего не стала спрашивать и сразу взялась месить тесто для мясного пирога.

Работа была вполне ей по силам — за две недели пребывания в доме Димитра она заметно окрепла.

Ещё днём Трисс успела вытопить баню и даже слегка гордилась этим — опыта в подобном деле не было у неё никакого, но она достаточно быстро разобралась с системой задвижек. Сырые дрова моментально вспыхнули благодаря простенькому заклинанию.

Трисс мылась долго, растягивая удовольствие — докрасна растирая мочалкой кожу и не боясь поливать горячей водой даже спину. Ещё утром Димитр снял последние повязки, да и сама девушка уже не ощущала боли, только неприятную стянутость кожи на месте особенно глубоких ран.

Она так и не рискнула посмотреться в зеркало. Что бы это изменило? Ровным счётом ничего.

Запах выпечки распространился по комнате, перебивая даже въедливые ароматы зелий. Тихо скрипнула дверь. Димитр вернулся из бани раскрасневшийся и заметно посвежевший.

— Никогда бы не подумал, что ты умеешь готовить, — с лёгким удивлением произнёс он, садясь за стол.

— Ты ещё не пробовал, вдруг невкусно? — улыбнулась Трисс.

Он мягко усмехнулся ей в ответ, прочёсывая пальцами сырые волосы. От воды русые пряди потемнели и потяжелели, падая на глаза и закрывая уши.

— Как прошли роды? — между делом спросила девушка. — Думала, ты быстрее вернёшься.

— Оказалась двойня. Мать чуть не умерла у меня на руках от кровопотери, — со вздохом произнёс Димитр. — Чудо, что удалось вытащить.

— Ей очень повезло, что рядом оказался ты, а не бабка-повитуха с заговорами.

В голосе Трисс едва заметно прозвучала насмешка — она действительно скептически относилась к знахаркам, ведуньям и всем подобным, считая их в большинстве своём шарлатанками.

— Не у всех есть возможность попасть к лекарю. И ты недооцениваешь помощь таких женщин — часто именно они спасают жизнь матери и младенцу.

— Как будто кто-то считает, как много женщин гибнет в родах.

— Роды — это естественный процесс. Увы, но иногда он заканчивается смертью.

Трисс ничего не ответила, раскладывая еду по тарелкам. Пирог действительно удался.

С какой-то странной теплотой в голосе Димитр произнёс:

— Они обещали назвать одного из детей в мою честь, представляешь?

— Хорошо, что не девочку, — хмыкнула она. — Знаю по себе — с мужскими именами живётся… странно.

Димитр с любопытством уставился на неё:

— Даже не буду пробовать угадать…

— Триссельд.

— Ты не говорила. — отметил мужчина, откупоривая бутылку с вином.

— Ты не спрашивал, — парировала девушка и, пожав плечами, добавила: — Да и Трисс звучит куда лучше.

— Тогда выпьем за здоровье новорождённых, и пускай их имена окажутся счастливыми, — произнёс Димитр, подавая ей глиняную кружку с вином.

Трисс сделала маленький глоток. Вино оказалось душистым и слегка кисловатым на языке. Крепость почувствовалась сразу: по горлу и груди расползался жар, а на губах оставалось терпкое послевкусие.

Они ели молча — за короткий срок совместного проживания под одной крышей Трисс успела хорошо выучить привычки Димитра. А еще она не могла не заметить, как с каждым днём что-то неуловимо менялось в его отношении к ней.

И нет, он не произнёс ни одного лишнего слова, не дал даже крошечного намёка, но разговоры после ужина становились всё длиннее, а темы — всё более личными. Она часто ловила на себе его взгляд — иногда любопытный, иногда задумчивый. Поначалу подобное внимание настораживало, заставляя часами думать о его мотивах, но с каждым днём Трисс всё больше расслаблялась, привыкая к чувству спокойствия и… безопасности?

Она корила себя за эти ощущения, но уже не могла смотреть на мужчину с прежним подозрением.

Ночь опустилась плотной завесой, и комната освещалась двумя свечами — одна стояла на столе, вторая на полке с зельями. За окном бушевала метель, и изредка порывы ветра были такой силы, что ставни начинали натужно скрипеть и ударяться о стены.

Закончив с ужином, они продолжили сидеть за столом, негромко переговариваясь под звуки свирепствующей стихии. Димитр сидел напротив, закатав рукава привычной льняной рубашки и положив локти на грубую столешницу. Дрожащее пламя свечи освещало лица тёплым, мягким светом, а глиняный кувшин с вином стал заметно легче за прошедшее время.

Несмотря на мороз, в самом доме было почти жарко — в воздухе пахло нагретым кирпичом, сушёными травами и дымом. В тесноте и тепле комнаты зима казалась далёкой, а еще Трисс чувствовала, как начинали гореть от вина её щёки. Она без стеснения рассматривала мужчину напротив, периодически пересекаясь с ним глазами.

— Ты всем так помогаешь? — задала она давно мучивший её вопрос.

— По мере своих сил, — ответил он, покачивая кружку в руках. — Иногда тем, кто стучит мне в дверь и просит о помощи. Иногда тем, кто врывается ко мне в дом с угрозами.

Трисс усмехнулась, принимая по-доброму колкий намёк.

— Занятно. Откуда такая… философия жизни? — последние два слова она произнесла будто неуверенно. — Или вас так учат в Академии?

— И да, и нет. Перед получением диплома мы даём определённые клятвы, но на практике не все придерживаются таких принципов. Многие сначала проверяют кошелёк пациента, а только потом его состояние.

— А ты?

— А я считаю, что все равны перед Богом. И каждый имеет право на помощь в равной степени.

Трисс задумчиво погладила кружку пальцем. На боку обнаружился небольшой скол, и шершавый край царапнул кожу.

— Не могу понять одного. Ты святой, не чувствующий земли под ногами, или грешник, замаливающий грехи?

Его карие глаза в полумраке казались тёмными, но она уже знала, что на солнце радужка приобретала куда более теплый оттенок. Сейчас эти удивительные глаза смотрели на неё. Она

опустила взгляд ниже — кончики его губ были слегка приподняты. Весь этот разговор явно был ему в удовольствие.

— Никто не безгрешен, и я в том числе.

Она вздохнула.

— Мне сложно в это поверить. Я ворвалась тебе в дом с угрозами, а ты переживал, чтобы меня не напугало отражение в зеркале. Ты понятия не имел, за какое преступление меня наказали, но тем не менее спрятал от людей барона. И после всего этого говоришь о каких-то грехах?

Улыбка на его лице померкла.

— Трисс, у меня умер пациент. Ребёнок, прямо на моих руках.

— Это ужасно, — сказала девушка, но без особых эмоций. — Но у каждого лекаря есть свой список, который он будет помнить до конца своих дней. Такова жизнь и, увы, такова смерть.

— Это была моя вина.

— О. — Трисс замолчала, не зная, что сказать. Её взгляд остановился на мерцающем пламени свечи — воск стекал по её бокам крупными каплями, застывая в причудливых формах.

Повисла пауза, нарушаемая только негромким треском горящих в печи поленьев. Димитр вглядывался в свою кружку, словно на её дне можно было найти простые ответы на сложные вопросы.

— Ты поэтому уехал из Краснограда? — наконец задала вопрос Трисс. — Из-за скандала?

— Не было никакого скандала, — тихо сказал мужчина, не поднимая взгляда. — Мальчик был сирота.

— Тогда… Я не понимаю.

Димитр поднял голову, и их лица снова были на одной высоте.

— Я был слишком самоуверен и думал, что ошибиться может кто угодно, но только не я. Единственный сын самого гетмана Империи, а ещё первый из Кропивницких с магическим даром — только представь, какие ставки делал на меня отец?

Трисс прекрасно знала, о чём он говорит. Золотые мальчики в накрахмаленных рубашках с белоснежными воротниками, уверенные в своей исключительности. Она встречала таких во время учёбы и благоразумно старалась держаться подальше.

А Димитр продолжал:

— У меня было всё, чего только можно было пожелать. Лучшие школы и учителя, практика в императорских больницах, самые современные и дорогие инструменты — и я поверил в свою избранность.

Трисс наклонила голову набок.

— Ты действительно талантлив, разве нет?

— Не настолько, чтобы сразу после учёбы заведовать госпиталем, да ещё и военным. Отец использовал свои связи и влияние, всё было договорено, и я действительно верил, что достоин таких высот. И не сомневался, что справлюсь на отлично, но…

Он замолчал, словно не желая рассказывать дальше.

Прежде чем она осознала, что делает, Трисс наклонилась над столом и легонько коснулась своими пальцами его руки.

На контрасте с её привычно холодной ладонью его кожа была тёплой. У него в принципе всегда были тёплые руки — Трисс успела заметить это во время ежедневных перевязок.

Она ничего не говорила, чувствуя, что услышит сейчас что-то важное.

— Одна-единственная смерть показала мне реальное положение дел. Я отказался от должности, и мы разругались с отцом в пух и прах. И я не придумал ничего лучше, чем уехать в глушь, где меня никто не знает.

— От себя не убежишь, — негромко сказала ему Трисс. — Невозможно всю жизнь отсиживаться в лесу, так и одичать недолго.

— О, я знаю, — с горечью произнёс Димитр. — Но пока я не нашёл ни одной причины вернуться. Со временем блеск столицы забывается, а мыться одним ведром воды уже не кажется дикостью.

Он высвободил пальцы, и Трисс уже была готова отдёрнуть руку. Но не успела и внезапно почувствовала на своих костяшках тепло его руки.

В первую секунду она напряглась, с трудом подавив желание отпрянуть и разорвать телесный контакт. Потом почти сразу бросила быстрый взгляд на мужчину, но тут же успокоилась — он не заметил её реакции.

— Знаешь, а мне сложно понять тебя. Зачем возвращаться туда, где началась самая ужасная страница твоей жизни? Почему бы не начать всё заново на новом месте?

Девушка задумалась.

Она и сама не до конца могла ответить на этот вопрос. В Красноградe жили люди из её прошлой жизни, и кто-то, конечно же, мог узнать её. Или можно было нарваться на уличный патруль, и подобная встреча при отсутствии у неё документов закончилась бы новым заключением. Риски возрастали в разы, но что-то тянуло её, не позволяя даже задуматься о других вариантах.

— Возможно, мне нужно вспомнить, кем я была до всего этого? — задала она риторический вопрос.

Димитр лишь покачал головой, и Трисс не до конца поняла, что это значило.

Он ещё ни о чём не догадывался, а она уже чётко решила, что этот вечер будет последним. Оставаться на землях барона дальше было всё ещё опасно, да и она задержалась в доме Димитра дольше, чем планировала.

Точнее, она и вовсе это не планировала. Но если посмотреть правде в глаза, она всё ещё была жива только его усилиями.

Девушка аккуратно высвободила пальцы и поднялась на ноги. Он посмотрел на неё удивлённо.

— Уже встаёшь? Помочь тебе с уборкой?

Она молча подошла к нему ближе, остановившись буквально в шаге и глядя сверху вниз.

В тусклом свете черты его лица казались ещё плавнее, а мелкие морщинки вокруг глаз разглаживались, делая лицо юным, почти мальчишеским.

Она медленно коснулась его подбородка пальцами правой руки, мягко принуждая поднять голову ещё выше. Карие глаза смотрели вопросительно и будто бы слегка застенчиво, а на щеках начинал расползаться едва заметный румянец. От вина ли? Или от смущения?

Какая, впрочем, разница.

Было в его лице что-то невинное, почти ангельское — на фоне этого даже её собственные руки казались слишком грубыми, а движения — резкими. Трисс подошла ещё ближе, почти касаясь его коленей, и осторожно запустила руку в его волосы. Русая копна смялась под пальцами.

Скорее всего, что-то отразилось на её лице, и Димитр встал, сразу становясь выше, занимая собой всё пространство перед её телом.

Долгое мгновение они просто смотрели друг на друга. Трисс — выжидающе, слегка улыбаясь уголками губ, Димитр — болезненно сдержанно, явно понимая её намерение, но так и не решаясь перейти к физическому действию.

Её губы, горячие и сухие, коснулись его лица, уничтожая все моральные сомнения. От него пахло каким-то острым лечебным зельем, душистым мылом и совсем немного вином — ароматы смешивались в один успокаивающий, почти домашний запах, заставляющий мысли покинуть голову, а мышцы расслабиться.

Мужчина поцеловал её в ответ осторожно, словно ожидая, что она отпрянет в любую секунду. Но этого не случилось ни в первое мгновение, ни потом — когда она прижалась к нему ближе, касаясь ладонями груди и поднимаясь на цыпочки.

Вскоре Трисс почувствовала его руки на своих плечах. Сначала касание было едва заметным, потом пальцы опустились ниже, на лопатки, туда, где под тонкой рубашкой прятались свежие рубцы. На мгновение она сжалась всем телом, предчувствуя неприятные ощущения, но не почувствовала от прикосновений ни малейшего дискомфорта.

Ощущение таких нежных, бережных касаний было забытым, каким-то давно утраченным для неё чувством.

Трисс перехватила инициативу, толкая мужчину ладонями в грудь и вынуждая снова сесть на стул. Они снова смотрели друг на друга, но теперь уже она была выше — это ощущение почему-то успокаивало.

Нельзя сомневаться.

Не отрывая взгляда от его лица, одним движением девушка стянула через голову рубашку и, не глядя, бросила её на пол. Под тонкой тканью не было белья, и она оказалась обнажённой по пояс — грудь заострилась и покрылась мурашками.

— Трисс, что ты делаешь? — обеспокоенно спросил Димитр, удерживая свой взгляд на уровне её подбородка.

— Раздеваюсь, — ответила она, улыбаясь одним уголком рта. — Разве не видно?

Трисс не понимала, какого ответа он так пристально искал в её лице.

— Разве ты меня не хочешь? — спросила она обезоруживающе прямо.

— Хочу, — ответил он хрипловато.

Но руки не шелохнулись. Трисс скользнула взглядом вниз — тонкие льняные штаны топорщились предательски отчётливо.

Всё просто, до примитивного просто.

— Тогда в чем дело? — спросила она и, не дожидаясь ответа, наклонилась, подхватывая край его рубашки.

Видимо, это был тот самый ответ, потому что через мгновение рубашка полетела куда-то вниз, а мужские руки притянули её тело к себе уже без каких-либо сомнений. Трисс села к нему на колени, широко раздвинув ноги и без стеснения прижимаясь тесно и плотно.

Всё, что они делают сейчас, — естественно и правильно, разве нет?

Между ними всё ещё оставалась ткань штанов — и его, и её. Девушка легонько качнулась бёдрами так, что он выдохнул ей в шею полувздохом-полустоном.

Пространство вокруг плыло перед глазами неясными силуэтами. Пламя свечей задёргалось, как от сквозняка, но Трисс уже не осознавала, видела ли она это наяву или всё же это была игра сознания.

По спине пробежали неприятные мурашки.

Это от холода.

Он снова её поцеловал, уже не скрывая своих чувств. Трисс в ответ зарылась пальцами в его волосы, достаточно длинные, чтобы ощутить между пальцами их густоту и мягкость.

— Иди за мной, — прошептала она, и он повиновался ее голосу, тихому и слегка охрипшему.

От вина в голове гудело. Трисс упала на кровать спиной, широко раскинув руки. Это ещё больше подчеркнуло рёбра, туго обтянутые кожей, и впалый живот, но в эту секунду она старалась не думать о том, как выглядела.

Всё будет хорошо.

У него удивительные, нежные руки и самые добрые глаза, которые она когда-либо видела. Такой человек не сделает больно.

Он медленно стянул с неё штаны и бельё — её колени инстинктивно сжались, и он заметил это резкое движение.

— Ты уверена?

Она не дала себе времени на размышления.

— Да.

Она почувствовала вес мужского тела и раздвинула бёдра, а пальцы легли на его кожу, прижимая ещё сильнее, словно в попытке согреться.

Руки начало трясти, а дыхание сбилось, становясь неравномерным и каким-то дёрганым. Она с трудом сдержалась, чтобы не впиться ногтями в его спину — это помогло бы перестать ощущать эту неуместную дрожь.

Всё будет хорошо.

Он медлил, двигаясь буквально по миллиметру, и за это Трисс была благодарна — её тело было как напряжённая струна, готовая порваться в любую секунду. Со временем толчки стали ритмичнее и глубже, но к этому она уже была готова.

Её глаза смотрели в потолок, совсем не к месту подмечая каждую трещинку и сучок в потемневшей древесине.

— Я не могу сдерживаться, — выдохнул он где-то над её ухом.

— И не нужно.

Последний толчок и полухриплый выдох в волосы.

Она почувствовала, как к глазам подступили слёзы, а к горлу подкатил ком, не давая вдохнуть полной грудью.

Нет, нет, нельзя сейчас плакать. Только не сейчас.

— Всё в порядке? — обеспокоенно спросил Димитр, заглядывая ей в лицо.

Нет. Ничего не в порядке. Всё абсолютно не в порядке.

Внутри себя ей хотелось закричать в голос, громко и яростно, только бы перестать чувствовать то, что она ощущала сейчас.

— Конечно, — улыбнулась она самой искренней улыбкой, на которую была способна.

Опьянение прошло внезапно, как по щелчку, и голова наполнилась мыслями, которых она не хотела знать.

— Принести тебе воды? — спросил он заботливо.

— Да, пожалуйста.

Возможно, это поможет справиться с одуряющей тошнотой, подкатывающей к самому горлу.

Возможно, стоило выпить чуть больше? Или не торопиться? Или всё просто случилось… невовремя?

Она повернулась на бок, обнимая себя руками и подтягивая согнутые колени ближе к груди.

Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Она плотно сжала зубы и закрыла глаза.

Димитр спросил что-то ещё, но его голос звучал глухо, как из-под толщи воды. Трисс сделала вид, что не услышала.

Глава 9 ПОВ Яра

«Главной угрозой для мага на поле боя остается лучник. Зачарованная стрела с легкостью пробивает магическую защиту, а расстояние позволяет стрелку нанести удар прежде, чем заклинатель обнаружит его присутствие».

— из лекции профессора тактики и стратегии факультета боевой магии Императорской Академии.

Он опаздывал на добрый десяток минут.

Стрелки настенных часов лениво переползали деления, и ритмичное тиканье в пустом зале звучало почти издевательски. Сквозняк гулял по полу, поднимая пыль от соломенных мишеней.

Нужно было уйти сразу, как только она заметила пустой зал. Но что-то заставляло её оставаться на месте.

Пальцы нервно теребили кончик косы — густые волосы так и норовили вырваться из туго затянутого узла бархатной ленты. Изменилась не только причёска — сегодня лён рубашки сменился шёлком, а простой крой компенсировался сложной вышивкой на груди. В вырезе блузы на массивной цепочке покачивался кулон с драгоценными камнями — вроде и простое, но безумно дорогое украшение.

Она резко откинула косу за плечо и поднялась с деревянной скамейки.

Да кто он такой, чтобы заставлять ждать принцессу?

Она распахнула двери, делая быстрый шаг в коридор… И чуть не врезалась с размаху в мужское тело. Яра остановилась и неловко взмахнула руками, чтобы удержать равновесие.

Мужчина явно был чем-то недоволен. Он выглядел запыхавшимся, но руки сжимали уже знакомый лук, а глаза сверкали из-под влажной, разлохмаченной чёлки.

— Долго спишь, — буркнула Яра вместо приветствия.

Если он не соблюдает приличия, то с чего ей быть вежливой?

— Нарвался на патруль, — ответил он хмуро, проводя ладонью по затылку, словно пытаясь пригладить волосы. — Мне не говорили, что у вас комендантский час.

Девушка скрестила руки на груди, отступая от него на шаг. Мягкие сапоги без каблуков ещё больше подчёркивали их разницу в росте, и Яра почувствовала себя цыплёнком, высоко задирая голову и пытаясь максимально выпрямиться.

— Всего лишь контроль за порядком на улицах. Красноград, к твоему сведению, самый безопасный город на континенте.

Он лишь пожал плечами, словно она не сказала ничего особенного.

— Это неудивительно с таким количеством стражи. Они были уверены, что я шпион. Рассматривали документы чуть ли не под лупой.

— А ты не шпион?

Он усмехнулся уголком рта.

— Будь я шпионом, выбрал бы ножи. Лук не спрячешь, им можно воспользоваться только в открытую.

Извиняться, судя по всему, он не собирался. Яра не изменилась в лице, только сильнее сжала пальцы на рукавах.

— Хватит разговоров, — сказала она безапелляционно, поворачиваясь к нему спиной и возвращаясь в зал. — Идём.

К её удивлению, он молча последовал за ней. Его шаги были тяжелее её, но удивительно тихими для такого роста.

Девушка сняла со стены тренировочный лук, поднимаясь на носочках — её роста не хватало дотянуться до креплений. Рейн наблюдал, не торопясь с помощью.

— Почему у тебя нет своего лука? — спросил он. — Ты же можешь себе позволить буквально всё.

Хороший вопрос. Очень правильный вопрос. И от этого ещё более неприятный.

— Не ищу лёгких путей. Зато после тренировочных любой другой лук покажется произведением искусства.

— Не ищешь лёгких путей? Как и нормального учителя?

— А ты не годишься для этой роли? — проигнорировала она первый вопрос.

— Нет, — ответил он категорично. — Мне не рассказывали, как учить принцесс. И самое главное — зачем?

— Можешь считать это моей прихотью. Достаточно веская причина?

— Я имею в виду, зачем это мне?

Яра недоумённо нахмурила брови.

— Отказываешься ещё до того, как услышишь предложение?

— Как мы уже выяснили вчера, я могу отказаться в любой момент.

Он подчеркнул интонацией последние два слова, словно она могла забыть такую мелочь, как его принадлежность к чужой короне.

— Хорошо, чего ты хочешь? — шагнула девушка почти вплотную к нему, вскидывая голову. Расстояние между ними было маленьким — буквально на ширину вытянутой руки. — Я могу щедро заплатить, тебе нужно только назвать цену.

— Моё незапланированное рождение никак не мешает мне оставаться единственным наследником мужского пола у моего отца, — ответил Рейн с внезапной резкостью. — Денег у меня достаточно.

Слова прозвучали жёстко, с куда более заметным акцентом, и в воздухе повисло неприятное напряжение.

— Я не пыталась тебя задеть, — сказала Яра слегка растерянно. — Любой труд должен быть оплачен, что в этом такого?

Он сжал челюсть, будто пожалев о своей резкости.

— Принцесса, зачем вам всё это? — Его взгляд впился в ее лицо. —Развеять скуку можно куда более интересными способами.

— Я хочу тренироваться, — упрямо сказала она, не отводя взгляда. — С тобой.

Потому что во всём городе никто другой не согласится.

Эту мысль она, конечно же, не озвучила. Лучник вздохнул.

— Я не стану этого делать, пока не пойму, в чём смысл этого сомнительного мероприятия.

Его голос звучал спокойно и уверенно, не давая возможности зацепиться за слова и переиграть ситуацию, и Яра ощутила, как у неё непроизвольно напряглись плечи.

Чего он хочет? Честного ответа?

Во дворце никто не позволял себе подобной роскоши. Или же им не хватало смелости.

Вздох получился глубоким, как перед прыжком в холодную воду.

— Всё проще, чем ты думаешь. Я выросла с двумя братьями, мы с самого детства всё делали вместе. Играли, тренировались, учились…

Она произносила слова тихо, с трудом скрывая в голосе тоску.

— И я была лучшей во всём, даже в стрельбе. Наши наставники наперебой твердили о моих способностях. А потом отец запретил мне даже приближаться к тренировочному залу.

Пока она говорила, пальцы скользнули по гладкому древку лука в неосознанном жесте. Словно дерево могло её услышать и откликнуться.

Глаза лучника сощурились, но произнёс он уже мягче, чем раньше:

— Что же произошло?

Яра опустила голову. Кулон на груди был тяжёлым, и цепочка ощутимо врезалась в нежную кожу шеи.

Дурацкое украшение. Вычурное и неудобное.

— Ничего особенного. Пришли мои первые месячные, и отец внезапно понял, что выгодный брак и многочисленные наследники пригодятся короне куда больше, чем мои таланты.

Слова прозвучали грубо, но Яра и не подумала смягчать формулировку. Она не поднимала глаз — не хотела видеть, как его брови поползут вверх, а рот растянется в насмешке.

Часы тикали в тишине, повисшей между ними.

— Мне не нужны от тебя деньги, — наконец прозвучал его голос. — Но мы можем помочь друг другу.

— Я тебя слушаю, — откликнулась она без тени улыбки.

Рейн сел на скамейку, и дерево глухо скрипнуло под его весом. Он опёрся локтями на колени, сцепив пальцы в замок и чуть ссутулив широкие плечи.

Несколько секунд он молчал, глядя в пол, словно подбирая нужные слова.

— Я никогда прежде не был в Империи, а тем более в столице. Всё такое непонятное, незнакомое…

Яра бесшумно опустилась возле него, откладывая лук. Их плечи оказались на одном уровне, и разница в росте перестала быть такой ощутимой. Так разговаривать было куда легче.

— Одним словом, не так, как у нас. Мне нужен кто-то, кто смог бы… рассказать мне больше. Я должен постоянно быть при дворе, среди знати, но ума не приложу, как мне себя вести. А я должен, просто обязан сделать так, чтобы меня услышали.

Он говорил негромко и медленно, словно взвешивая каждое слово, прежде чем его произнести.

— У тебя совершенно ужасные манеры, — согласилась с ним девушка. — Тебя обзовут безродным деревенщиной прежде, чем ты откроешь рот. И уж точно никто не станет тебя слушать, если первое впечатление о тебе будет… неверным.

Рейн повернул к ней голову.

— Звучит весьма… обнадёживающе, — сказал он с сарказмом.

Она пожала плечами, будто говорила об абсолютно будничных вещах.

— Императорский дворец — весьма жестокое место, хочу тебе сказать.

— Бастардов нигде не любят. Я давно к этому привык.

— Правильно ли я поняла: моя помощь в обмен на тренировки?

— В целом, да. Стоит ли говорить, что наше… — он запнулся, то ли вспоминая, то ли подбирая нужное слово, — взаимодействие должно остаться в тайне?

— Думаю, что мы оба понимаем, насколько опасной станет ситуация, если нас заметят, учитывая мой и твой статус, а также контекст наших договорённостей.

Он на мгновение замер, явно осмысливая витиеватую формулировку. Яра поправила цепочку на шее. Во дворце никто не говорил простыми словами. И уж точно никто не озвучивал напрямую свои намерения.

— Если твоё молчание можно расценивать как согласие, предлагаю формально скрепить сделку.

Девушка протянула ему руку для рукопожатия, и на безымянном пальце блеснула тяжёлая золотая печатка с имперским гербом. Мужчина опустил взгляд.

Он задумался всего на мгновение, а потом крепко пожал её руку.

Глава 10 ПОВ Димитр

«Гетман — высший тыловой военный чин Империи. Ему подчиняются командующие военными округами — административными единицами, объединяющими войска нескольких губерний. Последние восемнадцать лет должность занимает Яков Кропивницкий — представитель старого дворянского рода потомственных военных».

— из лекции профессора истории Императорской Академии.

Димитр просыпался медленно, не сразу отделяя сон от яви, и вместе с ясностью в сознание понемногу возвращались воспоминания прошедшей ночи. Трисс всё-таки уснула рядом с ним, под одним одеялом, но теперь её половина постели пустовала.

Он так долго учился обходиться без чужого присутствия, так старательно превращал одиночество в привычку, что успел забыть, насколько иначе ощущается утро, когда ещё несколько часов назад рядом дышал другой человек.

Димитр помнил её холодные ладони, тихий голос у самого уха и то, как она смотрела куда-то поверх его плеча, будто видела не его, а что-то далёкое и недосягаемое. Эта деталь тревожила. Но, возможно, всё дело было в том, что их отношения развивались слишком быстро.

Две недели против двух лет затворничества. Две недели, за которые произошло больше, чем за два года.

Снаружи негромко скрипели половицы — девушка что-то собирала, двигаясь осторожно, явно стараясь его не разбудить.

— Трисс? — окликнул он её, натягивая штаны.

Послышался звук отодвигаемой занавески, разделяющей комнаты.

— Уже не спишь? — спросила она непринуждённо. — Заварить тебе чай?

Она стояла, держа в руках тканевую сумку — единственное, что она принесла с собой в его дом.

— Ты куда-то собираешься?

Она потупила глаза и, вздохнув, присела на край кровати.

— Я задержалась здесь дольше, чем планировала, — произнесла она тихо. — Пора двигаться дальше.

— Ты не передумала насчёт Красноград?

— Нет. — покачала она головой, избегая его взгляда.

— Это из-за вчерашнего?

— Нет.

Она наконец подняла взгляд и слегка улыбнулась, но как-то странно, только одним уголком рта.

— Трисс, я поеду с тобой в Красноград, — сказал он, глядя ей в глаза, и выражение сосредоточенности исчезло с её лица, сменившись напряжением.

— Что?

— Поедем вместе. Путь неблизкий, а дорога… даже летом не самая безопасная, а сейчас тем более.

— Димитр, послушай меня, — на секунду она сжала губы, словно подбирая слова. — То, что вчера случилось… Тебя ни к чему не обязывает.

— Дело не в обязательствах…

— Выслушай меня до конца. Пожалуйста. Ты… — она замялась, но почти сразу продолжила: — Наверное, ты даже сам не осознаёшь, как много для меня сделал. Я обязана тебе жизнью, и не существует слов, которыми можно было бы описать мою благодарность тебе. Но не нужно принимать спонтанных решений. И уж точно не стоит что-то делать ради меня.

— Дело не в тебе. Точнее, не только в тебе.

— Тогда в чём? Ещё вчера ты говорил, что не видишь ни одной причины, чтобы вернуться.

— Мне придётся, рано или поздно. Я уехал из Краснограда, потому что думал, что, если сменить место, станет проще. Но время идёт… И ничего не меняется. Я не нашёл покоя, я застрял здесь. Я не совру, если скажу, что и раньше думал об этом.

— От себя не убежишь, — задумчиво повторила она.

— Да. Я должен вернуться ко всему, что оставил в Краснограде.

— Но ты принял решение только тогда, когда туда еду я.

— Разве это плохо?

— Да! — ответила она неожиданно резко и замолчала, отвернувшись.

— Трисс, я уже один раз убежал от ответственности. И если сейчас позволю тебе уехать одной — это будет то же самое. Только в другой форме.

— Ты понятия не имеешь, о чём говоришь. Я не хочу, чтобы потом ты пожалел о своём решении.

Она по-прежнему смотрела куда-то в стену, но он заметил, как её пальцы нервно теребили край сумки.

— Трисс. Посмотри на меня, пожалуйста.

Она подчинилась.

— Я не мальчик с первой влюблённостью, — произнес он с долей раздражения в голосе. — Я понимаю риски, тем более учитывая… твою непростую историю.

— Наши цели похожи. Но будет куда проще, если мы сделаем это по отдельности.

Её голос был спокойным, словно она уже всё решила за двоих. На секунду Димитр сжал зубы, сдерживая рвущиеся наружу слова.

И всё же не смог.

— Ты боишься трудностей? Или не хочешь быть со мной?

Вопрос прозвучал резко, не оставляя шансов уклониться от ответа. Трисс открыла рот, уже готовая что-то сказать, но внезапно выдохнула и опустила голову.

— Дело не в тебе. Просто мне сложно… рассчитывать на кого-то ещё, кроме себя. Я не хочу, чтобы у тебя были ожидания на мой счёт. И не хочу… чтобы ожидания были у меня.

Он подвинулся ближе и взял в руки ее ладонь.

— Я не собираюсь на тебя давить. Мое решение обусловлено и здравым смыслом тоже, а не только чувствами, как тебе может показаться.

Распущенные волосы скрывали выражение ее лица, но молчание говорило само за себя.

— Дай мне один день. Я закончу дела, и мы уедем, и начнём всё сначала. Или разойдёмся и больше никогда друг друга не увидим.

— Начнём всё сначала? — повторила она, и голос дрогнул на последнем слове.

Он постарался улыбнуться как можно мягче.

— Начнём всё сначала. Нам обоим это нужно.

— А как же твои пациенты?

— Трисс, я не единственный лекарь в округе, — заверил он. — Да и в столице я буду полезен куда больше.

— Твой отец не должен узнать обо мне. Ты же это понимаешь?

— Мой отец не узнает даже о том, что я вернулся. Поддельные документы ещё никто не отменял.

Она вздохнула и произнесла одно-единственное слово:

— Хорошо.

Глава 11 ПОВ Яра

«Фалькенмарх расположен к западу от Империи и считается одним из наиболее технологически развитых государств континента, особенно в военной сфере. Не менее примечателен его политический строй: верховная власть принадлежит Ордену, возглавляемому избираемым Магистром».

— Из лекции профессора истории Императорской Академии.

Парк считался одной из главных достопримечательностей Красноград и потрясал своими размерами и ухоженностью. Несмотря на февральский холод, прогуливающихся людей было много, и в такой толпе было легко затеряться, не привлекая лишнего внимания.

— Жаль, что ты впервые увидел Красноград зимой. Теперь будешь думать, что он всегда такой серый и унылый.

Темный плащ с глубоким капюшоном скрывал фигуру и лицо Яры, но совершенно не спасал от пронизывающего ветра.

— Я приехал не для того, чтобы любоваться красотами.

Рейн был одет просто, не по-военному, и взгляды встречных пешеходов скользили по ним, почти не задерживаясь.

— Но и не для того, чтобы выплясывать на балах, — слегка подтрунивая над ним, произнесла девушка.

— Это тоже придётся делать. Хоть я и не имею ни малейшего желания.

— Вальсы и полонезы точно не сложнее стрельбы, — махнула рукой Яра. — Но почему ты такой… необученный? Ты же знал, куда едешь, сложно было взять пару уроков по этикету?

— Меня включили в делегацию в последний момент, — ответил он сухо. — Времени на подготовку не было.

— Зачем дипломатической делегации брать с собой лучника?

— Это было пожелание моего отца. Он занимается торговлей и счёл поездку хорошей возможностью, чтобы наладить новые связи.

— В таком случае ему стоило приехать самому. Ты молод, неопытен в делах коммерции, и наша знать вряд ли прислушается к…

Она на секунду запнулась, подбирая слова. Рейн лишь усмехнулся.

— К бастарду, ты хотела сказать. Говори как есть, меня это не обижает.

Яра развернулась к нему всем телом, чтобы увидеть из-под капюшона его лицо.

— Почему ты так спокойно об этом говоришь?

— Ты же не переживаешь, когда называешь себя принцессой, хотя это тоже статус. Почему я должен?

Очередной порыв ветра пронизал одежду насквозь до самого тела, и Яра поёжилась.

— Бастард и принцесса всё же разные вещи.

— И то, и другое одинаково невозможно исправить. Это наши роли на всю жизнь, и я давно смирился с этим.

Он произнёс это совершенно бесстрастно, но всё же Яра уловила в его голосе что-то такое, чего, возможно, он и сам не хотел признавать.

— Сочувствую, — тихо произнесла она.

— Это не так плохо, как ты думаешь. Все эти родословные и реверансы важны для разбалованной знати. В армии даже с титулом ты никто и звать тебя никак, пока не докажешь обратное.

— Поэтому ты решил стать лучником?

— Да я и не выбирал. Просто с детства хорошо получалось, а потом кто-то сказал отцу, что талант надо развивать. Ну а мачеха была только за, чтобы я уехал учиться как можно раньше.

Он сощурил глаза — редкое в такую пору года солнце показалось из-за низких туч. Его лучи не были ни тёплыми, ни ласковыми, но странным образом даже этой крохи света хватало, чтобы мир вокруг преобразился, а волосы Рейна выглядели ещё более светлыми, почти пшеничными.

— Не забудь упомянуть об этом факте, когда будешь знакомиться. Годы, проведенные в военном училище, немного оправдают твои ужасные манеры.

— Ты так говоришь, будто я вылез из пещеры, — сказал он с притворным огорчением.

— Примерно это я подумала, когда ты впервые открыл рот.

Тропинка уходила в глубь парка, и Рейн предусмотрительно придержал колючую ветку, пропуская Яру вперёд.

— Ну хорошо. Как я должен обращаться к тебе?

— Ваше Высочество. Если говоришь обо мне в третьем лице, то Её Высочество. В близком кругу говорят «принцесса» либо обращаются по имени, но это больше подходит для семьи.

— Я правильно понимаю, что варианта обращения «на ты» не существует в принципе?

— Абсолютно недопустимо, если тебе дорога твоя голова.

— Мне кажется, или я уже чувствую холод топора палача на своей шее?

— О, не рассчитывай на публичное выступление. Скорее всего, тебя просто повесят.

— Прекрасно. Что ж, я всегда знал, что от принцессы можно потерять голову и в прямом смысле тоже.

Яра звонко рассмеялась — несколько прохожих обернулись, но быстро отвели взгляд.

— Желаю тебе остаться с головой. Во всех смыслах.

Мужчина покачал головой, но улыбка не сходила с его лица.

— Что ещё мне нужно знать об общении с императорской семьёй?

— При поклоне опускай глаза, не начинай разговор первым, не садись без приглашения. И не поворачивайся спиной, когда уходишь: поклон, несколько шагов назад и только тогда разворот.

Она показала движение корпусом — плавно, почти театрально, и ткань плаща мягко скользнула по её запястьям, обнажая кисти.

— Ещё никогда я не был так рад, что Фалькенмарх не монархия.

— От подобных высказываний тоже держись подальше. А то наговоришь на измену.

— О чём ещё нельзя упоминать?

— Никаких разговоров о религии, скандалах, деньгах. А также о здоровье — ни слова о болезнях и телесных нуждах. Ах да, ещё ни малейшего упоминания о Приории — эту тему мой отец на дух не переносит.

— Мы не скрываем, что торгуем и с Приорией тоже, — аккуратно заметил Рейн. — У нас нейтралитет, что в этом такого?

— Это сложная тема, — вздохнула Яра. — В Империи в принципе приорцев не любят. Просто запомни.

— Учту. А что ты сама об этом думаешь?

Вопрос поставил Яру в тупик. Она помолчала несколько мгновений, прежде чем ответить.

— Ну, не знаю даже. Последний раз я видела княжескую семью Приории в глубоком детстве. Вряд ли этого достаточно, чтобы иметь своё мнение.

Рейн слегка задумчиво провёл рукой по затылку.

— Я удивлён, что ты не разделяешь мнения своего отца.

— О, для этого у нас есть Эрик, — заметила Яра не без язвительности.

— Эрик? Это кто?

— Принц Рикодим. Эрик — это сокращённо, такого имени нет в храмовых списках. Иной раз мне кажется, что мама его выдумала назло отцу.

Она мысленно одернула себя — не стоило так откровенничать о семье с полузнакомым человеком. Рейн как будто заметил её реакцию и неловко сменил тему.

— А своё имя тебе нравится?

— Ярослава — типичное для нашей семьи династическое имя. Дань традициям, если можно так сказать.

— И всё же?

Девушка задумалась, прежде чем ответить.

— Мне оно кажется старомодным. Так часто называли принцесс на заре становления Империи, но с тех пор прошло почти тысячелетие. Представляешь, сколько женщин до меня носили это имя? Даже если захочешь, всех не упомнишь.

— Ярослава… Звучит достойно дочери Императора.

— Яра мне нравится куда больше. Но так меня называют дома, и подобное обращение от постороннего можно расценить как оскорбление императорской семьи.

Рейн усмехнулся.

— Запомню на случай, если захочу свести счёты с жизнью.

— Тебе повезло, что моей семье нет до меня дела большую часть времени.

Мужчина посмотрел на неё долгим взглядом, но так ничего и не сказал в ответ.

В следующий раз они встретились через несколько дней, в тренировочном зале для лучников. Вместо приветствия он коротко кивнул, а потом произнес:

— Я поправлю мишени, а ты пока разомнись.

Свой лук он оставил на лавке, и Яра даже не подумала послушаться его указаний, без зазрения совести принявшись рассматривать оружие.

Ореховое дерево было отполировано до мягкого блеска, а рукоять обмотана потемневшей кожей. Девушка осторожно подняла лук — для неё он оказался тяжеловат и великоват, а изогнутые волной плечи придавали ему напряжённый вид даже в покое. Пальцы скользнули по непривычно тонкой, туго натянутой тетиве.

Рейн уже закончил выставлять мишени и быстрым, упругим шагом вернулся к Яре.

— Интересная конструкция, — заметила девушка задумчиво, касаясь пальцем гравированной пластины на рукояти.

— Уже обратила внимание на изгиб?

— О да, сомневаюсь, что я встречала когда-либо что-то подобное. Кто его создал?

— И не встретишь, это сделал мастер моего отца. Каждая его работа — настоящий шедевр.

— В чём же преимущество такой формы?

Рейн подошёл к Яре почти вплотную, указывая пальцем на изогнутую середину.

— Этот лук значительно мощнее обычного прямого. Ещё он короче и более удобен — и в дороге, и в бою.

— Короче? — потрясённо выдохнула Яра. — Стесняюсь спросить, каким же ты стрелял раньше.

Рейн ответил на это достаточно равнодушно:

— Я стрелял практически всеми видами луков, которые можно встретить в армиях континента.

Яра только хмыкнула и присмотрелась к оружию ещё тщательнее.

— А из чего тетива?

— Ты удивишься. — Улыбнулся он слегка самодовольно, — Это шёлк.

— Ткань для бальных платьев? Серьёзно?

— Почему нет? Тонко, но крепко. Можешь убедиться сама, только защиту надень.

Он просунул руку в карман штанов, доставая тонкое нечто. Это оказалась перчатка, но непривычного кроя — только три напальчника, соединённые с ремнём на запястье.

Яра сразу же перехватила лук левой рукой и протянула мужчине свою правую ладонь. Он поднял глаза, непонимающе глядя на девушку.

— Ну надень же! У меня рука занята, — произнесла она нетерпеливо.

Уголок его рта дёрнулся, но вскоре он всё же принялся натягивать коричневую замшу на тонкие пальцы. Защита оказалась ей велика, и даже максимально затянутый на запястье ремень не спас ситуацию.

— Оставь так, — попросила Яра. — У тебя руки как у великана!

— Это не мешает им быть весьма чувственными.

— Чувствительными, ты хотел сказать?

— Да. Мой всеобщий всё ещё не идеален.

Яра прищурила глаза, глядя лучнику прямо в лицо. По его выражению было сложно понять, говорит ли он правду или слишком тонко подтрунивает над ней.

Она коротко кашлянула, выпрямилась и достала из колчана стрелу с узким наконечником. Тетива скрипнула под пальцами, но Яре удалось оттянуть её недостаточно далеко. Она напряглась всем телом, усиливая натяжение. Зубы сжались, а предплечье заныло от нагрузки, но Яра не сводила взгляда с мишени.

Стрела полетела вперед, но ударила в пол возле столба с привязанным к нему мешком, набитым соломой.

— Неплохо, — отреагировал Рейн спокойным замечанием.

Яра повернулась к нему, недовольно отбрасывая за спину тугую косу.

— Неплохо?! Да я даже не попала!

— Зато твоя стрела долетела, — пожал он плечами, — Я даже на это не рассчитывал.

— Я настолько плохо стреляю?

— Я этого не говорил, — заметил он мягко и сразу же продолжил: — Этот лук изначально был создан для мужских рук, здесь нужна значительная физическая сила. И определённая сноровка. А ты хочешь попасть в мишень с первой попытки.

— Тогда покажи мне, что я делаю не так.

— Может, всё-таки возьмёшь тренировочный лук? Будет полегче.

— Я хочу этот.

Рейн едва заметно нахмурился.

— В нашем деле не место глупой самоуверенности. Я не сказал, что ты слабая и плохо стреляешь, а ты пытаешься доказать, что можешь сравняться со мной в силе. Хотя мы оба понимаем, что это физически невозможно.

— Ничего я не пытаюсь доказать!

— Сейчас ты ещё больше подтверждаешь мои слова. Я готов тебя учить, но у нас ничего не получится, если ты не начнёшь слушать. И слушаться.

Она прекрасно ощущала, как ее щёки залились румянцем. Было сложно понять, что её злило больше: собственное бессилие или тот факт, что он был чертовски прав.

— Я тебя услышала. Впредь постараюсь… не подвергать твой авторитет сомнению.

В ответ на её слова он коротко улыбнулся и снова посерьёзнел.

— Выбери тренировочный лук, который будет подходить тебе по весу. Сегодня займёмся отработкой правильной стойки.

Яра молча кивнула.

Глава 12 ПОВ Трисс

«Каждый подданный Империи среди прочих документов обязан иметь паспорт. Право на использование магии подтверждается специальной отметкой. Лицо, не способное предъявить документы, рассматривается властями как потенциальный нарушитель закона до установления его личности».

— Из «Положения о паспортах и регистрации подданных».

Здание на углу улицы совершенно не изменилось с того дня, как её арестовали.

Старый кирпич потемнел от времени и местами закоптился. Когда-то дом принадлежал состоятельному человеку, который, по легенде, погиб на войне, не оставив наследников. Потом здание перешло городу, помещения поделили на крохотные квартиры, и новые жильцы выводили дымовые трубы наружу через стены рядом с окнами, не заботясь о внешнем виде и эстетике.

Да и кому было ценить красоту? Рабочие вставали на смену с рассветом, а приходили уже в темноте, ремесленники и мелкие торговцы были озабочены своим делом, а немногочисленная интеллигенция стремилась не задерживаться на узких улицах, словно само нахождение тут было чем-то постыдным.

Трисс не видела ничего постыдного ни в вышербленной брусчатке, ни в верёвках с бельём, болтающимся посреди улицы, ни в старомодных узких окнах, плохо пропускающих свет.

Она посмотрела на тяжёлую дверь с грубой деревянной ручкой, но не стала подходить ближе, а только подняла голову.

Третий этаж. Самый верхний.

Квартира, где жили они с матерью, была маленькой, с низким потолком и тёмными стенами, а летом воздух так нагревался от крыши, что не помогали даже настежь открытые окна. Зимой же ситуация была противоположной — сквозняк гулял по полу, несмотря на подложенные под дверь тряпки, а печка нагревалась докрасна, доверху набитая углём.

Трисс любила, когда в Красноград приходили морозы. В такие дни она спала с матерью на одной кровати, засыпая быстро и легко под тяжёлым шерстяным одеялом.

Холодов в Красноградe не было уже давно. Как и тяжёлого одеяла, как и матери Трисс.

Сейчас в окне горел свет. В оконном проёме появилась женщина — она держала на руках ребёнка и медленно покачивалась, баюкая малыша. Фонари вдоль улицы зажглись почти одновременно — магические огни вспыхнули один за другим, мягко озаряя мостовую. В столице всё работало от магии, даже в таких районах, как этот.

Женщина в окне снова повернулась к мутноватому стеклу, прижала ребёнка к груди и поцеловала его в макушку. Трисс медленно выдохнула, с усилием сдерживая слёзы.

Осуждённым на пожизненное заключение не полагается имущество. На момент суда у неё не было ни родственников, ни наследников, и сейчас в квартире жили посторонние люди.

Так и не открыв дверь в подъезд, девушка зашагала прочь, скрывая лицо краем вязаного платка.

Мостовые сменяли одна другую, кареты проносились мимо, а она спешила уже на другой адрес. В этом районе улицы были чистыми и широкими, а свет в окне куда ярче — Димитр зажигал сразу три лампы с белоснежным светом, делая обстановку в комнате холодной, побольничному стерильной.

Девушка замерла перед входом в дом, давая себе возможность привести мысли в порядок.

Почти неделю они добирались до Красноградa, меняя лошадей и ночуя на постоялых дворах — земли барона были обширными и находились почти на окраине Империи. Куда быстрее было бы добраться поездом, но отсутствие у неё паспорта делало покупку билетов невоз-

можной задачей. Как, впрочем, не было и денег — будь Трисс одна, наверняка пришлось бы добывать и еду, и лошадей посредством кражи.

Магичка, ворующая у крестьян. Раньше она посчитала бы это страшным унижением. Сейчас же ей было всё равно.

Димитр лишь пожимал плечами в ответ на все её переживания.

«Не думай об этом. Я всё решу».

Его улыбка была такой искренней, а голос таким уверенным, что не поверить в его слова было трудно.

Пальцы окончательно замерзли, когда Трисс, наконец, взялась за ручку — бронзовая львиная голова блестела ярко, притягивая внимание даже в темноте. Она поднялась по лестнице с широкими ступенями и резными перилами, поспешно проверяя, не осталось ли на щеках следов от слёз.

Зайдя в квартиру, она неловко сняла пальто закоченевшими пальцами, повесила его на крючок и только потом подняла глаза.

— Ты был прав, — сказала она устало. — Не стоило туда ходить.

Димитр поднялся из-за стола, откладывая очередную стопку карточек пациентов. Он вышел на работу почти сразу же после приезда — в больницах лекарей катастрофически не хватало, и нужно было лишь выбрать место, где его не знали в лицо.

— Иди ко мне, — коротко сказал он, раскрывая объятия.

Трисс уткнулась лицом в его грудь, закрывая глаза. От его рубашки пахло горечью лекарственных зелий и спиртом.

— Ты меня не послушала, — тихо сказал он, выдыхая ей куда-то в макушку.

— Прости, — прошептала она. — Мне нужно было… попрощаться.

— Я знаю. Но тебя могли узнать. Это слишком большой риск. — Он отстранился, пытаясь заглянуть ей в лицо.

Она упорно не поднимала головы, скрывая опухшие, покрасневшие глаза.

— Трисс, ты даже не понимаешь, насколько тебе опасно одной выходить на улицу. Я же говорил тебе это буквально вчера.

Она заставила себя посмотреть ему в лицо — брови под русой чёлкой были нахмуренными, а губы поджатыми. Внезапно ей стало стыдно за свой поступок.

— Всё в порядке, тебе не о чем волноваться. Я больше туда не пойду, — сказала она убеждённо.

— Я не только об этом. Ты рискуешь без нужды, совершенно глупым образом. А если бы патруль остановил? А ты без документов?

Девушка подняла руку, мягко запуская пальцы в его волосы.

— Я бы очень мило им улыбалась и придумала какую-нибудь жалостливую историю. Мужчины любят чувствовать себя спасителями, знаешь ли.

Он не отреагировал на ласковый жест — карие глаза по-прежнему смотрели с нескрываемым недовольством.

— А если бы с ними был маг?

Об этом она тоже думала. И ответ был приготовлен заранее.

— Ударила бы первой и сбежала.

— Ну вот что с тобой делать? — На этот раз он вздохнул почти обречённо. — Всего-то один день нужно было подождать.

— Не могла я больше ждать, — упрямо произнесла Трисс и только после этого ахнула: — Подожди, что ты сказал?

Вместо ответа Димитр достал из кармана тонкую книжицу в обложке из кожи, натянутой на плотный картон. Посередине располагался оттиск орла, пожирающего извивающуюся змею

— официальный герб Империи. Металлические уголки по краям обложки блестели нарядно и торжественно.

Девушка взяла книжицу осторожно, словно она могла рассыпаться на части у неё в руках. Внутри оказалось больше десятка печатей и замысловатых подписей. Но самое главное — слегка выпуклый штамп, меняющий свой цвет при наклоне в ту или другую сторону.

Магическая легитимация. Право жить по законам Конклава, не подчиняясь никому другому.

Трисс кинула быстрый взгляд на мужчину — он неотрывно наблюдал за её лицом.

— Миледи Беатрис, рад познакомиться.

В голосе звучала плохо скрытая гордость.

Девушка медленно провела пальцем по странице. Бумага была плотной, самую малость шершавой, что ещё больше подтверждало подлинность документа.

— Ты даже не представляешь, что это для меня значит, — наконец произнесла она.

— Как минимум безопасность, — произнёс он негромко.

— Нет, Димитр. Это значит, что я смогу начать всё заново.

Она перевернула страницу. Место рождения и имена родителей были фальшивыми, как и возраст — ей добавили два года.

Что ж, придётся запомнить. И привыкнуть.

Она перечитала новое имя дважды, прежде чем спросить:

— Почему Беатрис?

Димитр пожал плечами.

— Не знаю, пытался придумать такое, чтобы тебе было легче привыкнуть. К тому же, я всё ещё могу называть тебя Трисс, ведь это вполне логичное сокращение от Беатрис.

— Спасибо, — произнесла она одними губами и, поднявшись на цыпочки, поцеловала его в щёку.

Она не сдержала широкой, искренней улыбки. Тело будто стало невесомым, и ей пришлось глубоко вздохнуть, справляясь со внезапно накатившим волнением.

Димитр поднял руку и коснулся ладонью ее лица.

— Ты такая красивая. Не могу злиться, когда ты так на меня смотришь.

Фраза слегка смутила Трисс, но она не подала виду и ответила как можно более непринуждённо:

— Звучит как самый лёгкий способ заслужить твоё прощение.

— Я бы предпочёл, чтобы ты не делала ничего, за что потом придётся просить прощения.

Впервые за всё время она не увидела в его глазах мягкости. Вместо ответа девушка шагнула ближе, прижимаясь щекой к рубашке на его груди и скрещивая руки за его спиной.

— Прости, — прошептала Трисс, глядя куда-то вбок. — Не хочу, чтобы ты был расстроен из-за меня. И постараюсь быть осмотрительнее.

— Хочется верить, что мы услышали друг друга.

Глава 13 ПОВ Трисс

« Лекция почти подходила к концу, когда профессор оборвал фразу на полуслове и грузно осел на пол. Трисс вскочила и вместе с несколькими сокурсниками протиснулась вперёд.

Они подбежали к мужчине, распростёртому на полу в неестественной позе. Её глаза судорожно заметались по телу — наставнику было едва за сорок, и внезапный обморок выглядел странно. Она взяла в ладони безвольную руку мужчины. Нащупала пульс и принялась считать удары, глядя в побледневшее лицо. И в какой-то момент её взгляд словно провалился глубже.

Кожа, ткани, кости — всё стало прозрачным, как если бы мир лишился плотности. Внутри тела она видела лишь пульсирующие линии, похожие на натянутые нити. И одна из них лопнула у мужчины в голове, расползаясь уродливым пятном, как пролитые на бумагу чернила.

— У него кровь…в голове, — слова вылетели неосознанно, и она в испуге отшатнулась.

Трисс уже не чувствовала чужого пульса под пальцами, но так и не смогла оторвать взгляд от бессознательного тела.

Наставники из лекарского крыла появились быстро. Трисс повторила им то, что увидела, и её тут же оттеснили в сторону. Через несколько мгновений мужчину уже уносили.

— Ты, — окликнул её один из лекарей. — Как ты это поняла ?

— Я… не знаю.

Он задержал на ней внимательный взгляд.

— На каком ты факультете ?

— Боевая магия.

— Странно. У вас обычно нет способностей к врачеванию. Ты что-нибудь заметила ? Что-то необычное ?

Почему-то в этот момент Трисс остро почувствовала, что должна соврать.

— Нет, ничего. Я просто предположила.

Лекарь чуть прищурился, будто хотел добавить что-то ещё, но передумал и отвернулся.

Она осталась стоять посреди пустеющей аудитории, пытаясь воссоздать перед глазами то странное видение. Мозг отказывался верить в увиденное — это не было похоже ни на одно привычное ей заклинание.

Раздался громкий звонок, означающий конец лекции, и она вздрогнула».

Трисс дёрнулась и открыла глаза, неосторожным движением сбрасывая одеяло на пол. Она в очередной раз порадовалась, что не уступила Димитру и настояла на раздельных одеялах — спать под одним, даже просто касаясь чужого тела, было неудобно, а иногда почти невыносимо.

Часы на стене тикали едва слышно, а с улицы доносились чьи-то негромкие голоса. Они выбрали квартиру в приличном, но слишком оживлённом районе, и шум не стихал даже ночью.

Димитр давно уже спал. Он всегда засыпал почти моментально — брала своё усталость после рабочего дня в больнице. Его дыхание было тихим и размеренным, а сон глубоким — как у человека без тревог и страхов.

Девушка сделала несколько глубоких вздохов и медленных выдохов, но дыхание не спешило прийти в норму — как и всегда после слишком резкого пробуждения. Или сна, в котором

она проваливалась в своё же воспоминание. Оставалось только порадоваться, что это был не кошмар — всего лишь эпизод со времени учёбы в Академии.

На момент тех событий ей едва исполнилось пятнадцать. В тот момент она ещё не осознавала, что именно увидела, но интуиция настойчиво шептала сохранить это в тайне, и она следовала своему чутью.

Но любопытство никуда не делось. Она штудировала книги в академической библиотеке, задавала завуалированные вопросы наставникам, а потом видение повторилось. Сначала во время объятия с подругой, потом во время первого робкого поцелуя с однокурсником.

Осознание было полно горечи — видения были не чем иным, как проявлением способности к магии крови.

Девушка поправила подушку и повернулась на другой бок, но так и не смогла удобно устроиться. Она повернулась на спину и начала вглядываться в потолок, словно могла что-то разглядеть в темноте.

Её хватило на несколько минут. Не выдержав бесцельного лежания в постели, она медленно села на кровати, стараясь не издать ни звука. Ноги опустились на пол, и холод неприятно кольнул ступни, но Трисс почти не обратила на это внимания, на цыпочках прокравшись в ванную комнату.

Она поспешно закрыла за собой дверь — магическая лампа загорелась, реагируя на её присутствие.

Если говорить честно, это была даже слишком роскошная квартира для них двоих. Она была просторной, хорошо обставленной, с большими окнами и полноценной ванной комнатой. Впрочем, заработка в больнице с лихвой хватало на оплату такого жилья, и Трисс не высказывала своих мыслей по этому поводу. Но всё же её удивляло, как Димитр, выросший в достатке и привыкший к комфорту, столько времени прожил в деревенской избушке без удобств.

Зеркало возле чугунной ванны доходило до самого пола, и она шагнула ближе к стеклу, убирая волосы за уши.

Она принялась рассматривать своё отражение. Полумрак делал черты лица мягче, скрадывая остроту скул и подбородка, а естественные тени делали синяки под глазами почти незаметными. От матери ей достались чётко очерченные, слегка полноватые губы, а вот нос явно был отцовский — небольшой, с тонкими крыльями, почти аристократический.

Димитр не льстил ей — она и сама понимала, как щедро её одарила природа.

Не отрывая взгляда от своего отражения, Трисс поддела пальцами тонкие бретельки шёлковой сорочки и позволила ткани беззвучно упасть на пол.

Она коснулась своего рта, чувствуя под пальцами мягкие губы. Медленно проскользила по шее, потом по выступающим ключицам и, наконец, легонько сжала руками грудь, которую без труда можно было закрыть ладонями — за последний год она значительно похудела. Тазовые кости заметно выпирали, но линия бёдер была плавной и всё ещё соблазнительной.

Излишнюю костлявость можно скрыть одеждой, а недостаток груди исправить тугим корсетом.

Она глубоко вздохнула, перебрасывая волосы вперёд через плечо. Повернулась боком. Потом спиной.

Зажившие шрамы тянулись тонкими, но отчётливыми линиями — местами чуть побледневшие, местами плотные и тёмные, как чужая кожа. Пальцы сами потянулись к одному из них, ощущая бугристую, неровную полоску.

Их было слишком много, чтобы сосчитать.

С самого начала ей казалось, что со временем они станут не такими видными. Потом она думала, что сможет к ним привыкнуть. А потом поймала себя на мысли, что даже во время близости не поворачивалась к Димитру спиной, а после сразу спешила одеться.

Как можно убедить себя, что всё в порядке, когда собственное тело продолжало быть живым напоминанием обо всём, что ей так хотелось забыть?

Трисс медленно выдохнула, подняла с пола сорочку и натянула на себя скользкую ткань. А потом обхватила руками озябшие плечи.

Шрамы можно убрать. И способ был хорошо ей знаком.

Магия крови не требовала сложных ритуалов, только точности. И готовности заплатить цену — пусть небольшую, но всегда личную.

Конклав чётко регламентировал допустимые границы и способы использования магии — магов судили довольно редко, часто закрывая глаза на мелкие нарушения. Но если повод был весомым, существовал и отдельный суд, и отдельный кодекс законов.

Применение магии крови считалось одним из самых тяжёлых преступлений. И одним из самых редких — лишь единицы выпускников магических академий обладали подобным даром, и ещё меньшее количество рисковало попробовать запрещённые практики.

На её суде об этом говорили долго.

Она так и не рассказала Димитру, что именно это стало одним из решающих пунктов при вынесении приговора. Ни смерть человека, ни нарушение закона, а сам факт, что она посмела зайти за черту.

Пальцы коснулись живота — выше пупка, но ниже грудины.

Всё, что необходимо, — это позволить магии растечься под кожей. Не нужны ни заклинания, ни артефакты, ни жертвоприношения. Только желание и чуть-чуть силы, которая и так всегда была с ней.

Маленькая сделка с совестью.

Трисс не была уверена, как на это отреагирует Димитр, но почему-то мысль об этом была тревожной. Она медленно закрыла глаза, дотрагиваясь лбом до холодного стекла.

Чтобы начать всё заново, нужно стереть всё прошлое. Изменить имя, изменить тело. Изменить… себя?

Или себе?

Как же сложно.

Ступни окончательно пронизало холодом от каменного пола, и Трисс вернулась в комнату. Тихо легла рядом с Димитром, и долго лежала с открытыми глазами, даже не пытаясь уснуть.

Нужно всё продумать.

Глава 14 ПОВ Яра

«С наступлением комендантского часа нахождение на улицах столицы допускается лишь при наличии уважительной причины. Патрульным предписывается проверять документы у всех лиц без исключения, а при невозможности подтвердить личность или законность пребывания на улице — задерживать их до выяснения обстоятельств».

— Из постановления городской управы Красноград.

Сегодня Яре наконец удалось выспаться — с самого утра тренировочный зал был занят. Через неделю должен был состояться императорский смотр войск, и весь Красноград был забит новоприбывшими военными.

По этому поводу мать устроила чаепитие с жёнами офицеров, и Яре пришлось почти весь день вести бессмысленные разговоры о талантах придворных кулинаров, модных фасонах, а также о том, почему лето в этом году было таким запоздавшим.

Сбежать с приёма не представлялось возможным. Императрица следила за каждым её словом, и Яра тихо бесилась, размазывая по лицу самую милую улыбку, какую только была способна изобразить.

С Рейном она встретилась уже вечером на рыночной площади — и поспешила увести его подальше от толпы, в район Старого Города, где узкие мощёные улицы петляли между домами с потемневшими фасадами.

— Целых две недели без тренировок, — её голос сквозил раздражением, когда она сказала об этом Рейну.

Он отреагировал спокойно, будто и сам уже всё знал. Яра не в первый раз поймала себя на мысли, что лучник был слишком осведомлён о происходящем во дворце, но прямых доказательств этому не было.

— Может, придёшь потренироваться в воскресенье?

— Увы, в этот день мы всей семьёй ходим в храм. Думаю, что никто не оценит, если я заявлюсь туда в штанах и с непокрытой головой.

— Какая Богу разница, в штанах ты или в юбке? — удивился Рейн, — Ты же не ноги свои приходишь показывать.

— Храм — это сакральное место. Будь скромен и не превозносись перед людьми, и за сдержанность твою воздастся тебе.

Яра с лёгкостью процитировала строки из «Пути праведника» — эта книга всегда лежала у отца на столе. Впрочем, она не была уверена, так ли часто Император заглядывал в священные тексты, как хотел показать.

— Я читал эту книгу. Но у нас каждый сам волен трактовать слово Божье. Тут говорится о гордыне, которая порицается, но ни слова о том, как человек должен выглядеть. Важна скромность душевная, а не внешняя.

На этот раз удивилась уже она.

— Ты хочешь сказать, что у вас каждый одевается в храм так, как ему заблагорассудится?

— Ну, голым никто не приходит, если ты об этом. Кому хочется опозориться перед соседями?

— Ну вот видишь! — всплеснула она руками. — Всё равно всё сводится к нормам приличия. Длинная юбка и платок — это знак уважения к святому месту.

— Уважение должно быть в сердце, а не в длине юбки, — сказал Рейн категорично. — Бог не измеряет подол линейкой.

— Возможно. Но человек выражает внутреннее через внешнее, и одежда в таком случае тоже язык.

— Я снова спрошу: где написано, что в храме юбка и платок — обязательные вещи для женщины?

— Это одна из традиций.

— Традицию легко превратить в бессмысленное правило.

Спор увлекал Яру, заставляя приводить всё более сложные аргументы. Это напоминало бой на деревянных мечах — ранить невозможно, но азарта хоть отбавляй.

— Что останется от веры, если каждый будет поступать так, как ему вздумается? Как управлять государством, где каждый сам за себя?

— А вот тут ты подошла к корню проблемы, — произнёс он с едва заметным одобрением. — Куда легче управлять стадом овец, чем волчьей стаей. Волк и один выживет в лесу, а вот у овцы, скорее всего, нет шансов.

— То есть, по-твоему, я овца, потому что соблюдаю правила?

— Боже упаси. Будь ты овцой, вряд ли бы я встретил тебя в тренировочном зале в шесть утра. Просто… — на секунду он замялся, подбирая слова, — дворец не то место, где можно быть самим собой.

— Какое точное замечание! — одобрительно улыбнулась Яра. — Вижу, что мои уроки не проходят зря.

Увлечённая разговором, она почти не выбирала дорогу, и переулок, куда они свернули минуту назад, оказался узким и безлюдным.

Двое мужчин, до этого мирно разговаривавшие между собой, отлипли от стены и встали посередине улицы.

— Зайди мне за спину. Сейчас же.

Голос Рейна прозвучал так неожиданно, что в первую секунду она не поняла смысла его слов, но потом все же подчинилась приказу, послушно отступая на несколько шагов назад.

Один из мужчин, бородатый и рослый, встал чуть впереди другого, широко расставив ноги, словно перекрывая проход телом. Второй же оставался в его тени, но именно он показался Яре более опасным — при внешней щуплости было в нём что-то гибкое, почти змеиное.

— Отличное место для свидания, — протянул бородач, щербато улыбаясь. — Но за дорогу нужно заплатить.

Взгляд Яры заметался по переулку. В кирпичных стенах, как назло, не было ни одного окна.

— Деньги и украшения, — хрипло добавил второй. — И без глупостей.

— Конечно, — произнес Рейн спокойно. — Нам не нужны проблемы.

Он медленно потянулся к внутреннему карману куртки и вытащил наружу кожаный кошелек. Грабитель протянул руку. Рейн сделал несколько шагов ему навстречу.

И в тот же миг всё изменилось.

Рука Рейна дёрнулась вперёд, и кошелёк полетел на землю, падая на мостовую с громким звоном. Пальцы же сжались в кулак, впечатываясь грабителю в лицо.

Бородач вскрикнул, прижимая руку к разбитому носу и сгибаясь в поясе, а лучник уже двигался дальше. Коленом он ударил мужчину в живот, и тот согнулся ещё больше и упал на колени. В это время в драку вступил второй, бросаясь вперёд с широко расставленными руками.

Яра успела увидеть, как мельком блеснуло лезвие.

Лучник успел увернуться, отводя корпус вбок быстрым движением. Он скользнул под руку с ножом и с силой ударил нападающего в спину, отчего низкорослый мужчина чуть не упал, неловко перебирая ногами и почти впечатываясь ладонями в стену. Рейн схватил его за одежду и развернул к себе лицом, а пальцы сомкнулись на запястье нападавшего.

Руку, державшую нож, он с силой ударил о стену.

Раз.

Два.

На третьем ударе нож вылетел из пальцев и звякнул о камни.

Незадачливый грабитель попытался отшатнуться, но было поздно. Рейн быстрым движением поднял оружие с земли. Его рука взлетела вверх и резко опустилась, но Яра не увидела, куда пришелся удар.

Грабитель издал странный, захлёбывающийся звук. Глаза расширились, пальцы судорожно вцепились в плечо Рейна, но как-то неуклюже, словно в руках не было сил. Лучник сбросил цепляющуюся за него руку и отшатнулся назад — к Яре. Мужчина у стены поднял руку к своей шее, касаясь рукояти.

Рот Яры распахнулся в немом ужасе.

Нож торчал между шеей и ключицей, ровно в том самом месте, где располагалась ямка и тело не было защищено костью. Лезвие вошло не полностью, и кровь выходила толчками, густая и тёмная.

Яра впервые видела, как умирает человек.

Он ещё пытался что-то сказать, но всё, что вылетало из его рта, было лишь надсадным хрипом. Ослабевшие ноги уже не держали тело, и мужчина неуклюже сполз по стене.

Его пособник, выведенный из драки ещё раньше, за это время смог продышаться и сейчас медленно пятился, выставив перед собой руки с растопыренными пальцами, явно ожидая от Рейна нападения.

На несколько секунд в переулке воцарилась оглушающая тишина. Яра стояла неподвижно, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, а голосовые связки будто забыли, как издавать звуки.

— Нужно уходить. Скоро явится стража.

Акцент в его хриплом голосе усилился, делая речь будто рубленой. Слова прозвучали чужеродно, почти непонятно, и Яра сделала неуверенный шаг назад, словно заторможенная, не сводя взгляда с мёртвого тела у стены.

— Уходим, быстро! — на этот раз Рейн крикнул девушке в лицо, хватая её за руку и вынуждая сорваться с места.

Они бежали наобум, не различая домов вокруг, ныряя в переулки и меняя направление на перекрёстках. Мужчина тянул девушку за собой, как буксир, словно не замечая веса её тела, и до боли сжимая ее пальцы. Капюшон плаща слетел на плечи, волосы от бега растрепались и били по плечам, а лёгкие горели огнём.

Яра не помнила, когда ещё в жизни она бежала так быстро.

Улицы мелькали одна за другой — узкие, кривые, пахнущие дымом и помоями. Давно исчезли за спиной и Старый Город, и приличные улицы вокруг него — они бежали от центра в сторону окраин.

Первая осознанная мысль с момента, как…

— Рейн, стой! — крикнула она, задыхаясь.

Мужчина перешёл на шаг, продолжая тянуть её вперёд и даже не обернувшись.

— Да подожди же ты!

Она дёрнула его руку на себя, вынуждая остановиться. Хватка пальцев ослабла, и лучник развернулся к девушке. Яра наконец увидела его лицо — напряжённое и непривычно жёсткое выражение напугало бы её в любой другой момент, но сейчас она была этому даже рада.

Его глаза скользили поверх её головы, проверяя обстановку вокруг.

— Где мы сейчас? — хрипло выдохнул он.

— Начало рабочих районов. Мы сейчас удаляемся от центра, нам стоит вернуться туда, где…

Она не смогла произнести вслух слово «безопасно».

Наконец его взгляд опустился на её лицо.

— Да. Ты права, только…

— Только что?

Только сейчас Яра заметила его левую руку, плотно прижатую к боку.

Запыхался от бега? Закололо в боку?

Яра присмотрелась внимательнее. Даже в сумерках было видно, как пальцы были окрашены красным.

Если во время драки её охватило оцепенение, то сейчас мысли летели с бешеной скоростью, а осознание было практически моментальным.

Кожаная куртка скрывала рану, не давая понять серьёзность ранения, но светлые штаны успели пропитаться кровью в районе пояса.

— Едем в госпиталь. Стой здесь, я найду извозчика…

— К чёрту госпиталь! — выдохнул он. — Дай мне продышаться.

Яра обвела глазами улицу вокруг, но, как назло, не было не то что скамейки, даже ступеней перед дверями домов. Она бросила быстрый взгляд на лучника — его лицо было бледным, а дыхание сбивчивым, так и не восстановившимся после бега.

— Да ты истекаешь кровью! — повысила голос девушка. — Что за упрямство?

— Твой отец… Нам же нельзя…

Он замолчал, словно забыв подходящие слова.

Боже. Об этом она не подумала и вовсе.

Её глаза метались между окровавленными пальцами и бледными щеками со светлой щетиной, а мысли неслись лихорадочным потоком. Совсем скоро наступит комендантский час, и улицы заполнятся патрулями. В рабочих районах их было куда меньше, чем возле дворца, но раненый мужчина привлёк бы внимание любого встречного. С другой стороны, если на них рискнули напасть буквально в паре улиц от центра, что же творится на окраинах ночью?

Яре не хотелось проверять.

Рейн слегка качнулся, на мгновение теряя равновесие. Яра, не спрашивая, подхватила его под правую руку. Её взгляд зацепился за группу мужчин, стоящих в конце улицы, и она прищурилась, вглядываясь в вывеску над их головами.

— Обопрись на меня, — приказала она Рейну. — Нужно дойти всего лишь до перекрёстка.

К её удивлению, он подчинился без малейшего возражения.

Глава 15 ПОВ Рейн

«Деньги не открывают всех дверей, но большинство замков сделаны людьми. »

— Фалькенмархская поговорка .

Возбуждение после драки стремительно сходило на нет, и каждый шаг отдавал ноющей болью, вынуждая дышать как можно размереннее. Вместе с этим поднялось и глухое раздражение — чтоб ещё раз он вышел на улицу безоружным!

Чёртовы патрули — наивная иллюзия безопасности при полном беззаконии, с которым столкнёшься сразу, стоит шагнуть влево или вправо от центральной улицы.

Что бы сказал Император, если бы узнал, что многочисленная городская стража никак не защитила от нападения его дочь? Что было бы с ней, окажись она в том переулке одна?

Его рука лежала на её плечах, и девушка пыхтела от напряжения, помогая ему не потерять равновесие.

Только вот Императору не нужно было об этом переживать. Его дочь должна была оставаться в безопасности за неприступными стенами дворца, а не сбегать через выходы для слуг.

К счастью, двери таверны оказались перед глазами быстрее, чем он окончательно обессилел.

— Накинь капюшон, — тихо сказал Рейн, выпрямляясь. — Ничего не говори и стой за мной.

Он толкнул дверь плечом.

Внутри пахло пивом, горячей мясной похлёбкой и воском — вопреки моде на магические лампы, зал освещался свечами в массивных подсвечниках. Несколько посетителей подняли головы, но Рейн, не останавливаясь, прошёл через весь зал и бросил на стойку пару монет:

— Комнату.

Свечи давали мало света, погружая зал в полумрак, но его оказалось достаточно, чтобы хозяин зацепился взглядом за руку, всё ещё прижатую к ране. Мужчина нахмурился, не спеша забрать монеты со стойки. Рейн вытряхнул из кошелька ещё немного денег.

— Ещё столько же заплачу утром. Если ты не будешь задавать вопросов и принесёшь в мою комнату бинты.

Это сработало. Мужчина лишь уточнил:

— Под каким именем вас записать?

— Холендер. И девушки со мной не было.

— Конечно, господин Холендер. Второй этаж, после лестницы направо.

Ключ проскользил по столешнице и скрылся в ладони Рейна. Подняться по лестнице далось ему сложнее, чем казалось на первой ступеньке.

Наконец дверь за ними захлопнулась. Он прислонился спиной к стене и медленно выдохнул, а Принцесса шагнула внутрь комнаты. Плащ полетел на кровать, а пальцы уже закатывали длинные рукава рубашки.

В дверь постучали. Рейн открыл дверь ровно настолько, чтобы можно было протиснуть в щель принесённый трактирщиком поднос. На нём была небольшая лохань с водой, комок чистой ветоши, бинты и крошечная стеклянная бутылочка с чем-то ядрёно-зелёным.

Он взял поднос одной рукой, и вода чуть не перелилась через борт.

— Дай мне, — бросила она, подходя к нему ближе.

Не дожидаясь ответа, Принцесса забрала поднос и кивнула куда-то вбок. Рейн замер в нерешительности, и она это заметила.

— Раздевайся и садись на стул, — произнесла она приказным тоном.

Рейн осторожно спустил куртку с плеч, действуя только правой рукой. Потом потянул вверх рубашку — ткань прилипла к коже, и ему пришлось дёрнуть её, плотно сжимая зубы, чтобы не зашипеть от боли.

Он осторожно сел на стул, прижимая скомканную рубашку к ране. Девушка опустилась возле него на корточки.

— Показывай.

Он медленно опустил руку с зажатой в кулаке тканью.

Вдоль нижнего края рёбер тянулась длинная косая рана, неглубокая, но кровоточащая — тонкая струйка стекала вниз по коже и исчезала за поясом брюк.

Девушка вздохнула, глубоко втягивая в себя воздух, но почти сразу же потянулась за стеклянным пузырьком. Ногти поддели пробку, и она внимательно принюхалась.

— Кровоостанавливающее, — бросила она уверенно. — Но будет жечь.

— Может, я сам? — тихо произнёс Рейн. — Тебе не стоит…

— Лучшее, что ты сейчас можешь сделать, — это заткнуться и не лезть мне под руку, — отрезала Яра.

Он уже знал этот тон. Принцесса была воплощением воспитанности, но в некоторые моменты её голос становился грубым и властным, таким, что каждое её слово воспринималось как немедленный призыв к действию.

Стеклянный край горлышка аккуратно коснулся кожи чуть выше раны. Густое зелье потекло вниз, обжигая открытую рану. Рейн сжал челюсти до боли в зубах, превозмогая острое желание застонать.

— Всё, всё, сейчас станет легче, — уже мягче произнесла Яра и, как только он слегка расслабился, резко прижала к ране ветошь.

От давления рану запекло ещё больше и Рейн грязно выругался вслух, запрокидывая голову. Насколько он знал, Яра не говорила на фалькенмархском и вряд ли могла понять точный смысл.

С некоторых пор он начал уделять куда больше внимания всему, что говорил в её присутствии.

Наконец обжигающая боль затихла, сменившись вполне терпимым жжением, и он опустил взгляд. Обе её руки были плотно прижаты к его телу, и мышцы живота туго подрагивали под кожей, вырисовываясь плотными натянутыми узлами.

Глаза Принцессы были опущены, а губы плотно сжаты. Привычное, слегка насмешливое выражение ее лица сменилось серьезностью, которую прежде он видел только на занятиях по стрельбе.

А ещё она стояла на коленях.

На этот раз он выругался уже про себя.

Девушка медленно отняла ткань от раны. Кровотечение стало куда слабее, и кровь выступала редкими каплями.

— Сиди, — снова приказала она, будто чувствуя его желание остановить всё происходящее, а потом опустила в воду остатки чистой ветоши.

Принцесса принялась медленно смывать кровь вокруг раны, теперь двигаясь предельно осторожно. Прикосновения были едва ощутимыми, но Рейн предпочёл бы снова почувствовать жгучую боль, чем подобную бережность — щеки предательски загорелись, и он молился, чтобы она не подняла голову.

Пришло время бинтов, и её руки заскользили вокруг его талии, оборот за оборотом протягивая повязку за спину. Его мышцы вздрагивали каждый раз, когда она затягивала ткань туже.

Наконец, она ловко завязала концы повязки.

— Спасибо, — сказал он, не придумав ничего лучше.

Она, ничего не ответив, принялась отмывать в лохани свои руки, выпачканные в его крови и остатках зелья. Потом собрала с пола окровавленные тряпки и бросила их в воду.

Рейн скосил глаза на часы, мерно тикающие на стене.

— Я не успею вернуть тебя во дворец, — встревоженно произнёс он. — Даже если мы выйдем прямо сейчас.

— Ничего страшного, останемся здесь. — Её голос растерял все приказные ноты, на этот раз звуча тихо и устало.

— Тебя не хватятся до утра? — уточнил Рейн с сомнением.

— Я же говорила, моей семье слишком часто нет до меня дела. Мать ложится спать очень рано, а братья не зайдут в спальню без разрешения.

— А служанки?

— Мои девочки служат мне долгие годы, а ещё знают, как я щедра. Трубить о моей пустой постели не в их интересах.

Рейн осторожно поднялся на ноги. Повязка туго сдавливала рёбра.

— Найду у трактирщика что-нибудь из одежды.

— Не задерживайся, ладно?

Он кивнул, закрывая за собой дверь.

Рубашка у трактирщика действительно нашлась, правда, оказалась маловата в плечах, но жаловаться не приходилось. Особенно учитывая, что кроме одежды он добыл еще кое-что.

— Хлеб, сыр и вино, — произнёс он, вернувшись в комнату. — Не королевский ужин, но хоть что-то.

Он ожидал, что девушка будет подавленной после всего произошедшего, но она ответила на удивление бодрым тоном:

— Если бы ты не был ранен, я бы подумала, что ты пытаешься меня соблазнить.

Рейн хмыкнул, но почти сразу же с улыбкой ответил:

— В сегодняшней пьесе я играю благородного рыцаря и не собираюсь выходить из роли до самого конца.

— Ты и есть рыцарь, — заметила она. — Ты защитил меня, пока я стояла и хлопала глазами.

Она забралась с ногами на одеяло и обхватила руками колени. Рейн развернул стул и осторожно сел напротив неё.

— Сильно испугалась?

— Нет, просто… — Яра на мгновение замялась. — Это было так неожиданно. Я не знала, что мне делать, понимаешь?

— Понимаю, — кивнул он серьёзно. — Но в таких случаях лучшее, что ты можешь сделать, — это бежать.

Девушка попыталась возразить, но Рейн перебил её прежде, чем она успела сказать хоть слово.

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Что это бесчестно или даже позорно. Но твоя жизнь всегда была и будет превыше жизни любого другого, кто бы ни находился рядом с тобой. Тебе нужно бросать всё и бежать. Никто не осудит тебя, потому что ты должна так делать по праву своего рождения.

— Но я не хочу так, Рейн... — Она опустила голову, глядя на свои переплетённые пальцы. — Я не хочу быть слабой! Хочу быть способной постоять за себя. Разве это плохо?

Он потёр ладонью шею чуть ниже затылка, на мгновение колеблясь перед ответом.

— Я никогда не говорил, что ты слабая. И, если честно, поражён, насколько ты не боишься испачкать руки в крови. Я думал, что ты упадёшь в обморок от одного только вида.

— Я с детства привыкла к виду крови, — пожала она плечами, так и не поднимая глаз. — И знаю, что делать в таких ситуациях.

— Это как-то связано с твоим здоровьем?

— Не моим. Но прошу, не спрашивай, я не могу об этом говорить.

Рана неприятно ныла, и Рейн снова встал на ноги. Он сделал несколько глотков прямо из горлышка бутылки и понял, что вино оказалось крепленым.

Что ж, не самое плохое болеутоляющее.

— Можешь мне тоже дать? — неуверенно спросила Яра.

Рейн молча шагнул к ней, протягивая бутылку. Она сделала несколько больших глотков подряд, прежде чем скривиться и шумно выдохнуть.

Он не сдержал усмешки.

— Какое количество правил мы нарушили за сегодняшний день?

— Учитывая тот факт, что нам придётся спать в одной кровати? — уточнила она иронично.

— В таком случае виселица кажется даже слишком мягким наказанием. У вас практикуется колесование?

— Боже, нет, конечно! Мы цивилизованное государство!

Рейн забрал у неё бутылку и, прежде чем приложиться к горлышку, заметил:

— А Красноград — один из самых безопасных городов на континенте. Я помню.

Напускная весёлость испарилась.

— И что теперь? — тихо уточнила Яра, не сводя глаз с его лица. — Больше никаких встреч за пределами дворца?

Он ответил ей таким же прямым взглядом.

— Я продолжу тебя тренировать, как и обещал. А по поводу встреч… Я пойму, если ты не захочешь.

— Речь не обо мне, — твёрдо произнесла Яра. — Ты не боишься?

Очередной глоток обжёг горло. Рейн кашлянул, но голос всё равно вышел хрипловатым.

— Когда ещё выпадет возможность пить из одной бутылки с дочерью Императора?

Яра посмотрела на него задумчиво. Её зелёные глаза в полумраке казались тёмными и блестящими, как драгоценные камни.

— Мне нравится всё, что происходит сейчас в моей жизни, и я точно этого не боюсь, — произнес он серьёзно.

Яра наклонила голову набок, улыбаясь одним уголком рта.

— Тогда оставь дочери Императора хотя бы что-то в этой пресловутой бутылке.

Глава 16 ПОВ Трисс

«Конклав — самостоятельная магическая организация, подчинённая непосредственно Императору. Он обладает собственной иерархией, системой управления и внутренним сводом законов. Власть Конклава распространяется на всех магов Империи, однако право войти в его ряды получают лишь немногие — наиболее талантливые и влиятельные из них».

— Из лекции профессора Императорской Академии о структуре магической власти

Ей понадобилось почти две недели, чтобы перейти от решения в голове к конкретному действию, хотя дело было вовсе не в подготовке — просто Трисс слишком хорошо представляла, каким окажется сам процесс.

Она медленно опустилась коленями на холодные каменные плиты. Одежда уже лежала в стороне, и в зеркале отражалась полностью обнажённая спина с резко выступающими позвонками и тонкими полосами шрамов, пересекающих плечи и лопатки.

На краю чугунной ванны лежала деревянная ложка. Трисс взяла её в руки, вздохнула, а потом крепко зажала дерево между зубами. Ладони легли на живот, чуть выше пупка и ниже грудины. Она закрыла глаза, сосредотачиваясь.

Худшее, что можно сделать со своей магией, — это обратить её против собственного тела. Этому правилу учат в Академии с первого года, и рано или поздно каждый маг на собственной шкуре убеждается в истинности этого утверждения.

Трисс была готова.

Достаточно было одной мысли — короткого внутреннего импульса, чтобы магия начала просыпаться внутри тела, медленно растекаясь под кожей и скользя вдоль мышц и сосудов. Трисс скрестила руки, укладывая ладони себе на плечи, тяжело выдохнула и только потом толкнула магию вперёд.

Тело выгнулось в судорожном движении. Боль пришла мгновенно — жгучая, выворачивающая, настолько острая, что Трисс стиснула зубы до хруста дерева.

Нельзя кричать. Нельзя привлекать внимание.

Мир сузился до короткой мысли, которую она повторяла снова и снова.

Наконец импульс растворился под кожей, оставляя после себя только лёгкое жжение. Трисс расслабила сведённые плечи и несколько раз глубоко вдохнула, а потом заставила себя открыть глаза и поднять голову к зеркалу.

Одна из полос на левом плече исчезла полностью. Она не побледнела и не стала тоньше — её просто больше не было.

Трисс снова закрыла глаза.

Во второй раз стало хуже. Теперь магия уже не текла свободно — её приходилось буквально вытаскивать из собственного тела. Она снова направила силу вперёд, и боль прокатилась по спине раскалённой волной, вырывая из груди глухой, сдавленный звук.

На секунду ей даже почудилось, что зубы не выдержат давления и начнут крошиться раньше, чем закончится эта пытка.

Исчезла ещё одна полоска. Потом ещё одна.

В какой-то момент она окончательно потеряла счёт времени. Сил оставалось всё меньше, и в конце концов она просто легла на пол.

Ещё. Ещё. И ещё.

Под конец магия проходила через тело рывками, почти неуправляемо. Каждый новый импульс отзывался тошнотой и темнотой перед глазами.

Когда всё наконец закончилось, Трисс ещё долго лежала неподвижно, не находя сил даже встать. Хотелось уснуть прямо здесь, на полу, сжавшись в комок и позволяя сознанию выключиться, но всё же холод заставил её подняться на ноги.

Она медленно провела ладонью по влажному рту, стирая слюну, и только потом подняла взгляд к зеркалу.

Кожа на спине была покрыта мелкими бисеринками пота, а острые лопатки едва заметно подрагивали от усталости. Но результат был потрясающим — тело было гладким, без изъянов, и только несколько родинок выбивались на фоне бледной кожи.

Магия всегда имела цену. И последствия.

Трисс чётко понимала, что самое сложное оставалось впереди.

По счастливой случайности несколько следующих дней Димитр задерживался в больнице почти до ночи и приходил домой с жалобами на головную боль и опущенными от усталости плечами. Он молча съедал успевший остыть ужин, коротко благодарил Трисс за еду и буквально падал в кровать, засыпая практически моментально.

В какой-то момент ей стало казаться, что этого разговора не случится. Что можно будет вечно отмалчиваться, сменив тонкие шёлковые сорочки на пижаму с длинными рукавами.

Он зашёл в комнату ровно в тот момент, когда она переодевалась.

— Трисс, что с твоей спиной?

Руки зависли в воздухе, поднятые, чтобы натянуть через голову рубашку. Девушка выругалась про себя.

Знала же, что он сразу заметит. Знала, что придётся объясняться. И всё равно надеялась оттянуть разговор как можно дольше.

Его пальцы коснулись плеча, ощупывая гладкую кожу. Прошлись по позвоночнику до поясницы, вызывая неприятные мурашки.

— Что ты сделала? — повторил вопрос мужчина.

Трисс всё-таки оделась, прежде чем повернуться к нему лицом. Она знала, на что шла. Но всё равно не была готова к этому разговору.

— Я убрала шрамы, — произнесла она преувеличенно бодрым тоном. — Получилось неплохо, правда?

Она постаралась непринужденно улыбнуться. Димитр никак на это не отреагировал, ещё больше нахмурившись.

— Я не знаю ни одного способа, который может дать такой хороший результат, — сказал он холодно. — Ни одного легального, я имею в виду.

Врать не хотелось, да и вряд ли бы удалось: будучи лекарем он знал о теле человека даже слишком многое.

— Это магия крови, — сказала она, не поднимая глаз.

Повисла пауза. За окном с быстрым грохотом проехала повозка со скрипучими колёсами и возницей, громко и нецензурно подстёгивающим лошадей.

Но ни Димитр, ни Трисс не повернули голову в сторону окна.

— Скажи, что я ослышался. Или что ты сказала не то, что хотела, — наконец произнес он.

— Ты не ослышался. И я сказала именно то, что хотела.

Она даже не старалась изобразить вину или раскаяние. Да и не чувствовала ни того, ни другого.

— Это запрещённая магия! — Моментально вспыхнул Димитр, — Да за такое на плаху отправят без лишних разбирательств!

— Как будто факта, что я осуждена за убийство и сбежала из заключения, недостаточно для этого? — саркастично бросила Трисс в ответ.

— Я предлагал тебе сделать запрос на пересмотр твоего дела! Уверен, что хороший адвокат смог бы добиться оправдательного решения!

— О да, Императорский Суд — самый честный и непредвзятый, — протянула она, не скрывая язвительности. — Ты веришь в справедливость только потому, что никогда не оказывался по ту сторону решётки.

— Я никогда там не оказывался, потому что ни разу не нарушил закон, — отрезал он жёстко. — Тебе стоило хотя бы попытаться жить по правилам.

— По-твоему, я не пытаюсь? Или не хочу этого?

— Тогда какого чёрта ты творишь? — повысил голос Димитр. — Если сама знаешь, что это незаконно? Ни один судья не закроет глаза на проклятые ритуалы и надругательство над человеческим телом!

Его лицо покраснело, а взгляд ожесточился, окончательно растеряв привычную мягкость.

— А то, что со мной сделали, не надругательство? Или это другое?

Трисс сказала это почти без эмоций, не повышая голоса, но пальцы уже начали дрожать, и она сжала ладони. Ногти впились в кожу, принося такую нужную, почти отрезвляющую боль.

— Это не оправдание!

Слова прозвучали как пощёчина, и Трисс замерла. На какое-то мгновение тело одеревенело, а картинка перед глазами расплылась, делая фигуру Димитра еле различимой.

Она медленно моргнула, пытаясь сфокусироваться. Он молчал, глядя на неё тяжёлым, каким-то болезненным взглядом, в котором, помимо всего прочего, отчётливо читалась жалость.

Именно последнее почему-то зацепило её больше всего, и слова прозвучали резко, почти обвинительно:

— Это моё тело! Которое я вижу в зеркале каждый день и с которым мне жить всю оставшуюся жизнь!

— Но не таким же способом!

Трисс повела плечами, словно кожу всё ещё стягивали бугристые полосы. Нужно было время, чтобы привыкнуть к своему изменившемуся телу.

— Магия крови противоречит всей человеческой природе. Она извращает законы жизни и смерти, как ты можешь этого не понимать! — сокрушался Димитр, жестикулируя. — Где ты вообще научилась подобной мерзости?

— Не знаю, говорили ли тебе наставники, — сказала она тихо и едко . — Но это врождённая способность, и я не выбирала, какой мне родиться.

— Ты не говорила, что способна на такое.

— Конечно, нет! Потому что знала, как ты отреагируешь!

— А как я должен реагировать? — Раздраженно выдохнул он в ответ.—Закрыть глаза? Сделать вид, что ничего не случилось?

— Я не ждала, что ты поймёшь или одобришь. Но ответь мне, — она шагнула вперёд, заглядывая мужчине в лицо. — Если твой бог сделал меня такой, то почему я должна испытывать вину за это?

— Бог наделяет нас разными качествами, — уже тише произнес мужчина. — И далеко не все можно использовать во благо.

— Да, я обратилась к запрещённой магии, не спорю, но ни один человек не пострадал от этого! — Девушка почувствовала перемены в его голосе и принялась убеждать: — Я сделала это для себя, и я готова нести за это ответственность. Кому от этого стало хуже, Димитр?

— Но зачем? — Непонимание в его лице было неподдельным. — С чего ты решила, что тебе это нужно?

Она вглядывалась в его лицо, но чем дольше смотрела, тем яснее осознавала, что не сможет объяснить. Поэтому слова вырвались совсем не те, куда более простые и понятные:

— Я просто хотела быть… красивой.

Видимо, он что-то заметил в её лице. Мужчина подошёл к ней вплотную и тихо заговорил, накрыв её холодные пальцы горячей ладонью.

— Трисс, ты очень красивая, — его карие глаза, наконец, потеплели. — И ты мне нравишься такой, какая ты есть, со всеми недостатками. Разве этого недостаточно?

Она молчала долго, не отводя взгляда от его глаз. В них уже не было раздражения, только недоумение, и странная, едва заметная грусть.

— Достаточно, — наконец прошептала она.

Ей не хотелось разбираться, кому она врала больше — ему или себе. Да и какая разница?

— Ну вот, — произнёс он примирительно. — Больше никаких запрещённых практик. Я не смогу это принять, даже если очень захочу. Понимаешь?

— Понимаю, — ответила она со всей серьёзностью.

— Обещай мне, пожалуйста. Ничего, за что тебя будут вправе арестовать.

Девушка опустила глаза, прежде чем ответить:

— Я скорее лишу себя жизни, чем снова вернусь в тюрьму.

— Не говори так! — одёрнул её лекарь. — Самоубийство — это тоже преступление. Никто не вправе прерывать жизнь, даже свою собственную.

— Для того чтобы попасть в рай, нужно как минимум верить в его существование, — заметила она еле слышно.

— Трисс! Ты невыносима!

Рука, согревающая пальцы, исчезла. Димитр уже отворачивался, но Трисс вцепилась в его предплечье.

— Ну подожди, всё, всё! Не буду, хорошо?

Он остановился, позволяя ей обойти и встать лицом к лицу.

— Никаких запрещённых практик, — примирительно сказала она и добавила: — И богохульства.

Он молчал, глядя хмуро и недоверчиво. Трисс хорошо знала этот взгляд — несогласие и одновременно нежелание продолжать неприятный разговор. Она всё ещё считала, что поступила правильно, но почему-то видеть его недовольство было для неё слишком тяжело.

Девушка обняла его за шею, одновременно вставая на цыпочки и прижимаясь губами к его рту.

Димитр отклонился, разрывая поцелуй.

— Трисс, я опоздаю в больницу.

Слова прозвучали прохладно, но он так и не убрал её руки — даже наоборот, обхватил её ладони своими. Трисс увидела в этом добрый знак.

— Они простят тебе и больше, учитывая, сколько ты работаешь, — сказала она с улыбкой, снова целуя, на этот раз в самый уголок губ.

Он ответил сначала неохотно, словно перебарывая себя, но быстро расслабился — как всегда, когда между ними исчезали слова и оставались только прикосновения.

Пряжка ремня глухо звякнула под ее пальцами.

Это было предсказуемо, понятно… и в какой-то мере удобно.

Глава 17 ПОВ Рейн/Димитр

«И самый верный щит не укроет от того, кто его держит».
— приорская пословица

Только идиот не сделал бы выводов из случившегося нападения. А идиотом Рейн себя не считал.

Хозяин кожевенной мастерской вышел наружу, оставив их одних, и Принцесса оглядывалась по сторонам с совершенно искренним любопытством.

— Значит, он тоже из Фалькенмарха? — спросила она, проводя пальцами по аккуратно разложенным на столе инструментам.

— Да. Переехал сюда лет двадцать назад. Говорит, что в Красноградe прекрасный климат. И клиентов больше.

— Разумеется. В столице всегда больше денег.

Она сделала ещё несколько шагов по мастерской, а потом неожиданно подпрыгнула и села прямо на край стола.

— Принцессы обычно не сидят на столах у кожевников.

— Принцессы обычно вообще не бывают в подобных местах.

Он невольно усмехнулся. Закатный свет, проникающий в комнату через окно, придавал её тёмным волосам тёплый каштановый оттенок.

Девушка наклонилась вперёд, опираясь ладонями на столешницу.

— Так зачем тебе новая перчатка? Та, что у тебя, выглядит вполне целой.

— А кто сказал, что перчатка нужна мне?

Она явно смутилась, но почти сразу вернула лицу безмятежное выражение.

— Не нравится, что я беру твою?

Вопрос прозвучал насмешливо, и, хотя Рейн часто не понимал причины подобных выпадов в свою сторону, ответил он спокойно и сдержанно.

— Не нравится, что она не подходит тебе по размеру.

Она задумчиво склонила голову набок — часть волос соскользнула с плеча и упала вперёд длинной волнистой прядью.

— Я бы хотел… — Он на мгновение запнулся, подбирая слова. — Чтобы ты приняла ещё один подарок.

Если, конечно, предмет сугубо практического назначения вообще можно было назвать подарком.

— Разве был какой-то праздник? — Она подняла бровь.

— Учитывая, что мы целы, почти невредимы и до сих пор остаёмся незамеченными… — Он усмехнулся. — Я бы сказал, что да.

Он вытащил предмет из внутреннего кармана куртки и протянул ей. Девушка спрыгнула со столешницы, почти беззвучно коснувшись ногами пола, а потом осторожно взяла нож в руки и извлекла лезвие из ножен с тихим металлическим шелестом.

— Красивый, — произнесла она, рассматривая узоры на рукояти. — И… рассчитан на женскую руку, верно?

— Это не сможет защитить тебя от всего, но… Иногда достаточно эффекта неожиданности.

Она вернула нож в ножны и провела пальцем по кожаным ремням крепления.

— Но как же его носить?

— На бедре. — Он понизил голос. — Идеальный способ оставить оружие приятным секретом.

Девушка тихо хмыкнула и, совершенно неожиданно для Рейна, поставила правую ногу на стоящий рядом стул. Юбка мягко разошлась в разрезе, высоко обнажая ногу.

— Хочу примерить.

Он замер, совершенно забыв, что собирался сказать или сделать. Принцесса смотрела на него с нескрываемым лукавством, явно ожидая реакции и превращая всё происходящее в игру без каких-либо понятных правил.

Тихо выдохнув, Рейн сделал небольшой шаг в её сторону. Потом взял ножны из её рук и слегка наклонился, чтобы закрепить ремни.

Он коснулся её бедра, неожиданно остро ощущая тепло кожи под пальцами, и это вызвало в голове совершенно неуместные мысли. Заставив себя сосредоточиться, он обернул ремень вокруг ноги и затянул пряжку. Потом пальцы скользнули чуть выше, затягивая второе крепление.

— Туже.

Он поднял голову, и их взгляды встретились — его руки всё ещё лежали по бокам её бедра, касаясь бархатной кожи подушечками пальцев.

Её лицо впервые было так близко. На контрасте с тёмными бровями и ресницами кожа казалась ещё светлее, едва тронутая загаром. Высокие, резко очерченные скулы придавали лицу почти хищную выразительность, а глаза казались вблизи ещё ярче.

Его взгляд скользнул ниже. У Принцессы был прямой нос с россыпью веснушек и четко очерченные, полные губы, накрашенные едва заметной помадой.

Секунда.

Вторая.

Расстояние между их лицами было до неприличия маленьким, и Рейн почувствовал, как в горле пересохло.

— Дарить нож — плохая примета.

Она первой нарушила тишину.

Он сглотнул, а потом медленно убрал руки.

— Я не верю в приметы.

Она опустила глаза и провела пальцами по ремням на бедре, проверяя, насколько плотно сидят ножны. Рейн чуть отступил, будто только сейчас вспомнив о расстоянии между ними.

— Мне очень идёт. Спасибо.

— Надеюсь, — ответил он сдержанно, — тебе никогда не придётся доставать его из ножен.

— Это весьма вероятно, если я не буду покидать дворец и останусь под защитой отцовских гвардейцев…

Принцесса на секунду прикусила нижнюю губу, не отводя взгляда от его лица, и добавила:

— Как жаль, что я не собираюсь придерживаться этого плана.

Она опустила ногу, пряча обнажённую кожу под подолом платья. Как Рейн и предполагал, свободно лежащая ткань отлично скрывала ножны, а вес ножа был достаточно небольшим, чтобы не вызывать дискомфорта.

— Когда я успел из наставника по стрельбе превратиться в твоего телохранителя?

— Мне послышалось? — спросила она, насмешливо улыбаясь одним уголком рта. — Или ты жалуешься?

Рейн не сдержал ответной улыбки, глядя на неё сверху вниз.

— Никак нет, Ваше Высочество.

Жаловаться он не собирался. Как и говорить о том, что нож был лишь малой частью того, что он намеревался предпринять, чтобы обезопасить их обоих.

***

Лето в этом году выдалось странным: первые два месяца почти беспрерывно шли дожди, зато август принёс такую жару, что в больнице уже с утра становилось нечем дышать. Димитр переносил духоту с трудом — приступы мигрени стали практически ежедневными, а резкие запахи лекарственных зелий ещё больше их усиливали.

Домой он вернулся поздно, совершенно вымотанный. Поставил кожаный чемоданчик с инструментами прямо на пол возле входа, разулся и прошёл вглубь комнаты. Ужин был накрыт почти празднично, с тонким кружевом салфеток и белоснежной скатертью — Трисс всегда была внимательна к деталям и хорошо знала, что он любил.

А еще она никогда не ложилась до его возвращения, даже если он задерживался допоздна, и сейчас сидела в кресле у стола, поджав ноги, с книгой на коленях и бокалом вина в руке.

Димитр заметил его сразу.

— Ты снова пьёшь? — спросил он как можно сдержаннее.

Она перевернула страницу, не поднимая глаз.

— Один бокал. Не начинай.

Димитр медленно расстегнул тугие пуговицы на манжетах белоснежной рубашки и закатал рукава.

— Трисс, ты знаешь, что это плохая идея.

Она наконец посмотрела на него. Тёмные тени на веках и по контуру нижних ресниц делали её голубые глаза ещё ярче.

— Это всего лишь вино. Повторюсь, один бокал.

— Дело не в количестве. — Он опёрся руками о спинку стула, глядя на неё сверху вниз. — А в том, что это становится привычкой.

— Привычкой? — Уголок её губ дёрнулся. — Я хожу на работу, не валяюсь на улице, не пропиваю деньги. Это всего один бокал перед сном.

— Каждый вечер, — тихо добавил он.

— Димитр, послушай, — снова заговорила Трисс, загибая уголок страницы, — я всего лишь хочу нормально уснуть. Что в этом плохого?

— Ты заменила одно другим. — Он шагнул ближе. — Я запретил тебе пить снотворное, и теперь ты…

Она резко захлопнула книгу, и звук прозвучал слишком громко в ночной тишине.

— Ты запретил, — повторила она. — Как мило это звучит.

— Трисс, я лекарь и…

— А я — не твоя пациентка! — перебила она его, вставая на ноги.

— От зелий для сна возникает зависимость. — Он провёл ладонью по лицу, пытаясь сохранить спокойствие. — Тем более от таких мощных, что ты пила.

— От вина, по твоим словам, тоже. — Девушка смотрела упрямо, поджав губы.

— Твоя проблема в том, что ты не пытаешься найти причину, ты просто глушишь симптомы. И чем дальше, тем хуже! Трисс, тебе нужно взять себя в руки.

— Взять себя в руки? — переспросила она со странным выражением.

— Да! Единственный способ справиться с зависимостью — это контроль и сила воли.

— Я не сплю, Димитр! — Её голос повысился. — Я просто не могу спать! И чем мне здесь поможет сила воли?

Она скрестила руки на груди и отвела взгляд.

— Ты просто не понимаешь.

Димитр устало потёр переносицу — на этой неделе это была уже третья ссора. И, судя по всему, не последняя.

— Я не понимаю. Физически ты здорова, я лично тебя осматривал. Я просто… не вижу причин такой тяжёлой бессонницы.

— Среди нас двоих ты лекарь, а не я, — бросила она язвительно и отвернулась к окну, упрямо сжимая губы.

— Я что-то упускаю. Что-то важное, что объяснило бы твоё состояние.

Он заметил, как напряглись её плечи под тонкой блузкой, но она не проронила ни слова — как и всегда, когда речь заходила о её прошлом.

Раз за разом Димитр поднимал эту тему и раз за разом натыкался на упрямое молчание.

— Трисс…

Он больше не мог выносить её молчание. За несколько шагов Димитр оказался рядом и осторожно обнял её за плечи.

— Расскажи мне, — тихо сказал он. — Ты можешь мне довериться.

Он пытался заглянуть ей в лицо, но поймал совершенно отсутствующий взгляд.

— Дай мне снотворное, — наконец произнесла она дрогнувшими губами.

— Я не могу.

— Тогда я буду пить, — прошептала она. — Или не буду спать вообще. А когда я не сплю… — Она осеклась. — Мне кажется, что я начинаю сходить с ума.

Это не было для него новостью — он давно начал замечать тёмные круги под глазами, резкие перепады настроения и нервные движения рук по утрам. Со временем это должно было исчезнуть, ведь их жизнь в Красноградe была безопасной и размеренной, но почему-то с каждой неделей её состояние беспокоило его всё больше.

Но как лечить пациента, который отказывается подчиняться?

— Расскажи мне, — повторил он как можно мягче.

Она словно не заметила его вопроса.

— Обними меня, — попросила Трисс едва различимо.

Он притянул её тонкое тело к себе и обнял. Ее волосы пахли жжёным сахаром и полынью — одно от работы в алхимической лаборатории, другое от парфюма. Димитру не нравились эти духи, но он посчитал нужным не говорить Трисс об этом.

Долгое мгновение они стояли молча. В комнате было тихо, только размеренно тикали часы, а с улицы доносились довольно громкие звуки ночной жизни.

Может, стоило бы сменить квартиру?

— Ты жалеешь, что вернулся в Красноград со мной?

Вопрос прозвучал так внезапно, что он опешил.

— Что? Боже, Трисс, нет, конечно. Почему тебе вообще пришло в голову спросить такое?

— Потому что я вижу, как ты иногда на меня смотришь. Мне кажется… — Она вдохнула и добавила: — Мне кажется, что я разочаровываю тебя.

Её голос, и в обычное время довольно тихий, сейчас был едва слышен.

— Что за глупости? — Он слегка отстранился и заглянул ей в лицо. — Конечно, иногда ты поступаешь… не так, как мне бы хотелось. Но ты живой человек, поэтому это нормально. Ты не обязана соответствовать идеалу в моей голове.

— Так значит, идеал всё-таки есть? И я ему не соответствую?

— Не цепляйся к словам, я не это имел в виду.

Она опустила голову. В полумраке её лицо казалось ещё бледнее, чем обычно, хотя он заметил слой румян на щеках.

— Я рад, что встретил тебя, — произнёс он негромко и коснулся пальцами её подбородка, мягко принуждая поднять лицо вверх. — Ты вернула мне ощущение жизни. Заставила меня чувствовать себя нужным. И я действительно рад, что вернулся в Красноград именно с тобой.

Её глаза подозрительно блестели в полумраке, и на мгновение ему показалось, что ещё немного — и она всё-таки заплачет. Но девушка лишь медленно вдохнула, одним движением выпрямила спину и снова подняла на него взгляд — спокойный настолько, что это даже пугало.

— Давай ужинать, — сказала она нормальным голосом. — Завтра тяжёлый день.

Он поцеловал её в лоб и тихо произнёс:
— Я хочу, чтобы ты знала: я сделаю всё для твоей безопасности. И здоровья.
— Я знаю, Димитр. — Она вздохнула. — Я знаю.

Глава 18 ПОВ Яра

«В Империи бастарды априори не могут получить равных прав с законорожденными детьми. Даже признанный отцом ребёнок не наследует титул и фамилию, а путь к высшим военным и придворным должностям для него закрыт. Он может получить имущество и часть привилегий, но знать всё равно относится к таким людям с презрением, а браки с ними считаются нежелательными.

В Фалькенмархе подобные правила мягче. Если отец признаёт ребёнка своим законным наследником, тот получает и фамилию, и титул, однако вместо родового « Фон» используется «Уно»», что является прямым указанием на сомнительное происхождение носителя.

— Из лекции по истории Императорской Академии

Двери бального зала распахнулись беззвучно, а вышколенные лакеи поклонились Яре, согнувшись почти пополам. Она скользнула равнодушным взглядом по их спинам и шагнула вперёд.

Шлейф её платья шуршал по мраморному полу — она заранее выбрала ткань сочного вишнёвого цвета, который в зависимости от освещения казался то насыщенным, как красное вино, то почти чёрным. На губах лежала помада того же оттенка — яркая, на грани неприличия, но так удачно подчёркивающая зелень её глаз. Волосы Яра нарочно оставила наполовину распущенными, разительно выделяясь на фоне вычурных причесок других женщин.

Группа придворных дам неспешно двинулась в ее сторону, и она ещё больше расправила плечи и еще выше задрала подбородок.

— Ваше Императорское Высочество, — одна из дам склонила голову. — Как вы прекрасны сегодня.

— Благодарю, — ответила Яра мягко.

Мимо прошёл лакей с подносом, уставленным тонкими бокалами, и пальцы Яры цепко впились в холодный хрусталь.

Так будет явно повеселее.

Впрочем, не только она решила прибегнуть к спасительному средству. Одна из дам весьма преклонного возраста громко щёлкнула пальцами, вынуждая лакея вернуться.

Полноватые пальцы с кучей тяжёлых колец обхватили бокал не за ножку, а прямо за чашу. Яра это заметила. Дама перехватила её взгляд и приподняла бокал в знак приветствия.

— Предлагаю выпить за прекрасный вечер, который ждёт нас сегодня!

— И прекрасных людей, с которыми он пройдёт незабываемо, — ответила ей Яра.

Холодное шампанское оказалось таким освежающим, что Яра сделала сразу три глотка.

— Знаете, Ваше Высочество… Я помню Вас совсем девочкой. А теперь Вы словно распустившаяся яблоня.

— Легко расцветать, когда мир вокруг так прекрасен.

— В Вашем возрасте я так же открыто смотрела на мир. — Дама тихо рассмеялась, обмахиваясь веером. — Незабываемое ощущение.

Она сделала несколько глотков, показательно смакуя жидкость на языке.

— Даже шампанское казалось вкуснее. Как жаль, что юность не вечна. Но вы сейчас, Ваше Высочество, как раз в самом прекрасном возрасте.

— Для чего же? — спросила Яра спокойно.

Дама ответила без тени смущения:

— Чтобы найти своего садовника… и наконец пустить корни в землю. Присмотритесь, вокруг достаточно кандидатов на эту роль.

— Прекрасная метафора, — сдержанно произнесла Яра, поворачивая голову вбок.

Её глаза скользнули через весь зал, безошибочно находя высокую и тонкокостную фигуру Маркуса. Словно почувствовав её взгляд, принц повернул голову — лицо его сразу просветлело. Яра почти незаметно выдохнула.

— Прошу меня простить, — сказала она. — Полагаю, мой брат ищет меня.

И, не дожидаясь ответа, направилась через зал.

— Ярослава!

Маркус шагнул ей навстречу.

— Ты выглядишь… — Он на секунду запнулся, подбирая слово. — Просто невероятно.

— Надеюсь, это комплимент? — Она приподняла брови.

— Как будто я могу сказать тебе что-то другое. Ты бесподобна, сестра.

Она окинула взглядом его безупречную одежду и тонкую золотую корону на голове. Мягкие волосы, такие же чёрные, как у неё самой, подчёркивали бледную кожу, щедро усыпанную веснушками — летом кожа принца страдала больше всего, совершенно не способная привыкнуть к солнечным лучам.

— Ты тоже не разочаровал, дорогой брат.

— Пойдём. — Маркус улыбнулся ещё шире и предложил ей руку. — Похоже, половина зала только и ждёт, чтобы познакомиться с тобой.

Яра вложила пальцы в его локоть, позволяя себя увлечь.

Со всех сторон летели имена и фамилии, титулы и должности — всё это сопровождалось поклонами и реверансами. Яра не заметила, как первый бокал в её руке сменился вторым, а чуть позже и третьим. Она слушала, улыбалась, отвечала, но слова текли мимо неё, почти не задерживаясь в памяти.

Локоть Маркуса под её пальцами был жёстким и несгибаемым, и она была благодарна, что можно было положиться на него во всех смыслах. Музыка становилась громче, а губы Яры изгибались уже почти искренне. В принципе, вечер не так уж и плох. А на танцах можно вообще не разговаривать.

Она подняла хрустальный бокал и посмотрела на толпу сквозь стекло. Маркус наклонился к её уху.

— Яра, хватит дурачиться, — тихо произнёс он. — Кстати, ты знакома с делегацией из Фалькенмарха?

Яра чуть повернула голову, встречаясь с ним взглядом.

— Нет. А должна?

Но Маркус не ответил, уже выпрямляясь и поворачиваясь вбок всем корпусом. Ей ничего не оставалось, как повторить его движение.

Перед ними стояли сразу пятеро мужчин в тёмно-синих мундирах. Волосы каждого были острижены коротко, по-военному, но только у одного они были светлые, почти пшеничные.

Маркус произнёс чётко и громко:

— Господа, позвольте представить мою сестру — принцессу Ярославу.

Делегаты Фалькенмарха поклонились ей как по команде. Маркус начал представлять каждого из них.

Но взгляд Яры не сходил с одного человека.

Темная ткань плотно обхватывала его плечи, а жесткий край воротника не давал подбородку опуститься. Но ни украшений, ни знаков отличия не было, только незнакомый, колючий узор на манжетах — такой же, как и у остальных подданных Фалькенмарха.

Голубые глаза перехватили её взгляд. Рейн смотрел спокойно и внимательно, без намёка на удивление.

— А это господин Рейнхольд Уно Дитрих, сын Ульрика фон Дитриха.

Яра поняла, что благополучно прослушала все предыдущие имена. Рейн слегка наклонил голову, а она мягко кивнула, задержав подбородок внизу и глядя на него из-под ресниц.

— Никогда не слышала этого имени. Приятно познакомиться.

Она позволила своим губам изогнуться в короткой, хитрой усмешке. Его глаза насмешливо сверкнули в ответ из-под светлых бровей.

Маркус сказал что-то на фалькенмархском. Слова прозвучали довольно бегло и уверенно, оттого ещё более непривычно для Яры. Мужчины переглянулись — и почти сразу рассмеялись.

— Я что-то пропустила? — удивлённо посмотрела Яра на принца.

Маркус усмехнулся — мягко, почти извиняясь.

— Ничего важного.

Яра сощурила глаза, а Маркус в ответ коснулся её локтя.

— Пойдём. Думаю, отец уже заметил, что мы исчезли из его поля зрения.

Яра снова позволила себя увести, и они медленно пересекли зал, направляясь к возвышению у дальней стены. Там, на помосте, сидели Император и Императрица.

Маркус поднялся по ступеням первым. Яра следовала за ним, двумя руками поднимая подол платья, чтобы не споткнуться.

Они одновременно склонили головы.

— Отец.

— Мама.

Император молчал несколько секунд. Он смотрел на Яру внимательно, словно видел её впервые за долгое время. Серые глаза медленно скользнули по её лицу, по платью, по распущенным волосам. Яра выдержала этот взгляд спокойно, не позволяя подбородку подняться выше.

Наконец император кивнул. Яра перевела глаза на мать. Её улыбка была тёплой и ласковой — совсем не похожей на фальшивые улыбки, которыми обменивались внизу гости.

— А где Эрик? — спросила Императрица встревоженно. — Он обещал прийти раньше всех.

— Его появление мы вряд ли пропустим, дорогая мама.

Яра, наконец, опустилась в кресло. Императрица слегка наклонилась к дочери и едва слышно произнесла:

— Милая, тебе не кажется, что эта помада слишком… вызывающая?

— Она чудно подходит к моему платью, мама, — ответила Яра с улыбкой. — Ничего не могу поделать с модой.

Императрица лишь вздохнула. И именно в этот момент двери зала распахнулись, и на пороге появился младший принц. Шёпот прокатился по залу, а потом люди начали расступаться, освобождая ему дорогу.

— Прошу прощения за опоздание, — сказал Эрик с улыбкой. — Дорога к дворцу сегодня оказалась неожиданно длинной.

Он склонил голову перед родителями, но поклон длился ровно одно мгновение. Его холодные, стальные глаза скользнули в сторону Маркуса, и братья обменялись короткими кивками.

Наконец, бал начался.

Музыка текла непрерывно, танцы сменялись, а Яра едва успевала переводить дыхание. Каждый новый кавалер появлялся словно по сигналу — поклон, протянутая рука, несколько вежливых слов. Она лишь кивала и позволяла увлечь себя в круг.

Через пару часов она уже с трудом стояла на ногах — беспрерывные танцы на каблуках всё же давали о себе знать. К тому же в зале становилось всё жарче, а корсет сдавливал ребра, не позволяя вдохнуть полной грудью. Во время короткого перерыва она потянулась к бокалу шампанского и, наблюдая за залом поверх стеклянного края, случайно увидела Рейна.

Он стоял у дальней колонны, окруженный группой внимательно слушавших его мужчин. Один из них задал вопрос, и Рейн начал что-то объяснять, сдержанно жестикулируя.

Через мгновение очередной партнёр пригласил её на танец, увлекая почти на середину зала, и фигура Рейна исчезла за спинами гостей.

К концу очередного вальса ноги болели уже так, что она едва не морщилась. Когда музыка затихла и кавалер проводил её к краю зала, Яра, пользуясь моментом, скользнула к боковой двери.

Ночной воздух дыхнул в лицо освежающей прохладой. Сад на удивление был почти пуст, и только редкие фонари освещали аллеи, погружая всё остальное в непрозрачную темноту. Издалека доносилась музыка, приглушённая стенами дворца, но всё ещё различимая.

Яра медленно пошла по дорожке в сторону фонтана. Ей очень хотелось снять туфли и пройтись по траве босиком, но под кронами деревьев было слишком темно.

Чуть ли не ругаясь вслух, она наконец села на плоский край каменной чаши. Вода в фонтане была прохладной, и она с наслаждением провела мокрыми ладонями по запястьям, потом коснулась ими щёк. За спиной тихо хрустнул гравий.

Яра резко повернулась на звук. У дорожки стоял Рейн.

— Ты следишь за мной? — спросила она с вызовом.

— Убеждаюсь, что ты в порядке. Видел, как ты ушла с танцев.

— Я дома, в императорском дворце. Что может случиться?

— Действительно. Красноград — один из самых безопасных городов континента, — произнёс он, и на мгновение прижал ладонь к рёбрам. — Я помню.

— А если бы я пошла не одна, ты бы тоже пришёл подсматривать? — спросила Яра насмешливо.

Она с трудом различала в темноте его лицо, но могла с лёгкостью представить, как он усмехается.

— Подобные извращения меня не привлекают. Предпочитаю быть участником процесса, а не наблюдателем.

Девушка почувствовала, как разгораются её щёки. Она не успела придумать остроумный ответ — с конца дорожки раздались голоса.

Яра поднялась на ноги, и схватив Рейна за руку, потянула его в темноту, за раскидистые кустарники. Гравий сменился газоном, и тонкие каблуки туфель предательски проваливались в мягкий грунт. Яра сделала несколько неловких шагов, прежде чем окончательно повиснуть на руке Рейна.

Он успел подхватить её, не давая упасть, и теперь его руки обхватывали её талию, прижимая к себе до неприличия близко.

— Мои туфли… — только и успела сказать она, как Рейн молча поднял её на руки.

Яра охнула и схватила его за шею, чтобы не потерять равновесие.

— Боже, что ты делаешь? — выдохнула она.

— Спасаю твои туфли. И ноги.

От него пахло чем-то свежим и слегка металлическим, не похожим на привычные мужские парфюмы. Яра вздохнула ещё раз, ощущая головокружение — то ли от танцев, то ли от шампанского, то ли от всего вместе.

Наконец ноги коснулись твёрдой поверхности — Рейн аккуратно поставил девушку на землю и, только убедившись, что она стоит на ногах, убрал руки. Яра расправила юбку и подняла глаза, осматриваясь.

Они стояли возле беседки с высокими колоннами, а густая зелень цветущих кустов вокруг надежно прикрывала их от случайных взглядов.

— Для первого бала ты держишься неплохо, — наконец сказала она, нарушая тишину.

— Спасибо. — Он наклонил голову. — У меня был во всех смыслах прекрасный учитель.

Яра поправила волосы, убирая с лица растрепавшиеся пряди. Темнота понемногу растворялась, и теперь она видела его лицо куда более ясно.

— Мне послышалось, или ты назвал меня прекрасной?

— Думаю, это не самый изысканный комплимент, который ты получила за сегодняшний вечер.

— Но первый от тебя.

— Вовсе нет, — заметил он мягко. — Просто слова были другими.

— Так и запишу в плане на следующее занятие: научить тебя делать комплименты.

— О боже, — поморщился он. — Что дальше, искусство соблазнения?

— А тебе нужно?

— А знатные девушки чем-то отличаются от обычных? Ни хвоста, ни третьей руки я что-то не заметил.

— Так я имею дело с героем-любовником? — Яра с любопытством наклонила голову набок. — Даже интересно, когда ты успел набраться опыта в подобных делах?

— Я провёл пять лет в военном училище, а не в монастыре.

— Не знала, что в военном училище настолько свободные нравы… Впрочем, если тебе нравятся мужчины, ничего не имею против.

Выражение его лица стало непередаваемым.

Очередная колкость уже готова была сорваться с языка, но тут Рейн шагнул вперёд, заставляя Яру попятиться и упереться спиной в широкую колонну беседки. Его ладонь легла на камень чуть выше её головы, а лицо оказалось так близко, что она чувствовала его дыхание на своей щеке.

— После таких слов как никогда хочется доказать обратное.

Яра всматривалась в его лицо, ощущая собственное ускорившееся сердцебиение. Всего на секунду она прикусила нижнюю губу, прежде чем выдохнуть.

— Так докажи?

Его глаза прищурились и скользнули ниже по её лицу — на мгновение задержались на губах, а потом опустились на грудь, туго стянутую корсетом и вздымающуюся слишком часто.

Рука опустилась на её поясницу, притягивая и не давая возможности отступить. Яра не успела даже вздохнуть, как почувствовала его губы — настойчивые и мягкие, с напором сминающие её собственные. Как и понять, когда его вторая рука успела протянуться к затылку, зарываясь пальцами в волосы.

При желании она могла бы с лёгкостью вырваться из его рук. Но делать этого совершенно не хотелось, даже наоборот — её губы раскрылись, даже не пытаясь сопротивляться, а дыхание окончательно перестало быть равномерным.

Капитуляция без боя. Вот как это называется.

Почувствовав её отклик, Рейн сменил тактику: теперь губы касались легко и дразняще, растягивая поцелуй, как патоку. Рука с затылка переместилась на её подбородок, касаясь кожи лишь кончиками пальцев.

О да, целовался он превосходно. Чувственно, настойчиво и при этом удивительно нежно.

Яра разорвала поцелуй без всякого предупреждения, одним движением отклоняя голову от его лица.

Глаза сами собой опустились на его рот. Чёткие контуры губ ещё больше подчёркивались следами её губной помады — насыщенный вишнёвый цвет размазался по коже, въедаясь в неё плотно, как татуировка. Испачканные губы смотрелись почти непристойно на фоне белоснежного воротника его рубашки, застёгнутой плотно, под самое горло.

Насколько хуже всё станет, если она расстегнёт верхнюю пуговицу? Оттянет рукой накрахмаленную ткань и оставит ещё один отпечаток, теперь уже на шее?

Она улыбнулась, подняв левый уголок губ так, что на щеке появилась ямочка.

— У меня пересохло горло.

Рейн закрыл глаза всего на секунду. Когда ресницы дрогнули, лицо снова стало непроницаемым. Он медленно опустил руки — сначала Яра почувствовала, как исчезли пальцы на подбородке, потом на пояснице. Он сделал полшага назад.

— Хочешь что-нибудь выпить? — спросил он тихо.

— Хочу отсюда сбежать. Ты ведь умеешь спасать принцесс?

Рейн усмехнулся, отводя взгляд в сторону.

— Даже если сначала придётся подвергнуть её опасности?

— Кто знает? Главное — не ошибиться в последовательности.

— Главное — не ошибиться в желаниях. — Рейн наклонился чуть ниже, заглядывая ей в глаза. — Исполнение некоторых из них может принести сожаление.

— Или удовлетворение. Никогда не узнаешь, если не попробуешь.

— Это слово в вашем языке обозначает два понятия. Какое значение ты имеешь в виду?

Яра поднялась на цыпочки, приближая губы почти вплотную к его уху.

— Явно не то, о котором думаешь ты.

Она заглянула ему в лицо, наблюдая за реакцией. Широкие скулы залились румянцем, совершенно неуместным на мужском лице. Он бросил взгляд вниз.

Яра тихо рассмеялась, довольная произведенным эффектом.

— Ты же не знаешь, о чём я думаю, — Выдохнул Рейн.

— Не имею ни малейшего понятия. В этом и смысл.

— То есть всё дело в непредсказуемости? Этого тебе не хватает в титулованных баронах и принцах?

Он произнёс эти слова с совершенно непонятной для Яры интонацией. Но шампанское всё ещё шумело в голове, и она не заострила на этом своего внимания.

— Не хочу тебя расстраивать, но ты такой же предсказуемый, как и они. Кто сказал, что это недостаток?

На этот раз он вздохнул глубже.

— В искусстве словесных дуэлей тебе нет равных.

— Тренирую тебя на будущее. Чтобы не дошло до настоящих.

Последнюю фразу она произнесла куда серьёзнее, чем ей бы хотелось. Ночной ветер был достаточно прохладным, и от очередного дуновения её плечи зябко вздрогнули. Рейн протянул ей руку раскрытой ладонью вверх.

— Предлагаю совершить маленький побег.

Она коснулась рукой его пальцев медленно, словно нехотя. Губы изогнулись в улыбке.

— Назовём это похищением.

Глава 19 ПОВ Димитр/Трисс

«Рекрут — младший чин, присваиваемый всем поступившим на службу независимо от рода войск».

— Из «Устава императорской армии».

Несмотря на будний день и обеденное время, в коридорах больницы было шумно. Даже слишком.

Димитр заканчивал перевязку, когда дверь в комнату распахнулась без стука, звучно ударяясь о стену. Он поднял голову.

На пороге стояла Трисс — её верхняя одежда была расстёгнута, а волосы небрежно рассыпались по плечам. В руках она сжимала сложенную газету.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, мгновенно напрягшись. — Ты должна быть на работе.

— Отпросилась, — отмахнулась она. — Это важнее.

Он завязал на бинтах последний узел и поднялся на ноги.

— Завтра приходите в такое же время, — наставительно сказал он пациенту и вышел вместе с Трисс в коридор.

— Ты чего такая встревоженная? Что случилось?

Вместо ответа она протянула ему газету. На первой полосе крупными буквами чернел заголовок:

«УДАР В СПИНУ ОТ РАДОНИ».

Его взгляд быстро пробежал по строкам.

— Нам объявили об этом утром. Тут ничего нового.

— Что теперь будет?

— Теперь будет война, — негромко произнёс он, складывая газету пополам. — Мы должны защищаться.

— Защищаться? — повторила она странным тоном. — От кого?

— Трисс, радоньские войска пересекли границу. Никто не станет закрывать на это глаза, и вопрос только в том, как быстро Империя ответит.

— Ты… — Она с презрением указала на газету пальцем. — Веришь в это?

— А ты нет?

Она уставилась на него, распахнув глаза.

— Это какой-то бред. Зачем Радони лезть на нашу территорию? Во сколько раз их армия меньше? В пять? В десять?

— Трисс, нас могут услышать. Подбирай слова, пожалуйста.

Она поджала губы, как всегда делала, когда сдерживала рвущиеся наружу ругательства.

— Это всё ничего не меняет, — ещё больше понизил он голос. — Война неизбежна, вопрос только во времени и масштабах.

Вместо ответа Трисс обхватила себя руками за плечи, нервно покусывая губы. Долгое мгновение она стояла, опустив голову, а потом резко выпрямилась и впилась глазами в его лицо.

— Ты же военнообязанный, так ведь? Как и все лекари?

— Да, но…

— Что «но»?

Димитр вздохнул. У него было достаточно времени, чтобы принять решение, но почему-то именно сейчас он волновался.

— Я не буду ждать призыва. Хочу идти добровольцем.

Она замерла, растерянно моргая. Рот приоткрылся, словно она собиралась что-то сказать, но внезапно забыла слова.

Наконец девушка выдохнула одно-единственное слово:

— Куда?

— На фронт. В полевой госпиталь.

— Ты с ума сошёл? — Её голос сорвался почти на шёпот.

— Я лекарь, Трисс. — Он попытался взять её за руку, чтобы успокоить, но девушка резко дёрнула рукой, отступая на шаг.

— И что? Это бессмысленно!

В коридоре кто-то быстро прошёл мимо, не обратив внимания на их разговор.

— Люди будут умирать, — сказал он жёстко. — Всё, что я умею, всё, к чему меня готовили всю жизнь, — это спасать людей. Как я могу отсиживаться здесь, когда буду нужен там?

— Ты не спасёшь всех! — так же резко ответила она. — Ты не спасёшь даже десятую часть!

— Но хоть кого-то.

— Да ради чего?! — Её глаза вспыхнули, а тело подалось вперёд. — Ради прихоти императора?! Ради чужих амбиций?!

В её дрожащем голосе Димитр услышал неприкрытую злость и постарался ответить как можно сдержаннее.

— Мы говорим не о политике, а о раненых.

— Это солдаты, которых будут отправлять на убой! Спасёшь одного, мобилизуют ещё десять! — отрезала она грубо и яростно.

— Трисс, я сын гетмана. Я не могу отсиживаться в тылу.

Она шагнула ещё ближе к нему. В её взгляде было что-то лихорадочное, почти болезненное, а пальцы нервно теребили пояс плаща.

— Помирись с ним, — быстро сказала она. — Поговори с отцом. Он может… он найдёт способ оставить тебя в столице.

Возмущение захлестнуло его удушливой волной.

— То есть спрятаться?

— То есть остаться живым!

Она снова чуть не перешла на крик. Димитр не выдержал и тоже сорвался на повышенный тон.

— Это мой долг! Как ты этого не понимаешь?!

— Ты не обязан…

Он не дал ей договорить.

— Я обязан! И я не такой трус, как ты думаешь!

Её глаза застекленели от слёз. Искусанные губы дрожали, и мужчина отвёл глаза в сторону, чтобы не видеть её лица. Люди в коридоре уже начинали оборачиваться в их сторону.

— Димитр, я прошу тебя… — Она обхватило его лицо холодными ладонями, поворачивая к себе. — Останься здесь. К чёрту долг, к чёрту принципы. Ты нужен мне здесь!

— Трисс…

Её голос словно потерял силу, превращаясь в мольбу.

— Выбери меня, а не войну… Пожалуйста…

Одним движением он убрал её руки с лица.

— Я подам прошение сегодня же, — произнёс он сухо. — Набор рекрутов начнётся со дня на день.

За стеной кто-то закричал — резкий крик больного разнёсся по коридору.

— Трисс, прости, мне нужно работать.

***

Он ушёл быстрым шагом, не оглядываясь, а она так и стояла, не двигаясь. В ушах шумело, а пространство перед глазами расплывалось— Трисс казалось, что её ударили по затылку кирпичом.

Кто-то окликнул её, уточняя, всё ли в порядке, но она не сказала в ответ ни слова.

Она не помнила, как вышла из больницы. На улице было ветрено, и порывы были не просто холодными, а колючими и злыми. Ветер рвал полы тонкого плаща, забирался под одежду, бросал волосы в лицо, но она не чувствовала холода.

На углу газетчик хрипло выкрикивал:

— Срочный выпуск! Радонь перешла границу! Срочный выпуск!

Люди, толкаясь между собой, совали монеты в его руки, а потом так же быстро выхватывали газетные листы. Кто-то читал их прямо на ходу, кто-то тут же обсуждал новости вслух, перебивая друг друга.

Сзади раздался топот копыт. Несколько офицеров промчались по мостовой — лошади били подковами по камню, и брызги грязной воды разлетались в стороны. Металл на их мундирах блеснул на солнце — осеннем, уже почти не согревающем.

Навстречу двигалась толпа. Сначала Трисс услышала гул голосов, потом слова стали различимыми.

— Смерть врагам Империи!

— Покажем Радони её место!

Кто-то громко смеялся, кто-то выкрикивал лозунги, сжимая кулаки. У некоторых в глазах была неподдельная радость, почти ликование. Трисс прижалась к стене кирпичного дома, пережидая марш — подобные толпы пугали её и раньше.

Страна уже готовилась к войне. А может даже уже была готова.

Она снова ступила на проезжую часть, и кто-то толкнул её плечом, не извинившись. Девушка на секунду замерла, судорожно оглянувшись, а потом подняла взгляд к небу. Она всеми силами сдерживалась, чтобы не разрыдаться, но предательские капли всё равно поползли по щекам, обжигая кожу на ветру.

***

К вечеру свинцовое небо разразилось проливным дождём, и Красноград захлебнулся потоками воды.

Для Димитра этот день показался бесконечным. Разговор с Трисс вышел слишком напряженным, и большого труда стоило сосредоточиться на работе и перестать прокручивать в голове её слова.

Больше полугода прошло с момента их приезда в Красноград. Димитр так и не отправил письмо отцу, хотя написал его ещё в первые дни.

Заявиться на пороге родительского дома прямо сейчас означало признать, что отец всё-таки был прав.

«Ты слабак и трус! Ты недостоин называться моим сыном! »

Слова почти двухлетней давности набатом звучали в голове. Отец не принимал его выбора. И всегда считал, что знает лучше, что нужно было самому Димитру.

Лицо Трисс стояло перед глазами. Она так и осталась стоять посреди больничного коридора, совершенно растерянная, но что он мог сделать?

Что бы сказал отец о Трисс, если бы Димитр решил их познакомить?

Но одно правильное решение может всё изменить. И тогда отец примет его, примет его выбор, примет его любимую женщину. Всё изменится, нужно только решиться.

Точнее, он уже всё решил. И даже сделал.

Оставалось только объяснить это Трисс.

Димитр рассчитывал, что хотя бы сегодня она ляжет спать, не дожидаясь его возвращения. Но ещё издали, на подходе к дому, он заметил в окне свет. Предчувствие очередного тяжёлого разговора поползло по позвоночнику, словно скользкая холодная змея.

Он медлил, стоя под проливным дождём, не находя в себе силы коснуться ручки двери и подняться на нужный этаж.

Она не поймёт. Они снова будут ругаться до утра, пока он не скажет что-то такое, от чего она отвернётся и замолчит, отсутствующее глядя в окно.

Ботинки окончательно промокли, и он заставил себя шагнуть вперёд.

Трисс, как обычно, сидела за столом. Под опухшими глазами темнели потёки от косметики, ресницы слиплись, а щёки блестели.

Он внутренне напрягся, скользя взглядом по её рукам, безвольно лежащим на столе. Но на этот раз не было привычного бокала — перед ней стоял полупустой хрустальный графин. Свет лампы преломлялся в гранях стекла, разбрасывая по столешнице холодные отблески.

Раньше она не плакала. Даже когда он залечивал её раны и зелья обжигали изрезанную на лоскуты кожу.

Он медленно подошёл ближе. Голос прозвучал тихо, но вполне отчётливо.

— Сколько ты выпила?

Её бледные губы так и не разомкнулись для ответа. Димитр сжал челюсть. Стоило догадаться, что известие о войне ещё больше усугубило её нездоровое состояние.

— Трисс.

Пальцы даже не дрогнули, а глаза по-прежнему смотрели в одну точку.

— Я подал прошение, — произнёс он. — Официально.

Девушка наконец подняла голову. Без всяких сомнений, она была пьяной, но взгляд на удивление осознанным, с долей злости.

— Как неожиданно, — протянула она словно издевательски. — Я тоже.

— Что «тоже»?

Трисс медленно откинулась на спинку стула, переплетая руки на груди.

— Рекрут магического корпуса, — произнесла она отстранённо. — Приятно познакомиться.

Димитр опустился на соседний стул.

— Ты пьяная, — выдохнул он, не до конца понимая её слова.

— Ну да. — Она коротко усмехнулась. — В армии с этим будет трудновато, так что пользуюсь случаем.

Он посмотрел на Трисс с плохо скрываемым отчаянием. Да, она может сказать, что Конклав не видит разницы между мужчинами и женщинами. Или что в магический корпус всегда нужны рекруты. Но чёрт возьми, это всё звучало как форменное самоубийство.

— Трисс, послушай меня. Магический корпус — это не место для… — Он осёкся.

— Для кого? — спросила она ровно.

— Ты не в том состоянии, чтобы идти на фронт. Ты едва спишь. Ты пьёшь. Ты…

— Больная? — закончила она за него.

Он отвёл взгляд на секунду — и этого хватило.

— Не смей испытывать ко мне жалость! — сорвалась она на крик. — Не смей, слышишь? Я лучше тебя осознаю, на что мы подписались!

— Нет, не осознаёшь, — процедил он.

— Хочу тебе напомнить, что я училась на факультете боевой магии, — отрезала она. — И в реальном сражении магов берегут куда больше, чем обозы и солдат.

— Ты не служила в армии! Ты даже академию не закончила!

— Мне не дали этого сделать!

— Какая, к чёрту, разница?

Он осознал, что последнюю фразу выкрикнул, уже стоя на ногах и сжимая руки в кулаки. Трисс вздёрнула подбородок, упрямо сжимая губы.

— Ты даже и близко не представляешь, через что я прошла, — сказала она тихо, а потом добавила: — Если бы ты знал — уж точно не считал бы слабой.

Он пропустил её слова мимо ушей.

— Почему ты со мной не посоветовалась?

Она хмыкнула, не скрывая раздражения.

— Потому что ты бы хотел, чтобы я осталась дома. Терпеливо ждала, ходила волонтёром в госпиталь, отправляла письма на фронт. Что там ещё положено делать?

— Но что в этом плохого, Трисс? — Он посмотрел на неё с грустью. — Ты была бы в полной безопасности.

— Что плохого? Даже не знаю, — горько заметила девушка, выливая остатки жидкости из графина в рюмку. — Ты пытаешься впихнуть меня в роль порядочной послушной жены, но я не являюсь ни первым, ни вторым, ни третьим. Тебе не приходило в голову, что я вижу своё будущее как-то иначе?

— Я не уверен, что ты вообще об этом думала, — произнёс он сухо. — Последние полгода всё, что ты делала, — это ходила на работу и пила по вечерам. Не очень похоже на здоровый взгляд на вещи.

Она улыбнулась криво и будто насмешливо.

— Тогда зачем это всё? Зачем ты со мной, если я тебя не устраиваю?

— Потому что я тебя люблю.

Это был абсолютно неудачный момент для признания, но слова вырвались сами собой, словно в ответ на всё, что происходило между ними в последнее время.

Лицо Трисс исказилось. Губы задрожали, и она плотно сжала их. Но слезы всё равно потекли по её щекам, и она отвернулась, глядя куда-то в сторону.

— Поэтому и я не могу остаться дома. Что бы ни случилось, мы будем вместе.

Димитр отодвинул наполненную рюмку в сторону и накрыл ладонь Трисс своей рукой.

Глава 20 ПОВ Яра

«В Императорской армии женщины служат в магическом, лекарском и снабженческом корпусах. Женщины несут службу наравне с мужчинами, работают в полевых госпиталях, сопровождают войска и несут ту же ответственность. Однако высшие военные чины, командные должности и награды для них остаются недоступны ввиду неспособности женского организма выдерживать продолжительные физические нагрузки, тяготы походной жизни и иные испытания, неизбежные для высшего командного состава».

— Из «Устава Императорской армии»

Яра почти закончила завтракать, когда в столовую вошла императрица Ксения.

Девушка сразу поднялась, приветствуя мать лёгким поклоном.

— Доброе утро, мама.

Императрица ничего не ответила, лихорадочно скользя по девушке взглядом, словно не до конца понимая, кто стоит перед ней.

— Мама, что случилось? — обеспокоенно спросила Яра, подходя ближе. — Что-то с Маркусом? С отцом?

— С ними всё в порядке.

Яра облегчённо выдохнула.

— Но… — Императрица всхлипнула. — Началась война, доченька.

— С кем? Мама, с кем война?

Императрица лишь покачала головой, продолжая плакать и не в силах ответить ни на один из вопросов.

Яра мягко обняла её. Возле дверей столовой стоял слуга, и девушка беззвучно произнесла одними губами, ласково гладя мать по спине:

— Газету, живо!

Спустя несколько минут ей удалось усадить мать в кресло и заставить её выпить несколько глотков воды. Слуга принёс газету, и Яра впилась глазами в мелкие печатные буквы.

— Отведи Её Величество к лекарю, — приказала она слуге, подрываясь на ноги. — Пусть даст успокоительное.

Маркуса она нашла в его кабинете, влетев в комнату почти без стука. Он сидел за столом, и какой-то незнакомый Яре служащий склонился рядом с ним, подавая бумаги на подпись.

Яра и не подумала выйти.

— Закончим чуть позже, мне необходимо поговорить с сестрой, — тихо произнёс Маркус, отсылая служащего.

— Маркус, это правда?

Девушка бросила перед ним газету, чудом не порвав тонкие страницы. Маркус, сцепив пальцы, оперся локтями на стол и поднял на девушку глаза.

— Хотел бы я обрадовать тебя... Но да, это правда. Сегодня Радонь напала на Империю.

Её взгляд лихорадочно метался по его лицу.

— Это же война, да?

— Да, Яра. Со дня на день Император объявит мобилизацию.

— Это… Это какая-то чудовищная ошибка. Неужели нельзя решить всё дипломатически?

Маркус вздохнул медленно и тяжело.

— Это всё неважно. Война будет в любом случае, такова воля отца.

— И ты считаешь это разумным?

— Никого не волнует, что я считаю.

— А Эрик?

— Он в восторге и рвётся в бой. Смею предположить, что он станет самым молодым генералом в истории императорской армии.

Яра нависла над братом, опираясь руками о столешницу.

— Маркус, ты же наследный принц. Убеди отца решить всё миром. Он должен к тебе прислушаться!

— Яра, я пытался. Но никто уже не в силах остановить то, что происходит.

— Ты сдался. Даже не попытавшись что-то поменять! — крикнула она ему в лицо.

Маркус вскочил на ноги, в один миг становясь выше её.

— Я не трус и не слабак, если ты об этом! Решение о войне было принято ещё полгода назад, что я, по-твоему, могу изменить?!

— Что ты сказал? — потрясённо выдохнула девушка.

— Что слышала!

— И ты… И ты не сказал мне?

Злые слёзы выступили в её глазах, превращая лицо брата в размытый контур.

— Отец запретил, — отрезал Маркус. — Да и что бы это поменяло?

Яра моргнула. Зрение снова обрело чёткость, и щёки неприятно закололо от слёз.

— Что бы это поменяло? — язвительно уточнила она и добавила тихо: — Моё отношение к тебе!

Маркус выглядел так, будто она дала ему пощёчину. Не сказав больше ни слова, Яра вышла из кабинета.

Ноги сами понесли её в тренировочный зал, хотя она понятия не имела, чем сейчас занимался Рейн. Длинная юбка путалась между ног, а ступни гудели от быстрого шага на высоких каблуках.

В зале тренировалась группа лучников, однако Яра не увидела ни одного знакомого лица. А еще все они были заметно моложе тех, кто служил в императорском полку.

— Кто-нибудь знает, где найти Рейнхольда Уно Дитриха? — спросила Яра громко, скользя взглядом по лицам присутствующих.

— Ваше Императорское Высочество, — поклонился ей один из лучников, и остальные спешно последовали его примеру. — Господин Наставник сейчас в мастерских.

— Отведи меня туда немедленно, — приказала Яра.

Говоривший с ней парень отдал свой лук соседу и поспешил выполнить её просьбу.

Пока они шли по коридору, Яра пыталась собрать мысли в кучу.

Господин Наставник? Почему Рейн ни разу не упомянул, что учит новобранцев для императорской армии? И как долго он этим занимался?

Яра не позволяла нехорошим подозрениям завладеть её мыслями.

Молодой лучник открыл перед ней дверь, пропуская её вперёд. Маленькая мастерская была была заставлена столами с лежащими на них луками. Рейн стоял в окружении учеников, показывая им какой-то механизм.

— Прошу всех, кроме господина Дитриха, покинуть эту комнату.

Её голос не оставлял ни малейших сомнений в необходимости выполнить её приказ здесь и сейчас.

— Ждите меня в зале, я скоро приду, — бросил Рейн ученикам, и они покинули комнату, непонимающе переглядываясь между собой.

Глухо лязгнула тяжёлая дверь.

— Что случилось? — Мужчина шагнул навстречу Яре.

Буквально в один миг её плечи опустились, а ноги сами сделали шаг вперед. Она обвила руками его широкий торс и спрятала лицо, прижимаясь щекой к кожаной жилетке на его груди.

— Принцесса, что случилось? — Его руки мягко легли на ее плечи.

— Ты же уже знаешь? Что началась… война?

Она прошептала последнее слово с трудом.

— Да, я уже знаю, — так же тихо ответил он. — Это ужасно, но никто из нас не волен ничего изменить, даже ты.

— Они хотят этой войны, — надломленно прошептала Яра. — Но как же так?

— Это политика. И в ней нет места тому милосердию и добросердечности, о которых говорят в ваших храмах. Мне жаль, что тебе приходится осознавать это в таких обстоятельствах.

Яра подняла голову, заглядывая ему в глаза.

— А ты? Ты уедешь домой?

Он еще больше нахмурился и покачал головой.

— Я остаюсь в Красноградe. Мои дела ещё не закончены.

— Но разве Фалькенмарх не будет держать нейтралитет, как и всегда? Разве ты не должен покинуть столицу вместе с остальными членами дипломатической делегации?

— Всё… сложнее, чем ты думаешь.

— Объясни мне! Объясни мне прямо сейчас!

Какое-то время он молчал. А потом тихо произнес с внезапно усилившимся акцентом:

— Ты знаешь, что производит мой отец?

— При чём здесь это, Рейн? Какое сейчас до этого дело?

— Яра, моя семья — самый крупный производитель оружия во всём Фалькенмархе.

Осознание пришло моментально. Яра высвободилась из его объятий и отступила на шаг, не сводя глаз с его лица.

— То есть ты знал? Что… готовится война?

Рейн на мгновение стиснул зубы, но потом все же ответил:

— Да, знал. С самого начала.

— И не сказал мне?!

Он шагнул к ней, пытаясь сократить возникшую дистанцию.

— Как ты себе это представляешь? — горько произнёс он. — Это же государственная тайна, соглашение между Императором и моим отцом. Тебе ли не знать о таких вещах?

— То есть ты мне врал? — спросила она преувеличенно спокойно. —Всё это время?

— Я недоговаривал. Это разные вещи.

— Я думала, что мы помогаем друг другу, — сделала она ещё один шаг назад. — И доверяем друг другу!

— Я не хотел втягивать тебя в это. Ну знала бы ты раньше — и что? Только бы переживала зазря.

— Зазря? Вот как? — Она подошла к нему вплотную.

Его обычно голубые глаза сейчас казались ей серыми, почти стальными. Под глазами залегли тени, а щёки покрывала светлая щетина, словно у него не было времени на такую мелочь, как бритьё.

Как она могла не замечать? Столько времени?

— Я не это хотел сказать… — попытался он оправдаться.

— Ты такой же, как и они, — перебила его девушка, не скрывая обвинения в голосе.

— Яра…

— Не смей ко мне так обращаться! Не смей даже смотреть в мою сторону!

Она развернулась на каблуках, стремительно покидая комнату.

— Яра, послушай…

Но она лишь хлопнула дверью.

Глава 21 ПОВ Яра

«Лучники, наряду с магами, считаются одной из главных сил Императорской армии. Корпус лучников занимает в ней особое положение и пользуется рядом прав и привилегий, недоступных большинству других родов войск».

— Из «Устава Императорской армии»

Следующие две недели Яра почти не выходила из своей комнаты, часами лёжа в кровати с книгой в руках — часто ей не удавалось прочитать ни страницы, но это было хотя бы подобием какого-либо занятия.

За это время Маркус приходил к ней трижды, но Яра упрямо отказывалась с ним разговаривать. Он приносил охапки её любимых алых роз, но сейчас девушка видела в этом насыщенном оттенке лепестков зловещий кровавый цвет и приказывала служанкам избавиться от букетов как можно скорее.

От Рейна никаких новостей не было, словно его существование было придумано её воспалённым сознанием.

Ещё никогда она не чувствовала себя настолько одинокой. Служанки каждое утро приносили в её покои свежие газеты, но на фронте пока царило затишье — Империя собирала силы, чтобы ударить в ответ.

В один из дней к ней в комнату зашёл отец. Яра подняла глаза и машинально захлопнула книгу. Потом села ровнее.

— Отец, — сказала она коротко, наклоняя голову.

Он сделал несколько шагов внутрь комнаты. Почему-то именно сейчас Яра обратила внимание на его волосы. Еще полгода назад едва тронутые сединой, сейчас они были под стать его глазам — серым, почти стальным.

— Эрик уезжает с войском. Выйди проводить брата.

Яра послушно поднялась с кровати. Император сощурил глаза.

— Ярослава, что с тобой происходит? Ты нездорова?

— Тебе не стоит обо мне волноваться, отец, — сказала она, не глядя ему в лицо. — В последнее время у меня часто болит голова.

— В последнее время мы все страдаем подобной проблемой. Если что — обратись к лекарям.

— Непременно. Я могу переодеться?

— Конечно, — бросил император и вышел из комнаты.

Буквально через секунду в дверь постучали. На пороге появилась Ульяна — служанка, отвечающая за одежду и причёски принцессы.

— Ваше Высочество, позвольте помочь?

Яра лишь кивнула.

Умелые руки служанки ловко затянули корсаж тяжёлого бархатного платья. Объёмные складки юбки ниспадали до самого пола, а само платье ощущалось как кольчуга — неудобная, но жизненно необходимая. С волосами пришлось повозиться — упрямые пряди так и норовили выбиться из пучка, несмотря на кучу шпилек и заколок.

— Нанесём сегодня чуть больше румян? — спросила у Яры служанка.

— Если считаешь необходимым, — скупо ответила девушка.

Последним штрихом служанка надела на её голову тонкий золотой обруч.

Площадь перед дворцом была заполнена людьми. Флаги трепетали на ветру, барабаны глухо отбивали ритм, и от этого звука у Яры действительно начала болеть голова.

— За Империю!

— Слава принцу!

Толпа ревела так, будто провожала не людей на войну, а актёров на сцену. Яре казалось, что ещё секунда — и раздадутся аплодисменты.

Эрик стоял внизу у лестницы — в новой форме, сидящей на нём настолько идеально, что принц напоминал игрушечного оловянного солдатика. Золото на мундире сияло на солнце, вместо меча на боку болталась церемониальная сабля.

Император стоял рядом и улыбался той самой улыбкой, которой он одаривал послов и генералов. Широкой, уверенной, торжественной.

Яра смотрела на всё это и чувствовала, как мир вокруг слегка плывёт. Она попыталась проморгаться, но, видимо, дело было не в зрении. Она не могла избавиться от ощущения, что кто-то поставил пьесу и только она не выучила свою роль.

Она медленно спустилась по ступеням. Эрик повернулся к ней, сияющий, как мальчишка на ярмарке.

— Не думал, что ты придёшь, — усмехнулся он.

Яра молча наклонилась и поцеловала его в щёку.

Его мундир пах свежевыделанной кожей и чем-то приторно-сладким, совершенно неуместным в подобной ситуации. Принц обнял её, с силой прижимая к своей груди. Яра обняла его в ответ, но внутри нее всё сжалось от странного отвращения — к этому блеску, к этому запаху, к самому моменту.

— Ты такая красивая. Иногда мне даже жаль, что ты моя сестра, — шепнул Эрик ей на ухо.

Яра почувствовала, что её подташнивает. Наконец принц разжал руки, и ей удалось сделать шаг назад.

— За принца Рикодима! — снова взревела толпа.

Император поднял руку, и шум стал ещё громче. Спустя долгое, почти бесконечное для Яры мгновение трубы протрубили сигнал, и Эрик вскочил в седло.

Яра поспешила во дворец, хотя присутствующие всё ещё провожали глазами постепенно удаляющуюся из виду фигуру принца. В коридорах дворца было спасительно тихо.

Скорее бы добраться до своей комнаты. Снять неудобное платье, вытащить шпильки из волос и лечь, выкинув из головы все мысли.

— Ваше Высочество!

Слова разнеслись по пустому коридору гулким эхом. И, конечно же, она узнала голос. Но не обернулась и не остановилась.

Рейн догнал её через несколько шагов, обошел и загородил проход своим телом. Яра скользнула по нему взглядом — на этот раз не было ни лука, ни привычной тренировочной одежды, только парадная форма. Его щёки были идеально выбриты, а на боку висела богато украшенная сабля.

Почти такая же, как у Эрика.

— Ваше Императорское Высочество, — холодно поправила его Яра. — И ты не имеешь права обращаться ко мне первым.

Он метнул на неё странный взгляд, но упрямо продолжил:

— Ваше Высочество, я прошу об аудиенции.

Прежде чем ответить, Яра демонстративно прошлась глазами по его одежде, потом поджала губы и подняла подбородок.

— Не вижу причины для встречи в подобном формате.

Рейн сделал едва заметный шаг в её сторону.

— Я считаю необходимым объяснить ряд обстоятельств, которые стали причиной нашего недопонимания, особенно в сложившейся ситуации.

— Надо же, — язвительно протянула Яра, резко сбрасывая маску приличий. — Мои уроки всё же пошли тебе на пользу. А теперь дай мне пройти.

Она попыталась обойти его сбоку, но коридор был узким, и ему было достаточно лишь слегка шагнуть в сторону, чтобы снова перекрыть ей проход.

— Мне стоит позвать стражу? — иронично, но не скрывая угрозы, бросила она.

— Пожалуйста, дай мне объясниться, — куда тише произнёс он. — Я имею на это право.

— На твоём месте я бы обозначала свои права… с предельной аккуратностью. Не всем они даны по праву рождения.

Удар пришелся именно туда, куда она целилась. Челюсти на его лице напряглись, а глаза скользнули в пол — ранить словами Яра была научена в совершенстве.

— Слишком грязный намёк для особы с короной на голове, — выдохнул он.

Уголки её губ опустились. Она моргнула и первой опустила взгляд.

— В парке в шесть, — безразлично бросила она.

Мужчина отступил вбок, пропуская её.

К вечеру погода испортилась. Пронизывающий ветер принёс на город низкие тучи, из которых почти сразу хлынул дождь.

Яра подходила к окну несколько раз. Она то переплетала руки на груди, то начинала теребить волосы, пытаясь унять беспокойство, но мысли продолжали крутиться в голове с болезненной настойчивостью.

Она может не приходить. Тем более в такую погоду. И он не имел права высказать претензию — дворцовый этикет позволял ей проигнорировать встречу и по более мелким поводам.

Пожалуй, проигнорировать встречу было бы самым мудрым решением. Но когда часы показали начало шестого, она открыла дверцу шкафа, вытащила плащ и накинула его на плечи.

Из-за дождя сумерки подкрадывались ещё быстрее, делая окружающий мир серым, словно выцветшим. Рейн явно пришёл раньше условленного времени и теперь ждал её, ссутулившись на скамейке. При виде нее он поднялся, стряхивая с волос капли дождя, но так и не сделал шага навстречу.

— Спасибо. — На мгновение он наклонил голову, не сводя с неё взгляда. — Я был почти уверен, что ты не придёшь.

— Я не имею привычки нарушать договорённости.

Она указала рукой на тропинку, жестом задавая направление.

— Да, в этом ты безупречна.

Яре стоило больших усилий не скривиться в ответ на очевидный комплимент.

— Я здесь не для того, чтобы выслушивать льстивые речи в свой адрес.

— Я не пытаюсь тебе льстить. Это всего лишь объективная оценка.

— Оценка? Ты мне больше не учитель, — бросила она жёстким тоном. — Точнее… Я вообще не имею понятия, кто передо мной.

— Можешь быть уверена: я не лжец и не шпион. И точно не враг тебе.

Яра переплела руки на груди.

— О да. Ты всего лишь втёрся мне в доверие и воспользовался мной в своих целях, — процедила она. — Скажи, ты заранее придумал этот план или на месте сориентировался?

— Ничего я не планировал! — возмущённо выдохнул Рейн, резко вскидывая голову.

Эти слова ещё больше ее раззадорили.

— Отдаю тебе должное. Зачем по крупицам собирать информацию, если можно получить все и сразу? — Она не заметила, как ускорила шаг. — Всего лишь стоит запудрить мозги молоденькой дурочке, обделённой вниманием. И она, без сомнений, выложит тебе всё, что ты захочешь.

— Прекрати! Что за глупости ты говоришь?

Он резко остановился, а голос впервые за весь разговор прозвучал по-настоящему громко. Яра развернулась на месте, впервые за всю встречу заглядывая ему в лицо.

— Имей смелость признаться!

— Имей смелость взглянуть правде в глаза!

Они замерли. Дождь шумел вокруг сплошной серой завесой, стекая по лицу Яры холодными каплями, но девушка почти не замечала этого. Рейн запустил руку в волосы, с силой проводя пальцами от лба к затылку.

— Какова вероятность встретить принцессу в тренировочном зале в шесть утра? Какова вероятность, что она предложит идиотский спор, а потом выиграет его? — Его глаза под напряжёнными бровями впивались в её лицо. — Просто подумай, разве это можно подстроить?

Его голос становился громче с каждой новой фразой, а в движениях появилась непривычная резкость.

— Я не знаю! — выкрикнула Яра. — В этом дворце нет ни одного человека, который говорил бы мне правду, нет никого, кому я сейчас могу доверять!

Наверное, стоило говорить об этом тише. Стоило сдерживать свои эмоции. Но в этот момент Яру совершенно не заботило, были ли свидетели их ожесточённого диалога.

— А потом появляешься ты. — Она обвинительно выставила указательный палец в его сторону, чувствуя, как начинает дрожать рука. — Не такой, как моя семья, не такой, как принято в Империи. И стоило мне решить, что со мной наконец честны, меня в очередной раз обманывают!

Его голос прозвучал неожиданно глухо:

— Ты могла узнать, если бы захотела. Я дал тебе достаточно данных, чтобы ты могла с лёгкостью меня проверить.

Яра опустила взгляд на землю. Капли дождя разбивались о тёмную грязь у её ног, превращая тропинку в вязкое месиво.

Почему она не сказала о Рейне Маркусу? Не попросила с самого начала найти информацию о странном незнакомце? Почему продолжала встречаться с ним снова и снова?

Потому что... Она не задавала вопросов, на которые не хотела услышать ответов.

Осознание пришло внезапно. Яра едва заметно вздрогнула и попыталась плотнее закутаться в слишком тонкий для такой погоды плащ.

Между ними повисла пауза, но они продолжали углубляться в парк прямо к набережной, мимо деревьев с начинающими желтеть листьями. Дождь усиливался, а света становилось всё меньше.

— Я буду задавать вопросы, — отчеканила Яра. — А ты будешь отвечать. Любое молчание с твоей стороны — и я ухожу.

Он вздохнул и скрестил руки на груди, будто заранее готовясь к неприятному разговору.

— Спрашивай.

Яра отвернулась, становясь лицом к реке, и скользнула глазами по водной глади до горизонта. Тёмная вода казалась почти чёрной под низким небом.

— Какой договор связывает моего отца и твоего?

— Закупка оружия. Поставка его для императорской армии.

— Какая роль у тебя?

— Готовить новобранцев. Обучать их обращению с новым поколением луков.

Он отвечал по-военному коротко, а Яра только ускорялась.

— Новое поколение? Массовое производство?

— Да. Империя закупила большую партию.

— Когда ты узнал, что Империя готовится к войне?

— Ещё до приезда в Красноград.

Яра загнула пальцы на правой руке, подсчитывая. То есть почти полгода. Полгода счастливого неведения и беззаботности. Внутри неё что-то болезненно сжалось, а дыхание на мгновение сбилось.

Она повернулась к нему резким, слегка нервным движением.

— Я не понимаю. Если ты был наставником для новобранцев, зачем тебе находиться при дворе? Тем более что о закупках оружия уже было договорено заранее. Зачем все эти заигрывания?

— Мы поставляем оружие не только в императорскую армию, — ответил он ровно. — Многие из знати хотят… чувствовать себя безопасно.

— То есть вы продаёте оружие любому?

— Любому, кто заплатит.

— Как же это отвратительно, — с презрением сказала Яра, скривив губы.

— Закупает Империя, закупает Приория и Велеградье. И ещё десяток других стран этого континента, — Рейн говорил об этом, не выражая никаких эмоций. — Никто не выигрывает, просто становится больше оружия. У всех вас. Баланс сил неизменен.

— Но вы единственные, кто поимеет с этого выгоду.

— Я никогда не говорил, что я благородный рыцарь, Принцесса.

Она снова отвернулась. Капюшон противно облепил голову, а сам плащ становился всё тяжелее, вбирая в себя воду и промокая почти насквозь. Надо было закончить разговор и вернуться во дворец. Но нужные слова не шли в голову, а мысли путались между собой.

Она не понимала, на кого злилась больше — на него или на саму себя.

— И что теперь? — спросила она, не поворачиваясь. — Что ты будешь делать?

— То же, что и раньше. Только сейчас… — он замолчал, подбирая слова, — сейчас я буду вовлечён в дела гораздо больше.

— Ты сам это выбрал, — отрезала она жёстко.

— Ничего я не выбирал, — ответил мужчина натянуто. — Нравится мне это или нет, но я делаю то, что должен.

— То есть ты просто плывёшь по течению.

— Выбор — это привилегия, которой у меня не было и не будет, — произнёс Рейн неожиданно спокойным тоном и добавил чуть тише: — Я не живу иллюзиями, Принцесса.

Яра зябко повела плечами.

— Это помешает тебе тренировать меня?

Вопрос прозвучал слишком прямо, слишком… лично. Но сегодня она как никогда хотела конкретных формулировок.

— Ты хочешь продолжить тренировки? — уточнил Рейн, и Яра услышала лёгкую неуверенность в его голосе.

— А у тебя есть на это время?

— Найду.

Какое-то время она молчала, неотрывно глядя на воду — течение было быстрым, и ветер только усиливал мелкие волны на поверхности.

Наконец она всё же произнесла:

— Если ты думаешь, что всё будет как раньше, ты заблуждаешься.

Тон вышел резким, а слова — хлёсткими. Она не повернулась, чтобы увидеть его лицо, но услышала в голосе смирение.

— Я не жду, что всё будет как раньше.

— Хорошо. Рада, что мы это прояснили.

Глава 22 ПОВ Трисс

«Вера хороша тем, что избавляет от необходимости думать. Нужно лишь выбрать, во что верить, и достаточно долго повторять себе, что это истина».

— Трисс

Вопреки ожиданиям многих, конфликт разгорался медленно.

Империя наступала неспешно, будто нарочно растягивая собственную тяжёлую поступь, стягивая к границе всё новые полки и обозы. Радонь же отвечала лишь короткими, выматывающими стычками, скорее прощупывая, чем действительно пытаясь нанести серьёзный удар.

Сначала Трисс даже казалось, что всё происходящее выглядит почти… организованно.

Первые полтора месяца они прожили в одном из приграничных городов, и она даже была рада внезапной передышке — пока пехота маршировала по улицам, а кавалерия тренировалась на открытой местности, маги и лекари начинали откровенно скучать от безделья.

Димитр проводил с ней почти всё свободное время, наслаждаясь этой странной, мирной иллюзией. Он улыбался, спокойно и открыто, а у неё болезненно сжималось что-то под рёбрами от одной только мысли, насколько быстро всё это может закончиться.

В один из дней она подошла к зеркалу с ножницами. Выбеленные концы волос висели неопрятной соломой, тогда как натуральный тёмный цвет успел отрасти до ушей. А еще волосы путались и оставались на расчёске целыми клочьями, обламываясь по всей длине.

Она обстригла их чуть ниже мочек ушей.

А через день их перевели ближе к фронту.

Лагерь, разбитый уже на территории Радони возле крошечного городка под названием Терешковица, оказался огромным, шумным и пугающе хаотичным. Повсюду тянулись ряды сырых палаток, сапоги вязли в грязи, а вещи безнадежно пропахли дымом от костров.

И чем дольше Трисс находилась здесь, тем сильнее внутри поднималась тревога, которую было не унять ничем.

— Связи между корпусами нет. Единого командования — нет. Нам ничего не объясняют. Будем ли мы атаковать? Или обороняться? Как я должна понять, куда бить, чтобы не зацепить своих же?!

Она нервно ходила по палатке, не сдерживая эмоций, а полотно за её спиной то и дело вздрагивало от порывов ветра. Перед отправкой в лагерь им выдали форму, и комплект Трисс оказался не по размеру — рубашка висела на плечах нелепым мешком, а на ремне в штанах пришлось сделать дополнительные отверстия — в противном случае они даже не держались на бедрах.

Это раздражало её почти иррационально. Словно форма была символом происходящего вокруг беспорядка.

Димитр сидел на краю узкой походной койки, ссутулившись над чемоданчиком с инструментами. Он перебирал их уже третий раз за вечер, и Трисс слишком хорошо знала эти движения — медленные и раздражающе педантичные. Он всегда начинал перебирать вещи, когда нервничал и пытался это скрыть.

— Трисс, это нормально, что нам не сообщают диспозицию противника. Это задачи командования, а мы с тобой всего лишь рекруты.

Волосы были слишком короткими, чтобы удержаться завязанными в хвост, и непослушные пряди постоянно лезли в лицо. Трисс отбросила их назад резким движением.

— Мой начальник полнейший кретин! Сделал мне выговор за то, что я закатала рукава — это, видите ли, не по уставу!

Димитр тяжело вздохнул и наконец закрыл крышку чемоданчика. Она заметила, как на секунду напряглась его челюсть — совсем слегка, почти незаметно.

— Хочешь, я подошью их тебе? Не придётся закатывать.

От этой спокойной интонации ей захотелось взвыть.

Как он вообще умудрялся говорить таким ровным голосом посреди этого хаоса?

— Не хочу! — упрямо выкрикнула она. — Как будто мои руки станут хуже работать, если я не буду одета по каким-то дурацким правилам!

Он поднял на неё взгляд — усталый, но, как обычно, терпеливый.

— Трисс, это армия. Тебе сложно привыкнуть, потому что ты не служила раньше.

Она наконец остановилась на одном месте.

— Димитр, нам даже формы нормальной не дали, и это в магическом корпусе! Что происходит у других подразделений? Выдают два левых сапога?

Он коротко потёр переносицу пальцами.

— Никто не был готов к нападению Радони. Поэтому и возникают подобные… заминки.

— Эти заминки могут стоить жизни. Я могу принять тот факт, что никто не был готов к войне. Но не могу смириться с наплевательским отношением!

Она почти задыхалась от переполнявших её эмоций, и от этого ладони сами собой сжимались в кулаки. Но хуже всего было то, что Димитр смотрел на неё так, будто пытался успокоить испуганного ребёнка.

— Я не собираюсь это дальше слушать! — не выдержал он. — Трисс, ты всего лишь рекрут! Наша задача — исполнять приказы, не оценивая и не раздумывая!

Она уставилась на него с недоверием. На мгновение сжала зубы, а потом высказала давно сформированную в сознании мысль.

— Я не собираюсь подчиняться идиоту с золотыми нашивками, если мне прикажут рисковать собственной жизнью.

Димитр нахмурился, пристально вглядываясь ей в лицо.

— Ты хочешь… дезертировать?

На мгновение в палатке стало так тихо, что стало отчётливо слышно, как солдаты снаружи перебрасывались короткими фразами.

Трисс коротко, нервно хмыкнула.

— Нет. Ты втянул нас в это слишком глубоко, чтобы я могла сбежать без последствий.

Она почти сразу пожалела об этих словах. Потому что лицо Димитра изменилось мгновенно.

Он резко поднялся на ноги, и койка под ним жалобно скрипнула.

— Если ты помнишь… — Он явно сдерживался, чтобы не повысить голос.— Я был против. Я просил тебя остаться, Трисс. Но ты упёрлась и сделала всё сама, не удосужившись сказать мне хоть слово о своём решении!

На секунду ей стало стыдно. Но это чувство почти сразу утонуло в раздражении и тревоге.

— Да! И я готова нести ответственность за своё решение! Но не умирать!

Трисс сама почувствовала, как предательски дрогнул голос.

Его лицо мгновенно изменилось — злость исчезла так быстро, будто её никогда и не было. Плечи едва заметно опустились, а взгляд стал болезненно мягким.

Она ненавидела этот взгляд. Ненавидела, что он всегда начинал жалеть её именно тогда, когда она меньше всего нуждалась в его жалости.

— Никто не собирается умирать. Ты же сама говорила, что вас берегут в бою, что маги — самый ценный ресурс…

— Мой корпус в любом случае не будет на передовой. А твой? — Она шагнула ближе. — Вам даже брони не выдали, хотя именно вы будете вытаскивать раненых без возможности хоть как-то защитить себя.

Димитр отвёл взгляд в сторону всего на секунду, но Трисс успела это заметить.

— Вот именно, — процедила она. — Даже ты понимаешь, насколько всё это безумно.

— Я не думаю, что вражеским войскам удастся прорвать нашу оборону. Твои опасения беспочвенны.

— Твоя вера в силу нашей армии просто потрясающая, — протянула она язвительно.

— Трисс, давай закончим этот разговор, я прошу тебя.

Как и всегда. Просто сделать вид, что ничего не происходит.

— Ты останешься на ночь?

И почему-то именно этот вопрос окончательно вывел её из себя.

— По уставу я должна ночевать в своём подразделении, — едко бросила она, хватаясь за полог палатки. — Вдруг нас вздумают атаковать, а я лежу с голой задницей?

Она вышла наружу так резко, что солдаты, сидящие у костра возле соседней палатки, разом замолкли, повернув головы в ее сторону.

Всё же у этой формы было одно достоинство — все сразу понимали, кто стоял перед ними. Магов одновременно уважали, боялись и избегали.

Вместо того, чтобы пойти к своей палатке, она обошла лагерь по кругу и оказалась на возвышенности, где уже не было ни всполохов костров, ни шума разговоров.

Она почти машинально подняла голову вверх — и замерла.

Воздух был прозрачным от холода, а небо ясным, усыпанным необычайно яркими звездами — Трисс еще никогда не видела их так отчетливо. Она вообще не покидала Красноград до своего суда, а в городе свет магических ламп затмевал собой все, что располагалось где-то высоко и недостижимо далеко.

Когда-то давно ей казалось, что взрослые люди понимают мир.

Что у преподавателей, генералов, членов Конклава, у всех этих серьёзных мужчин с золотыми нашивками и усталыми глазами действительно есть какой-то план, скрытый от тех, кто младше и глупее. Сейчас от подобных мыслей не осталось и следа — никому не было дела, выживут они или нет.

Пальцы сами собой скользнули во внутренний карман форменной куртки — через мгновение в руке заблестело стекло. Трисс поддела пробку ногтем и высыпала на язык несколько острых кристалликов. Вкус был одновременно приторно-сладким и горьким.

А всего через несколько часов, еще затемно, их подняли по тревоге.

Глава 23 ПОВ Трисс

«Всякая магия меняет цвет зачарованного предмета, но только чёрный впитывает чары, оставаясь неизменным»

— из лекции профессора боевой магии Императорской Академии

— Трисс! Очнись! — Голос Димитра долетал будто сквозь толщу воды. — Открой глаза!

Ночью их подняли по тревоге, а уже днём началась битва — первая за эту войну, настолько хаотичная и громкая, что теперь ей казалось, будто мир всегда состоял только из лязга металла, криков раненых, рвущегося конского хрипа и вспышек магии, разрывающих серое осеннее небо ослепительными полосами.

На построении им наконец озвучили задумку командования — императорские войска должны были собраться в одном месте и резко начать наступление, не давая неприятельской армии организовать оборону. У Империи было сразу два преимущества — численность и внезапность, и именно эти факторы, по словам офицеров, должны были обеспечить быструю победу ещё до того, как Радонь успеет подтянуть основные силы.

Однако план, выглядевший таким убедительным на бумаге, оказался бесполезным почти с первых минут наступления.

Радоньские войска были готовы.

Более того — они словно заранее знали, где именно ударят имперские полки и какими дорогами пойдут обозы. А их магический корпус не уступал ни по численности, ни по мастерству — Трисс почти сразу оценила силу заклинаний, точность их попадания и согласованность, с которой радоньские маги били не по толпе вообще, а по самым слабым местам строя.

Первый магический залп накрыл наступающие ряды ещё до того, как она успела увидеть линию вражеской обороны, и земля буквально взорвалась у них под ногами, выбрасывая вверх комья грязи, человеческие тела и лошадиные внутренности, а воздух мгновенно наполнился таким количеством пепла и дыма, что стало невозможно нормально дышать.

Магический корпус был вынужден накрыть ряды пехоты защитными чарами, но для этого нужно было предельно чётко соблюдать строй и объединять свои силы с другими магами. Поначалу это им даже удалось — девушка чувствовала плотный невидимый контур, поддерживаемый силами таких же, как она. Магический щит дрожал под ударами, натягивался, как кожа барабана, и отдавался в костях глухой, мучительной вибрацией.

Удары противника сыпались непрекращающимся шквалом, не позволяя снять защитный купол и разразиться ответным залпом.

Но вскоре даже защищаться оказалось невозможно.

Полетели зачарованные стрелы, с лёгкостью пробивающие как металлические кольчуги, так и защитные чары. Лучники били целенаправленно, и стрелы начали выкашивать магов одного за другим, будто те были соломенными мишенями на тренировочном поле.

Магический контур проседал в местах, где исчезала опора в виде человека. Нагрузка на оставшихся сразу увеличивалась, вычерпывая ресурс с сумасшедшей скоростью.

Трисс отчётливо ощущала, как во рту появился металлический привкус, а пальцы начали неметь, но она всё равно держала линию, потому что стоило отпустить — и пехоту впереди них просто смело бы очередным залпом.

Ближайший по контуру мужчина справа от Трисс упал на колени — стрела попала ему в плечо. Он прижал к ране руку и разорвал контур, пытаясь окружить чарами только себя, но не успел — вторая стрела прошла через его грудь насквозь.

Он даже не сразу упал.

Несколько мгновений стоял на коленях, глядя вниз на древко, торчащее из груди, будто не мог понять, как оно там оказалось, а потом медленно завалился набок, и связь на этом участке контура исчезла окончательно.

Эта тактика была годами отточена императорскими войсками: уничтожить магический корпус противника и после этого с лёгкостью перебить пехоту и кавалерию. Только вот армия Императора была совершенно не готова к тому, что кто-то решится сделать так же.

Трисс разорвала контур и, подчиняясь до предела обострившейся интуиции, резко подалась телом вбок — стрела просвистела буквально возле её уха.

Она бросилась бежать, на ходу срывая с рукава нашивки.

Неважно, сколько победных битв было в истории Империи, — эту им не выиграть ни при каком раскладе.

К чёрту Империю, к чёрту начальство, к чёрту всё.

Найти Димитра. Выбраться из потока людей. Сбежать.

Срывающимся голосом она выкрикнула слова заклинания — теперь магия вела её к Димитру, тонкой, болезненно яркой нитью протягиваясь куда-то сквозь дым, крики и хаос.

Ещё в Красноградe она подарила ему медальон на цепочке — он воспринял это как романтичный жест примирения. Такой же висел на шее у самой Трисс — она не призналась мужчине, что зачаровала медальоны, облив тусклое золото своей кровью и превратив их в якорь для поискового заклинания.

Она нашла лекаря относительно недалеко от себя — мужчина стоял на коленях возле захлёбывающегося кровью раненого, обеими руками прижимая к чужому животу пропитанную красным повязку.

— Димитр!

Она закричала ещё на расстоянии. Лекарь поднял голову, и в это мгновение по Трисс ударила чужая магия.

Удар отбросил её на землю с такой силой, что на какое-то время исчезли вообще все звуки, кроме тонкого звона в ушах. Лёгкие сжало в спазме, и она не могла вздохнуть, открывая и закрывая рот, как вытащенная из воды рыба.

Когда от недостатка воздуха она начала терять сознание, кто-то схватил её за плечи.

— Трисс! Очнись! — Голос Димитра долетал будто сквозь толщу воды. — Открой глаза!

Его магия теплом прошлась через её грудь, и лёгкие расширились, судорожно наполняясь кислородом. Трисс закашлялась.

Она уже пыталась подняться, лихорадочно скользя глазами вокруг.

Тёмно-серые кители радоньской армии перемешались с имперской зелёной формой. Ни о каких правилах ведения боя никто и не вспоминал: каждый защищался как мог и бил чем мог.

Буквально в паре метров от Трисс солдат радоньской армии добивал имперского офицера ударами ножа в грудь — офицер явно был мёртв, но удары продолжали крошить его грудную клетку, разбрызгивая вокруг капли крови. Через секунду убийца вскрикнул — стрела распорола его шею сбоку, и кровь хлынула стремительным потоком, моментально пропитывая тёмный китель.

Трисс судорожно оглядывалась, пытаясь сориентироваться.

Она наконец увидела радоньских магов — они шли небольшой группой, распространяя перед собой сизый, неестественно плотный туман. Трава от него жухла, чернела и ложилась к земле, а если дымка касалась человеческого тела, место контакта моментально покрывалось следами гниения.

Трисс почувствовала, как в воздухе запахло тухлым мясом.

А ещё она понятия не имела, как противостоять этой совершенно незнакомой магии.

Магов было не меньше десятка — прорваться через них было невозможно, даже если бы она потратила весь свой ресурс. Волна ужаса поднялась от желудка к горлу, и на мгновение ей показалось, что её сейчас вырвет.

К счастью, Димитр среагировал быстрее.

— Бежим влево! Скорее!

Мужчина дёрнул Трисс за руку, поднимая её на ноги. Мимо её плеча пролетела очередная стрела, и Димитр побежал, так и не выпустив её ладонь и буквально таща её за собой. Нога обо что-то зацепилась — Трисс чуть не упала на очередной труп, но лекарь смог удержать её в равновесии.

— Аккуратно, сбоку! — крикнула Трисс.

Димитр вовремя обогнул лужу молочной слизи на земле — оседая, отравленный туман превращался в не менее ядовитую жидкость, которая шипела в траве и оставляла на земле выжженные, дымящиеся пятна.

Они не знали, куда бегут, выбирая единственное приемлемое направление, и очень скоро уткнулись в сосредоточение войск, где бой шёл не единичными стычками, а в огромной толпе. Судя по всему, это было столкновение шеренг пехоты, но сейчас оно походило на резню всех со всеми.

— Нельзя! Назад!

Димитр в очередной раз дёрнул её на себя, и они вместе упали на землю. Снова послышался шум атакующих заклинаний, и мужчина навалился на неё, пытаясь закрыть её голову руками. Их обдало взорванной землёй, а совсем близко упал огненный шар, подпалив обозную телегу.

Трисс почувствовала запах горящей ткани, дерева, волос и чего-то ещё — сладковатого и мясного, отчего желудок снова сжался.

А спереди нарастал странный гул.

Сначала он был похож на далёкий гром, но с каждым мгновением становился всё плотнее, тяжелее и ближе, будто сама земля начинала дрожать под чем-то огромным и неотвратимым.

Димитр поднялся первым, поднимая её с земли. Трисс протёрла рукавом слезящиеся глаза и наконец различила первого всадника.

Он скакал верхом, облачённый в тёмные доспехи и шлем с рогами. Высоко поднятая рука сжимала длинный меч — недвусмысленный знак наступления.

И самое страшное — он был не один.

За его спиной по долине неслась лавина чернолатных всадников, и казалось, что их поток не заканчивался даже на горизонте. За лидирующим всадником скакал ещё один, держа в руках развевающееся знамя.

Кроваво-красное полотно с чёрным солнцем над контуром гор.

Догадка мелькнула в её голове, но Трисс бросила взгляд на лицо Димитра в попытке убедиться, что ей не померещилось.

— Трисс, это приорцы, — она не успела ничего спросить, а он уже ответил внезапно упавшим голосом. — Это чёртовы ублюдки приорцы!

Девушка вцепилась ему в плечи.

— Они не маги! — выкрикнула она ему в лицо. — Я смогу нас защитить, но мне нужно закрыть спину!

Трисс судорожно оглянулась по сторонам и почти сразу заметила ещё одну телегу, на этот раз вполне целую.

— Туда, давай!

Она махнула рукой, и Димитр без слов понял её замысел. Оставалось совсем немного времени до того, как чёрное море накроет их в своей безжалостной атаке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.